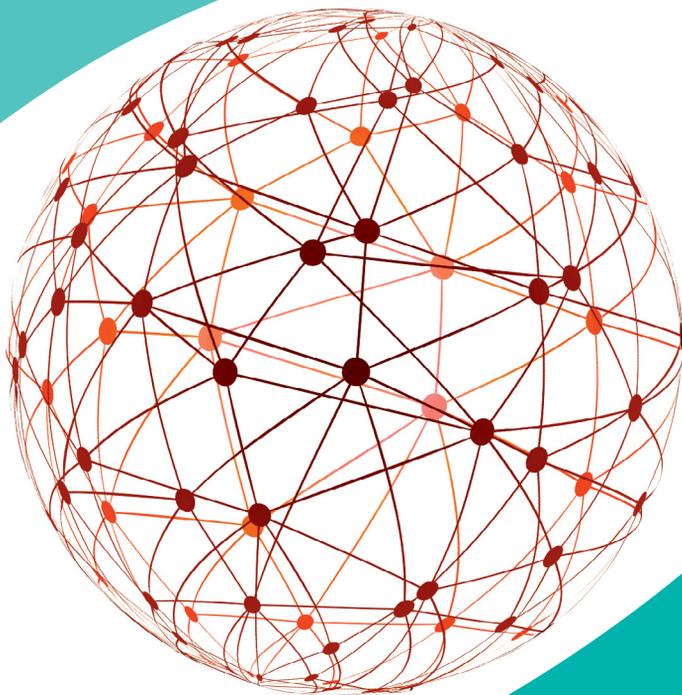

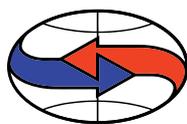
№ 2 (18) / 2022

ISSN: 2687-0703

ГЕОЭКОНОМИКА ЭНЕРГЕТИКИ

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Институт стран СНГ

Научно-аналитический журнал

ГЕОЭКОНОМИКА ЭНЕРГЕТИКИ

№ 2 (18)

Москва

2022

СОВЕТ УЧРЕДИТЕЛЕЙ

Затулин К. Ф., специальный представитель Государственной думы РФ по вопросам миграции и гражданства, первый заместитель председателя Комитета Государственной думы РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, депутат Госдумы I, IV, V, VII созывов;

Никифоров К. В., доктор исторических наук, историк-славист, директор Института славяноведения РАН;

Тишков В. А., доктор исторических наук, профессор, историк, этнолог, социальный антрополог, действительный член РАН;

Торкунов А. В., действительный член РАН, доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор, ректор МГИМО МИД России, председатель совета директоров АО «Первый канал».

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Глазьев С. Ю., академик РАН, доктор экономических наук, профессор, советник Президента Российской Федерации, представитель Президента Российской Федерации в Национальном банковском совете;

Егоров В. Г., доктор исторических наук, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Международные отношения и геополитика транспорта» РУТ (МИИТ);

Кожокин Е. М., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО МИД России;

Кузнецов А. В., член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, директор Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН;

Ли Юнцюань, директор Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук;

Симонов К. В., кандидат политических наук, доцент Финансового университета при Правительстве РФ, основатель и генеральный директор ФНЭБ;

Суварян Ю. М., академик Национальной академии наук Республики Армения, доктор экономических наук, профессор, академик-секретарь Отделения арменоведения и общественных наук;

Хасбулатов Р. И., член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой мировой экономики РЭУ им. Г. В. Плеханова.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Белогорьев А. М., заместитель главного директора по энергетическому направлению, директор Центра стратегического анализа и прогнозирования развития топливно-энергетического комплекса;

Вардомский Л. Б., доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра постсоветских исследований Института экономики РАН;

Волошин В. И., доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором энергетической политики Института экономики РАН;

Дзарасов Р. С., доктор экономических наук, заведующий кафедрой политической экономики и истории экономической науки Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова;

Жильцов С. С., доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России;

Конотопов М. В., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории ИЭ РАН;

Кузнецова О. Д., доктор экономических наук, профессор кафедры истории экономических наук Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова;

Лавренов С. Я., доктор политических наук, профессор Военного университета Министерства обороны России;

Медведев Д. А., кандидат политических наук, доцент кафедры национальной безопасности РГУ нефти и газа (НИУ) им. И. М. Губкина;

Олимов М. А., доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения Таджикского национального университета;

Панова Г. С., доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой «Банки, денежное обращение и кредит» Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России;

Рахимов М. А., доктор исторических наук, профессор, Координационно-методический центр новейшей истории Узбекистана;

Тавадян А. А., доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра экономических исследований Армении;

Устюжанина Е. В., доктор экономических наук, заведующая кафедрой экономической теории Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова;

Хейфец Б. А., доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики РАН, профессор Финансового университета при Правительстве РФ;

Чуфрин Г. И., доктор экономических наук, профессор, академик РАН, руководитель научного направления, Центр постсоветских исследований ИМЭМО РАН;

Штоль В. В., доктор политических наук, профессор, член научного совета при Совете безопасности России, член центрального правления Российской ассоциации содействия ООН, член Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Управлении Министерства юстиции Российской Федерации по Московской области.

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор – А. А. Мигранян, доктор экономических наук, профессор

Редактор – О. А. Борисова, научный сотрудник Института стран СНГ

Корректор – Т. С. Митрофаненко

Вёрстка – А. А. Горбунов

**Учредитель и издатель –
Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ)**

**Журнал «Геоэкономика энергетики»
рекомендован Высшей аттестационной комиссией (ВАК)
в Перечне ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации
на соискание учёной степени кандидата и доктора наук.**

СЛОВО РЕДАКТОРА

Развитие ситуации на мировых энергетических рынках во втором квартале напоминало ускоренное ралли по накручиваю санкций и попыткам всячески ограничить возможности российских энергетических компаний участвовать в мировой торговле на равных конкурентных условиях. Санкции по отношению к поставкам российской нефти и газа в полной мере не принимались, однако пролонгация их исполнения до осени уже создала напряжённость и стимулировала рост цен. Комплекс санкционных ограничений по остальным направлениям серьёзно усилило давление на российских экспортёров нефти, что обусловило вынужденный рост дисконта при её продаже. При этом результаты санкционного давления не устраивают ни тех, кто их вводит, ни тех, кто вынужден с ними считаться.

Основными бенефициарами данной ситуации становятся страны с растущим спросом на энергоносители (Индия, Китай, Монголия и т.п.), энергетическая политика которых становится более активной. В данной ситуации продвижение китайской инициативы «Один пояс — один путь» в центрально-азиатском регионе стало восприниматься как фактор усиления своих позиций в регионе, а не содействия экономическому развитию стран региона.

Проблемы выхода из экономического кризиса Монголия видит в развитии сотрудничества с Россией в сфере обеспечения её энергетическими ресурсами. Работа по обоснованию строительства инфраструктурных объектов («Сила Сибири — 2», «Союз Восток») могли бы способствовать развитию промышленного потенциала страны и большей диверсификации поставок российских энергоресурсов на восточном направлении, что соответствует взаимовыгодному удовлетворению национальных интересов партнёров.

Продвижение эффективной государственной политики на основе защиты своих национальных интересов возможно и через различные политические, общественные фонды и другие некоммерческие организации, опыт использования которых на сегодня позволяет западным странам в выгодно свете позиционировать свои непопулярные решения по санкциям против России, несмотря на то что они в первую очередь негативно влияют на уровень жизни европейцев.

На фоне дестабилизации экономического сотрудничества с европейскими странами взаимодействие со странами ЕАЭС также несколько сбавило свои темпы, что связано с определяющей ролью российской экономики и её самочувствием, растущими рисками партнёров по блоку из-за угрозы применения вторичных санкций. В этой связи переосмысление форматов сотрудничества, их правового регулирования и глубокого анализа экономических процессов позволит Союзу стимулировать интенсивность сотрудничества.

*С уважением,
главный редактор Мигранян А. А.*

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕДАКТОРА	4
АКТУАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ ЭНЕРГОСЕКТОРА	
М. САЛИХОВ, И. ЮШКОВ, С. МИТРАХОВИЧ. <i>Усиление санкционного давления на российский сегмент рынка энергоресурсов. Актуальные интервью</i>	6
ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА	
А. ГРОЗИН. <i>Внешнеэкономическая политика Китая в Центральной Азии: достижения и проблемы в энергосекторе</i>	34
Д. ХАРИТОНОВА. <i>Энергетическая политика Монголии и её сотрудничество с Россией</i>	62
ГЕОПОЛИТИКА И ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ	
Д. ВЫШЕГОРОДЦЕВ. <i>Немецкие политические фонды как инструмент энергетической политики ФРГ в Центрально-Восточной Европе</i>	80
ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ	
И. КРИШТАЛЬ. <i>Рынок труда на пространстве СНГ и региональная миграция: новые тренды и старые тенденции</i>	120
МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО	
А. ПЫЛИН. <i>Потенциал приграничного сотрудничества России и Казахстана как фактор развития экономики регионов в современных условиях</i>	137
ИНСТИТУТЫ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ	
А. АКМАТАЛИЕВА. <i>Особенности применения нетарифных мер регулирования внешней торговли в отношении российских товаров</i>	157
СОДЕРЖАНИЕ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	171

УСИЛЕНИЕ САНКЦИОННОГО ДАВЛЕНИЯ НА РОССИЙСКИЙ СЕГМЕНТ РЫНКА ЭНЕРГОРЕСУРСОВ. АКТУАЛЬНЫЕ ИНТЕРВЬЮ

Дата поступления в редакцию: 10.06.2022.

Для цитирования: Усиление санкционного давления на российский сегмент рынка энергоресурсов. Актуальные интервью / М. Р. Салихов, И. В. Юшков, С. П. Митрахович. – Геоэкономика энергетики. № 2 (18). С. 6–33 DOI: 10.48137/26870703_2022_18_2_6

Ключевые слова: экономические санкции, эмбарго на экспорт нефти, угля, динамика цен на энергоносители, геополитические факторы, мировой энергетический рынок, рынок энергоресурсов ЕС.

В материале представлены аналитические оценки ведущими экспертами ситуации на мировых энергетических рынках на фоне усиления санкционного давления со стороны коллективного Запада на российские энергетические компании, на экспортёров энергоносителей и тотальных логистических, финансовых и прочих ограничений по отношению ко всем участникам рынка под угрозой вторичных санкций. Анализ геополитических, экономических последствий влияния этих санкций на участников мирового рынка, проведённый экспертами, позволяет обосновать новые тренды развития сектора.

Усиление санкционного давления на российскую экономику в большей степени получило развитие в сфере финансовых, страховых ограничений по сопровождению логистических операций и как отказ от поставок российских энергоресурсов в шестом пакете. По факту принятие шестого пакета, включающего добровольный отказ ЕС от поставок российской нефти (за исключением поставок по трубопроводу «Дружба»), стало мощным фактором, стимулирующим рост дефицита и цен на нефть на мировых рынках. При этом возникли достаточно серьёзные риски и для российских экспортёров, что отразилось на ценовом спреде. С другой стороны, часть экспертов склонны видеть в сложившейся ситуации потенциал роста и реальные

стимулы для переориентации на восточных потребителей для российских экспортеров энергоносителей. В этой связи редакция журнала продолжает серию бесед с ведущими экспертами в области энергетического сотрудничества России с основными партнёрами о ситуации на мировых энергетических рынках и факторах, на неё влияющих. Анализ актуальных и острых тем направлен на формирование объективной картины происходящего.

Беседы провела главный редактор Аза Мигранян.

Марсель САЛИХОВ

Аза Мигранян: *Как Вы оцениваете сегодня ситуацию на мировых энергетических рынках?*

Марсель Салихов: Если в целом говорить о текущей ситуации на мировом рынке нефти, не привязываясь к российским поставкам, то мировой рынок находится в дефиците.

В текущих условиях предложение не покрывает имеющийся спрос. Это прослеживается как в показателях запасов, которые всё равно либо остаются стабильными, либо снижаются, так и в мировых ценах на нефть, которые уже устойчиво превышают 100 долл. за баррель — уровень, не так давно казавшийся недостижимым. Всё это говорит о том, что рынок в целом находится в дефиците. Любые перебои либо ограничения на предложения, в том числе связанные с санкциями против России, либо ввод эмбарго в этих условиях будут приводить к дальнейшему росту цен. Это связано с тем, что свободных мощностей мало, и любое сокращение предложения будет транслироваться в рост цен, что и прослеживается по ситуации за последние несколько месяцев.

А. М.: *Скажите, пожалуйста: продажа Соединёнными Штатами своих резервов и рассмотрение этой же возможности другими странами являются способом временного переживания дефицита? Или мы имеем критерий, который говорит об усугублении ситуации дефицита в будущем?*

М. С.: В целом понятно, что продажа нефти из стратегических резервов может дать какое-то время и снивелировать ценовые шоки. Но в любом

САЛИХОВ Марсель Робертович, президент Института энергетики и финансов, главный директор по экономическому направлению, кандидат экономических наук. **Адрес:** Российская Федерация, г. Москва, Архангельский пер., 101000, д. 7. **E-mail:** info@fief.ru. **SPIN-код:** 9493-3066. **ORCID:** 0000-0002-7489-3230.

случае её характер временный. Фундаментально продажа стратегических резервов не влияет на баланс спроса и предложения.

С другой стороны, понятно, почему Соединённые Штаты приняли решение сейчас продавать нефть из резервов. Потому что это решение обеспечивает дополнительный приток в размере одного миллиона баррелей в сутки на следующие полгода. Это позволяет уменьшить существующий дефицит. Без продажи резервов дефицит был бы ещё больше, цены были бы выше, потому что рынок сейчас очень узкий. Соединённые Штаты рассчитывают, что эти полгода их сланцевая добыча сможет обеспечить дополнительный прирост предложения. Вполне возможно, что в этом году добыча сланцевой нефти вырастет на 1–1,2 млн баррелей в сутки.

С другой стороны, возможно, что появятся новые источники предложения из санкционных стран, в первую очередь Ирана и Венесуэлы. Сейчас этого пока ещё не происходит, вопрос по санкциям Ирана пока не решён, но на горизонте 6 месяцев новое предложение может появиться со стороны Ирана, и это тоже поможет рынку. Я думаю, что их стратегия примерно такая. В последние месяцы Венесуэла и Иран стали увеличивать объёмы поставок на мировой рынок даже без снятия санкций, так как фактически западные страны не будут вводить вторичные санкции и заинтересованы в росте предложения.

А. М.: На этом фоне, очевидно, вырисовывается тренд увеличения потерь российских экспортёров, в силу того что появляются новые экспортёры, способные заместить российскую нефть. Кроме того, учитывая те условия, при которых маржа дисконта достаточно велика, можем ли мы прогнозировать ускоренное сокращение объёмов добычи и потерю рынков?

М. С.: Важный вопрос здесь заключается в цифрах — на сколько произойдёт сокращение экспорта, на сколько произойдёт сокращение добычи. По данным за последние 3 месяца, добыча в апреле довольно сильно сократилась, примерно на 8–9 % по отношению к февралю. При этом в мае уже началась стабилизация. Всё благодаря тому, что были найдены новые покупатели, логистика и транспортировка нефти отчасти переориентировались на азиатские рынки. В мае, скорее всего, мы увидим рост добычи на несколько процентных пунктов. Но надо понимать, что это всё происходит без ввода эмбарго со стороны Европейского союза, который с высокой степенью вероятности всё-таки будет введён. Ввод эмбарго будет означать дополнительный стресс, дополнительный шок для российской нефтяной промышленности. Мы думаем, что даже при перенастройке, при замещении поставок, которые были ориентированы на азиатские рынки, произойдёт сокращение добычи и сокращение экспорта.

А. М.: Следовательно, для России более вероятен сценарий постепенного восстановления за счёт формирования новых логистических цепочек, способов

обхода различного рода ограничений, связанных с ограничениями, с портами, с перемещением, со страховками. Тем не менее в целом мы должны предусматривать более худшие сценарии развития событий.

М. С.: Ожидается, что в этом году добыча нефти сократится на 10 %, с 525 до 470 млн т, сокращение продолжится и в 2023 г. Потом будет некая стабилизация на уровне 460–470 млн т. В долгосрочной перспективе часть добычи всё равно будет потеряна, примерно 10 % добычи сократится и не будет восстановлено.

А. М.: *Когда мы говорим о нефтяной отрасли, очевидно, что наиболее уязвимым местом для российских производителей, добывающих ресурсных компаний является импортозамещение нефтесервисных компонентов — различного рода присадок, элементов, катализаторов. Есть ли перспективы импортозамещения либо нам надо будет переориентироваться на более низкокачественный импортный аналог из третьих стран?*

М. С.: Мне кажется, здесь нет какого-то общего вектора. Это бинарная составляющая — либо всё производить самим, либо всё замещать из других стран. В каких-то случаях имеет смысл обеспечивать собственное производство, в каких-то случаях имеет смысл завозить. В целом нефтесервис, базовый нефтесервис и основная часть материалов, исходного сырья производятся внутри российскими компаниями.

Например, буровые установки в значительной степени завозились из Китая, потому что Китай производит достаточно качественное оборудование, и при этом оно более доступно по цене по сравнению с западными компаниями. В связи с чем многие нефтяники и переориентировались именно на китайские буровые установки ещё до ввода ограничений.

Мы сильно зависим от западных нефтесервисных компаний *Schlumberger*, *Baker Hughes*, *Halliburton* именно в части программного обеспечения, доступа к данным, высокотехнологичных работ, дополнительных методов повышения нефтеотдачи. Именно такой сегмент рынка сильно зависит от западных технологий, и он будет просаживаться.

При этом даже в Китае или каких-то других странах нет аналогичных предложений, аналогичных компаний, которые могут обеспечивать подобные услуги. Потому что *Schlumberger* работает глобально, они собирают информацию о бурении по всему миру, у них есть уникальная база данных. Заместить такой опыт невозможно.

Но надо понимать, что ожидается 10 % сокращения добычи. Это означает, что потребность в каких-то новых инвестициях снижается. Соответственно, если добыча будет снижаться, то и дополнительные инвестиции в обустройство месторождений будут откладываться. Сейчас складывается ситуация, в

которой рынок, российская экономика и нефтяная промышленность проходят трансформацию. В связи с чем особенных проблем... отсутствие доступа к суперсовременным технологиям не представляет проблему с точки зрения текущих показателей добычи, потому что добыча будет снижаться из-за сложностей с экспортом, с переориентацией поставок на другие рынки.

А. М.: Есть ли существенные отличия ситуации на газовом рынке в связи с другой архитектурой, ценообразованием и покупателями? Какая на данный момент ситуация на мировом рынке газа? Каковы перспективы рынка Евросоюза с точки зрения отказа от оплаты в рублях, введения эмбарго на российский газ? Особенно учитывая закрытие доступа к газораспределительной станции Украиной – есть ли перспективы для России переориентироваться на другие рынки?

М. С.: В целом да, рынки газа и нефти сильно отличаются. Фундаментально основные отличия связаны с тем, что транспортировка нефти – достаточно отлаженный процесс с помощью в первую очередь танкеров, морских перевозок, а транспортировка газа осуществляется сложно. Требуется либо строительство дорогих, дорогостоящих трубопроводов, либо инфраструктура сжижения, разжижения природного газа. Это означает, что из-за сложности транспортировки глобальный рынок газа в каком-то смысле формируется, но его нет.

Мы говорим в первую очередь о каких-то отдельных региональных рынках – это Северная Америка, Европа и Азия. За последние годы за счёт того, что сегмент СПГ развивался, эти рынки становились более связанными между собой. Уровень цен сближался из-за того, что появляется всё больше, больше и терминалов по приёму, и заводов по сжижению СПГ. Таким образом, рынки становятся более взаимосвязанными. Тем не менее общего рынка нет.

Если в данный момент рассмотреть уровни оптовых цен в Соединённых Штатах – 250 долл. за тыс. куб. м, в Европе на споте это 1000 долл. Это означает, что рынки всё равно остаются разрозненными. Хотя можно ожидать, что конвергенция основных региональных рынков будет продолжаться, по мере того как сегмент СПГ будет развиваться.

Что касается конкретно европейского рынка, то сейчас для него как раз основным фактором является отказ от российского газа. Это политическое решение, которое принято. В начале марта был предложен план под названием *RePower Europe* от Европейской комиссии. 18 мая был опубликован уточнённый план, который подразумевает, что до 2030 г. произойдёт полный отказ от поставок российского газа.

Что это означает? Для Евросоюза это означает, что в обозримой перспективе на европейском рынке будут сохраняться высокие цены. Если в прошлом году мы ожидали, что текущая цена (1000 долл.) – это экстремаль-

ный вариант, и ожидалось, что цены вернуться к 250–300 долл., то сейчас – что в обозримой перспективе цена на европейском рынке будут на уровне 500–600 долл. за 1 тыс. куб. м. Это необходимо, чтобы европейский рынок был привлекательным для отличных от российских поставщиков, чтобы у них был стимул поставлять на европейский рынок.

Это происходит уже сейчас: цены в Европе были выше, чем в Азии, соответственно свободный СПГ отчасти переориентировался с Азии на Европу. Это уникальная ситуация, поскольку обычно Азия была премиальным рынком. Сейчас это место занимает Европа. Соответственно, в Европе газ будет дороже, и это долгосрочно. Европа будет ориентироваться в первую очередь на СПГ, и, скорее всего, это будут заключены контракты с Катаром, с американскими компаниями, которые будут строить заводы по сжижению СПГ.

Сокращение экспорта и отказ от российского газа в Европе – это долгосрочный тренд, с которым нам придётся смириться. Россия в этих условиях всё равно для европейского рынка с точки зрения трубопроводных поставок является ключевым поставщиком, 75 % общего экспорта приходится на Европейский союз. Вся инфраструктура газотранспортной системы, по большому счёту, ориентирована на европейские страны, на европейский рынок. Сейчас это означает, что Россия будет терять своего ключевого покупателя и необходимо обеспечивать замещение. Здесь возможности по строительству новых СПГ-заводов ограничены.

Сейчас невозможно без западных технологий быстро построить крупный завод. «Арктик–2», проект от «Новатэка», уже столкнулся с проблемами. Скорее всего, они введут первую очередь завода, 6,6 млн т, а ситуация со второй очередью пока неизвестна. «Новатэк» не комментирует информацию о том, как они будут справляться с этой проблемой, потому что завод строился с использованием технологии немецкой компании *Linde*. Переориентироваться на строительство нового СПГ быстро невозможно. Несмотря на то что есть и российские, и китайские технологии, переход на них займёт более чем 5 лет. Завод в среднем строится 4–5 лет при учёте использования готовых коммерческих технологий. Поэтому, скорее всего, в России произойдёт отмена большей части запланированных СПГ-заводов: они будут либо заморожены, либо отложены.

В этом случае вариантом остаётся трубопроводный экспорт, в первую очередь с использованием имеющейся инфраструктуры. У России есть перспективы на рынке Турции в связи с ростом рынка и потребления природного газа в этой стране. Газопроводы «Голубой поток» и «Турецкий поток» дают возможность увеличивать поставки на турецкий рынок. Отдельно необходимо отметить, что Турция платит по рыночным ценам, тогда как Белоруссия и Армения платят цены ниже рыночных. В связи с чем необходимо ориентироваться не только на объёмы прокачки, но и на цены, по которым продаётся газ.

Ключевым может быть китайский рынок, потому что Китай тоже будет увеличивать потребление газа, а СПГ будет дорогим глобально. Китаю может быть вполне выгодно увеличивать импорт трубопроводного газа, и они будут готовы заключать новые контракты. Важно оперативно договариваться относительно «Силы Сибири – 2» и начинать строительство этого газопровода. Возможно, какие-то объёмы можно дополнительно поставлять в Китай с использованием уже готовой инфраструктуры стран Центральной Азии. В целом это достаточно сложные задачи, потому что сейчас 150 млрд куб. м экспорта находятся под угрозой, они сократятся до 2030 г. Необходимо найти альтернативные рынки, альтернативного покупателя, в случае газа для этого требуется инфраструктура. Строительство её занимает время. Поэтому мы считаем, что в первую очередь нужно рассматривать те возможности, которые позволяет реализовать уже существующая инфраструктура.

А. М.: Перспективен ли выход на рынки таких стран, как, предположим, Пакистан, Индия, через давно рекламируемые, но безуспешные трубопроводы типа ТАПИ и так далее? И насколько здесь можно полагаться на наших партнёров в СНГ, таких как Туркмения и Казахстан?

М. С.: ТАПИ – это проект, который уже давно существует на бумаге, обсуждается на протяжении лет 20, однако никакого продвижения не происходит. Реализация подобных проектов достаточно рискованна, поскольку она затрагивает много территорий и стран, в том числе политически нестабильных. ТАПИ должен проходить через Афганистан – непонятно, насколько можно гарантировать надёжность там газопровода. Конечно, имеет смысл обсуждать эти проекты, искать финансирование, привлекать иностранных партнёров. Но вместе с тем это не те проекты, которые можно реализовать в ближайшие годы.

В связи с этим более приоритетным должен быть проект «Сила Сибири – 2», который проходит через Россию в Монголию, соответственно возможна и газификация Монголии, и поставка топлива потребителям. Проект ТАПИ, в свою очередь, уже второй приоритет.

А. М.: Тем не менее диверсификация рынков должна происходить, несмотря на сложность реализации из-за специфичности газовых активов, которые привязаны к технологии? Получается, что этот тренд на сегодняшний день с санкциями осложнён для России, но крайне необходимо его реализовать? И последний вопрос: каковы ваши прогнозы с точки зрения взаимодействия в рамках ОПЕК либо создания подобной организации или соглашения на газовом рынке?

М. С.: Я думаю, что формат ОПЕК и ОПЕК+ будет сохраняться, потому что это в целом отвечает интересам всех участников. Несмотря на те слож-

ности, которые сейчас будут у России с точки зрения выполнения своих обязательств по добыче, в рамках ОПЕК подобная ситуация нормальна и существует на протяжении десятилетий. К примеру, Иран также входит в ОПЕК и продолжает оставаться под санкциями.

Поэтому формат координации коллективных действий крупнейших экспортёров нефти отвечает интересам глобального рынка. В какие-то моменты роль ОПЕК+ объективно снижается. Сейчас она снижается, потому что у многих стран есть какие-то другие приоритеты, не связанные с выполнением всех обязательств в рамках ОПЕК+, у России в том числе. Вполне возможно, что Саудовская Аравия и ОАЭ будут увеличивать добычу и отчасти замещать Россию, поскольку это тоже их коммерческий интерес.

Понятно, что в рамках таких коллективных структур все страны в первую очередь преследуют свои собственные экономические интересы, а потом уже думают о глобальной координации. Поэтому я думаю, что ОПЕК+ будет существовать в ближайшие годы в более формальной степени, чем реальная структура, решения которой влияют на рынок, потому что сейчас увеличение квот в рамках ОПЕК+ с точки зрения предложения рынка мало на что влияет. С другой стороны, время пройдёт – вполне возможно, что значимость ОПЕК+ снова вернётся.

Что касается какой-то координации по рынку газа, есть Форум стран – экспортёров газа (ФСЭГ), который объединяет крупнейших производителей – экспортёров газа, членом которого является Россия.

Пока он выполняет скорее аналитическую и совещательную роль, но в рамках ФСЭГ не принимаются какие-то решения, которые объективно могут влиять на рынок. Это связано с тем, что инфраструктура и специфичность активов и взаимосвязи между производителями и потребителями на рынке газа носят более сложный характер. Все связаны друг с другом в большей степени именно с точки зрения инфраструктуры, так как газ – более капиталоемкий бизнес.

Координацией в рамках ОПЕК, условно говоря, котируется добыча нефти. Если думать теоретически о том, какой механизм может быть, то скорее квотирование добычи газа – это стратегия, которая не очень эффективна, поэтому не стоит даже её обсуждать. Вполне возможно, что страны – крупные экспортёры могут объединяться в рамках организации какой-то общей торговой площадки для продажи СПГ. Такие форматы могут быть вполне интересны, о них можно договариваться, их можно обсуждать. Но какие-то квоты или ещё что-то такое – я думаю, что для рынка газа это не очень релевантно.

А. М.: В контексте различного рода взаимодействия, организационного и институционального, формирующиеся общие рынки ЕАЭС что-то дают? Влияют ли они на ситуацию внутри евразийского пространства? Или это пока ещё формализованный клуб, где интересы противоречат друг другу?

М. С.: В рамках ЕАЭС есть только Россия и Казахстан как производители газа. Интерес других стран, Белоруссии, Армении и Киргизии, сводится к тому, чтобы цены на газ были низкими и были сопоставимы с теми ценами, которые наблюдаются в России и в Казахстане.

То есть можно вести речь, допустим, тоже о какой-нибудь электронной торговой площадке, которая будет давать возможность производителям газа, в том числе независимым производителям, в России — это не только «Газпром», а та же «Роснефть», «Новатэк», «Лукойл», — чтобы они могли продавать свой газ, экспортировать его с использованием имеющейся инфраструктуры. В России существует биржевая торговля газом, которая осуществляется на Санкт-Петербургской товарно-сырьевой бирже (*SPIMEX*). В пределах России можно покупать газ на бирже. Наверное, имеет смысл подобный формат распространить на рынке ЕАЭС, имеет смысл обсуждать. Это позволит повысить эффективность работы рынка, но с точки зрения объёмов российского рынка или какого-то влияния на рынок это всё-таки не очень важные величины.

Игорь ЮШКОВ

Аза Мигранян: *Ситуация вокруг энергетического сектора России остаётся одной из наиболее значимых, в особенности на фоне тех глобальных трансформаций, которые ежедневно продолжают наращивать свою остроту, темпы и скорость дополнительных ограничений. В связи с этим у редакции возник вопрос: каково текущее положение на мировых энергетических рынках и непосредственно на рынке российских энергоресурсов в условиях уже действующих пяти пакетов санкций?*

Игорь Юшков: Полноценный энергетический кризис сформировался ещё до санкционного давления на Россию. Нефть, газ, уголь начали дорожать уже в 2021 г. Этому есть несколько объяснений. Основной причиной является недофинансирование всей энергетической отрасли, нефть, газ и уголь подверглись давлению по двум причинам.

Первой причиной является климатический курс Евросоюза, который годами оказывал влияние на энергетические компании призывами не инвестировать в новые проекты в нефтегазовой и угольной отраслях, поскольку

ЮШКОВ Игорь Валерьевич, ведущий эксперт Фонда национальной безопасности, старший преподаватель Финансового университета при Правительстве РФ. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 125993, Ленинградский пр-т, д. 49. E-mail: ushkovigor@gmail.com. SPIN-код: 5693-0136.

это провоцирует увеличение выбросов в атмосферу, что противоречит политике декарбонизации. На фоне постоянных заявлений инвестиционный потенциал отрасли, естественно, уменьшается.

Для этого Евросоюз использовал два инструмента. С одной стороны, всячески оказывалось давление на сами компании, угрожая имиджевыми издержками.

Многие энергетические гиганты в последние годы производят ребрендинг: норвежская компания *Statoil* теперь называется *Equinor*; французская *Total*, которая по названию никак не ассоциируется с нефтью, чтобы подчеркнуть смену вектора к новым источникам энергии, переименовалась в *TotalEnergies*. Считается, что электроэнергетика — это более экологичный тип энергии, потому что она ассоциируется с выработкой ветряками и солнечными панелями.

Курс на декарбонизацию направлен на то, чтобы добыча нефти и газа максимально осуждалась обществом. Соответственно, компании, работающие в этой отрасли, терпят серьёзные удары по имиджу. Были прецеденты, когда даже судебная система оказывала давление на энергетические корпорации.

В 2021 г. суд Нидерландов начал разбирательство против компании *Shell* по причине медленного развития программы декарбонизации, то есть отказа от их основного вида бизнеса. Программа у компании была, однако её посчитали недостаточной, по решению суда *Shell* должна была нивелировать ранее вложенные инвестиции. Таким образом, компания, которая вкладывала в новые месторождения на протяжении десятилетий, вынуждена терпеть убытки в связи с европейским курсом на зелёную энергетику.

Второй инструмент, которым было оказано давление на нефтегазовый сектор со стороны западного правительства, — это так называемые зелёные финансы. При помощи этих инструментов напрямую ухудшалась инвестиционная привлекательность нефтегазовых проектов. Банки затрудняют инвестиции в энергетику, завышая процентные ставки по кредитам, направленным на развитие месторождений нефти и газа. Сверхприбыль, в свою очередь, направляется на субсидирование зелёных проектов — на строительство ветряков, солнечных панелей и прочего. Конечно, оказавшись под таким давлением, энергетические компании всё меньше инвестировали в новые проекты.

Дополнительное давление оказала пандемия коронавируса, в связи с чем потребление нефти и газа значительно снизилось. В таких условиях компаниям не доставало средств ни на инвестирование в новые проекты, ни на поддержание добычи в текущих. В результате наблюдается эффект недостаточности финансирования: старые проекты и месторождения истощаются, а новые не разрабатываются, потому что в течение последних 3—4 лет в них не поступало необходимых инвестиций. Однако спрос восстанавливается

на все энергоресурсы, но существующее предложение его удовлетворить не может. В связи с чем мы можем наблюдать дефицит на всех энергетических рынках.

Конфликт между Россией и Западом не создал, а только усугубил уже существующие проблемы. Если бы военная спецоперация на Украине не началась, мир все равно столкнулся бы с дефицитом и высокими ценами. Соответственно, санкции пока что не повлияли на российский рынок углеводородов. Скорее именно неофициальное давление привело к большим проблемам, потому что многие компании — покупатели нефти опасаются приобретать российскую нефть. Особенно заметно это было в марте, когда был отказ от покупки именно российской нефти, считая, что это повлечёт за собой значительные имиджевые издержки.

К маю этот эффект поступенно снижается, и компании уже не так сильно обращают внимание на происхождение приобретаемой нефти. В случае усугубления дефицита потребители в западных странах будут крайне недовольны высокими ценами на ресурсы. Более того, правительства и США, и ЕС понимают, что высокие цены на нефть приводят к росту цен на бензин, что напрямую коррелируется с конечной стоимостью потребительских товаров. В свою очередь, эта цепочка приведёт к росту инфляции. Следовательно, неформальное давление на российскую нефть также снижается, по итогу показатели экспорта в Европу могут быть лучше, чем в марте или апреле.

А. М.: За прошедшие 2,5 месяца можно было наблюдать формирование новых тенденций. Первые эмоциональные или имиджевые факторы давления постепенно сменяются реальными потребностями и ценовой политикой, которая сопровождается соответствующее отношение дискриминации токсичных активов.

Существует ли возможность, что при угасании первичной реакции на мировых рынках российская нефть через дополнительных посредников будет возвращать свои позиции?

И. Ю.: Действительно, сегодня мы наблюдаем очень интересные процессы трансформации рынков. Формируется долгосрочная тенденция по изменению рынков сбыта. Среди европейских стран сохраняется тенденция сокращения зависимости от российской нефти и газа. Эта тенденция была доминирующей, особенно она обострилась в марте—апреле. Россия, в свою очередь, всё больше уходит в Азию: активно наращиваются поставки в Индию. Эта направленность прослеживается в статистике при сравнении текущего года с 2021 г. В первую очередь нефть нужна для внутреннего рынка Индии: её перерабатывают на прибрежных НПЗ, а затем полученную нефтепродукцию перепродают в Европу как собственные нефтепродукты.

Однако на данный момент мы можем наблюдать возвращение к закупкам российских энергоресурсов европейцами, потому что российская нефть дешёвая.

При переходе российских поставок на азиатские рынки поставщикам приходится бороться с конкурентами (ближневосточные и африканские производители). В связи с чем России приходится продавать нефть со скидкой около 30 %. При стандартной цене на нефть 100–110 долл. за баррель российские компании продают *Urals* по 70–80 долл. Эта разница в цене позволяет сместить с азиатских рынков ближневосточных производителей, которые начинают переходить на рынки Европы. В складывающейся ситуации европейцы заинтересованы в покупке нефти по более низким ценам. Сейчас в Европе активно используется нефть сорта *Latvian light*. Для его создания используется российская нефть *Urals* и дизельное топливо из Польши, сделанное опять же из российской нефти. В результате получается более лёгкий сорт нефти.

Если рассматривать шестой пакет санкций, запрещающий импорт российской нефти в ЕС, то в данном случае сигналы экономической рациональности начали поступать из Соединённых Штатов. США также скорректировали свою политику: если ранее звучали призывы о полном отказе от российских ресурсов, сейчас же заявления стали более сдержанными. В первую очередь это связано с растущей в США инфляцией.

Принимаемые США на нефтяных рынках меры не принесли фактически никаких результатов. Несмотря на просьбы США ко всем странам ОПЕК и отдельно КСА об увеличении добычи с целью создания дополнительного предложения, страны ОПЕК+ сообщили, что наращивание темпов идёт в соответствии с соглашением и больших темпов ожидать не стоит. Далее США обратились к странам-импортёрам с призывом освободить стратегические резервы, как сделали они сами, но это ни к чему не привело.

Сейчас можно наблюдать, что программа распродажи стратегических резервов США уже заканчивается, а стоимость нефти – по-прежнему 100–110 долл. за баррель. В связи с чем нарастает инфляция в США, растёт недовольство со стороны населения по отношению к администрации Дж. Байдена. В США существует чёткая корреляция между ростом цен на бензин и отношением к действующему президенту. Вследствие чего можно наблюдать обеспокоенность администрации страны этой тенденцией.

Министр финансов США Дж. Йеллен стала высказываться против жёсткого пакета санкций по отношению к нефтяной индустрии России. Эта позиция обуславливается тем, что при сокращении Россией экспорта нефти значительно возрастёт дефицит на общемировом рынке, соответственно произойдёт подорожание нефти всех доступных производителей.

Исходя из этого получается, что Россия всё равно продолжит поставки нефти в Азию, а за счёт увеличивающейся цены компенсирует убыток от сокращения объёмов экспорта в Европу. При сохранении этой тенденции в первую очередь пострадают потребители, в том числе и в США.

Эта расстановка сил толкает в том числе и председателя Европейской комиссии Урсулу фон дер Ляйен задуматься над целесообразностью эмбарго в отношении российских энергоресурсов.

В первоначальном варианте текста шестого пакета санкций указывался запрет на страхование сделок по продаже российской нефти и запрет на её транспортировку. Эти меры действительно могли бы привести к сокращению российского экспорта в связи с логистическими трудностями. Сейчас об этих мерах уже не упоминается, пакет санкций начинает пробуксовывать.

Формально санкции блокирует Венгрия, однако можно наблюдать, что и другие страны Центральной Европы их не поддерживают. В первую очередь это обуславливается тем, что в ряде стран (Чехия, Словакия, Венгрия и др.) энергетическая сфера была построена ещё в советские годы и была рассчитана на получение нефти из России по трубопроводу «Дружба». Кроме того, НПЗ настроены именно на российский сорт. В связи с чем экстренно его заменить будет крайне сложно. Возможно, отдельные государства, как Британия, на национальном уровне введут запрет на импорт российской нефти, но пока общеевропейского решения мы не видим.

А. М.: Явно прослеживается тренд на рост цен. В долгосрочной или в среднесрочной перспективе насколько России выгодно переориентировать свои рынки на восточных, юго-восточных потребителей, азиатских потребителей? И каким образом это повлияет на структуру рынка? Будут ли какие-то существенные сдвиги по архитектуре рынка, по переделу сфер влияния? Будет это в форме консенсуса между экспортёрами, понимая тот факт, что ближневосточным и другим экспортёрам выгоднее продавать европейцам, а мы уйдем на освободившиеся рынки Юго-Восточной Азии и в другие регионы? Это долгосрочная игра или это всё-таки игра в расчёте на то, что в ближайшем будущем возможно снова всё вернуть к прежней схеме и к прежней географии экспорта?

И. Ю.: В конечном счёте складывается впечатление, что обмен рынками нефти произошёл на среднесрочную перспективу. Потому что, если рассматривать чисто технические аспекты, складывается впечатление, что мало кто верит в отказ от российской нефти на общеевропейском уровне. На данный момент ни один НПЗ в Европе не начал переориентироваться на другие сорта нефти, все по-прежнему работают на *Urals*.

Даже Польша, которая активнее других выступала за новый пакет санкций, не переориентировала свои заводы на другие сорта. Частично они за-

купают нефть у Саудовской Аравии, но и импорт *Urals* не прекращён. На данный момент скупается вся доступная нефть, тем более что российский бренд можно приобрести с 30%-ной скидкой.

А. М.: Следовательно, география торговых потоков России сохранится, пусть и через посредников. Однако основной удар санкций пришёлся на область фрахта, страхования и нефтесервисную отрасль. По прогнозам западных экспертов, давление санкций приведёт к существенным ограничениям добычи нефти, так как нет запасных частей, нет доступа к новым технологиям. Насколько можно оценить потенциал российского импортозамещения внутри страны за счёт собственных возможностей либо переориентации импорта из других стран?

И. Ю.: Пока что глобальное изменение на нефтяном рынке не предвидится. Потому что рынки были выстроены с экономической точки зрения: европейцам удобно у нас покупать, а ближневосточные и африканские страны-производители в основном уходят на азиатские рынки. Сегодняшнее перестроение диктуется в основном политикой. Но, как правило, экономика в итоге побеждает, и в целом рынки могут остаться такими, какими были раньше. Кроме того, Россия не увеличивает объёмы прокачки по ВСТО, хотя есть возможность увеличить пропускную способность на 10 % как минимум, чтобы нарастить экспорт в Азию.

С газом ситуация складывается совсем иначе. Стратегически европейцы от своего стремления как минимум сократить зависимость от российского газа не уйдут. России нужно использовать эти годы, пока европейцы снижают зависимость от отечественного газа, на то, чтобы переориентировать поставки на азиатские рынки. Стратегически это правильно, поскольку европейцы всё равно собирались отказываться от газа в принципе, а не только из России.

России необходимо заключать договора с Китаем о строительстве «Силы Сибири – 2», необходимо самостоятельно строить СПГ-заводы. У России есть возможность строить среднетоннажные СПГ-заводы, однако для строительства крупнотоннажных технологий нет. Планировалось, что она будет разработана к 2030 г., после этого ещё примерно 5 лет уйдёт на строительство. В связи с этим возникают вопросы о возвращении инвестиций в разработку технологий, в строительство СПГ-заводов. В экспорте газа необходимо стратегически переориентироваться, потому что тенденция по отказу от российского газа в Европе останется.

Если рассматривать вопрос импортозамещения, то наиболее проблемным вопросом является СПГ, особенно если Россия планирует использовать его для перехода на азиатские рынки. Необходимо уже сейчас начинать строительство среднетоннажных заводов, поскольку со строительством

крупнотоннажных есть ряд вопросов. Нужно начинать строить очереди на 0,9 млн, фактически 1 млн т, что позволит создать гибкость в рынках сбыта, создавать свои танкеры-газовозы.

В нефтяной индустрии есть сложности в области нефтесервиса, поскольку с 2014–2015 гг. Россия находится под санкциями, запрещающими поставку оборудования на разработку шельфовых месторождений и трудноизвлекаемой нефти. Самостоятельно прорывов в этих областях совершено не было, даже при использовании западных технологий развитие вряд ли бы произошло ввиду высокой себестоимости шельфовой нефти. Однако Россия может развивать направление по добыче трудноизвлекаемых запасов нефти.

Если говорить об импортозамещении в нефтеперерабатывающих отраслях, то время ещё есть, поскольку недавно прошла модернизация НПЗ и российские заводы находятся на европейском уровне и глубине переработки. Резкой остановки в связи с нехваткой импортного оборудования не произойдёт. Тем не менее сохраняется вопрос, насколько экономически мы сможем конкурировать после перехода на отечественное или китайское оборудование.

Сейчас более остро стоит вопрос разработки сложных нефтяных месторождений, учитывая, что в мире закончились простые, каждое следующее месторождение становится более сложным, нефть – трудноизвлекаемой.

А. М.: Наиболее острый вопрос – это судьба «Северного потока», особенно «Северного потока – 2», который снова стал актуален в связи с тенденцией на Украине по отключению распределительных станций ГТС. По этой причине можно ли говорить о реалистичности постановки вопроса о введении в эксплуатацию «Северного потока – 2»?

И. Ю.: На практике долгое время газовая сфера оставалась вне конфликта. Лишь в мае мы столкнулись с проявлениями, где газовая сфера тоже затягивается в конфликт России и Запада. Первое было в середине апреля, когда Польша и Болгария отказались переходить на расчёты в рублях, и газ в эти страны напрямую из России теперь не поставляется. Польша на следующий день стала покупать ещё больше российского газа, только теперь – получать его транзитом через Германию.

Но на самом деле пугает тенденция сокращения возможных маршрутов для поставки российского газа в Европу. Первый момент, опять же, связан с Польшей. Дело в том, что де-факто она национализировала долю «Газпрома» в компании операторе *EuRoPol GAZ* польского участка газопровода Ямал – Европа. 48% акций принадлежало «Газпрому». Теперь он не может ни распоряжаться ими, ни получать дивиденды.

Россия как государство ввела прямые санкции вот против *EuRoPol*, и теперь «Газпром» не может с ними взаимодействовать в экономической сфере, а значит, не может осуществлять транзит, потому что плата за транзит запрещена санкциями. Газопровод Ямал – Европа теперь работает как артерия, которая снабжает только Белоруссию. Дальше из Белоруссии в Польшу газ уже не может поступать, и «Газпром» вынужден исполнять эти санкции точно так же, как европейские компании исполняют европейские санкции. Поэтому «Ямал – Европа» для газоснабжения ни Польши, ни Германии сейчас не может быть использован.

Украина, соответственно, перекрыла одну из артерий входа газа на свою газотранспортную систему для дальнейшего транзита. Киев заявил, что газоизмерительная станция «Сохрановка» не может быть использована, потому что этот район перешёл под контроль ЛНР. Хотя на самом деле контроль перешёл от киевских властей к ЛНР уже некоторое время назад, и в этом плане непонятно, что же изменилось. Российская сторона была абсолютно права, указывая, что не важно, кто контролирует с военной или политической точки зрения этот район: транзит осуществляется.

На данный момент действительно через Украину транзит снизился. И по всей видимости, «Газпром» перейдёт на оплату только фактического транзита газа, потому что оператор газотранспортной системы тоже нарушил условия контракта, по которому «Газпром» имеет право подавать газ через «Сохрановку». Украинская сторона призналась, что их действия не соответствуют контракту.

В конечном счёте получается, что для поставки газа в Европу остаётся только часть газотранспортной системы Украины, через которую сейчас проходит около 44–50 млн куб. м в сутки. В случае если Киев потеряет контроль над участком границы, где проходит сейчас действующая труба и стоит газоизмерительная станция «Суджа», они могут заявить о приостановке транзита газа через территорию Украины. Тогда уже возникнут реальные сложности с доставкой российского газа в Европу.

В данном случае один из вариантов, который можно всегда использовать, – это «Северный поток – 2». Газопровод полностью достроен, находится в рабочем состоянии, стоит под давлением. В крайнем случае, если случится ЧП на территории Украины и если европейцы захотят получать в полном объёме газ, «Газпром» готов им поставить его по «Северному потоку – 2».

А. М.: *Ваши прогнозы на ближайшие сроки?*

И. Ю.: Мы видим, что по нефтяной индустрии происходит небольшой обмен рынками сбыта, но сама ситуация на нефтяном рынке, скорее всего, усугубится. Китай уже фактически два месяца находится в жёстком локда-

уне, они борются со вспышкой коронавируса после Олимпиады. Но опыт показывает, что они все-таки его поборют, уже сейчас частично разблокировали Шанхай. В этом плане объём потребления нефти в Китае будет существенно нарастать.

Сейчас мы видим, что нефть стоит 100–110 долл., когда Китай на локдауне. А что будет, когда он закончится и люди начнут перемещаться, как раньше, и потребление нефти вырастет? Конечно, в этом плане цены возрастут, что убавит стимулов европейцам принять меры эмбарго.

Соединённые Штаты тоже давят на Евросоюз, потому что сейчас не время лишать мир российской нефти, не стоит провоцировать усугубление и так имеющегося кризиса. Я думаю, что тема эмбарго на российскую нефть со стороны Евросоюза немножко поугаснет. Сейчас закончится саммит Евросоюза, на котором Венгрия уже заявила, что будет блокировать любую попытку запрета российских энергоресурсов, поэтому постепенно эмбарго уйдёт на второй план.

По газу тоже будет наблюдаться тенденция усугубления ситуации на мировых рынках для потребителей, потому что начинается летний период, а пик потребления, как правило, устанавливается в июле. Ранее был только зимний пик потребления газа, сейчас он есть и летом, причём как в Европе, так и в Азии. Это связано с жаркой погодой и использованием кондиционеров.

В этом плане, я думаю, Китай оттянет часть СПГ-рынка на себя, потому что сейчас СПГ активно пришёл в Европу, что привело к сокращению поставок и российского газа. Китай будет восстанавливаться после локдауна, и часть СПГ вернётся на азиатские рынки, но и потребление во всём мире чуть поднимется по сравнению с прошлым периодом. Сейчас межсезонье, когда отопления уже нет, но при этом нет и кондиционирования. Поэтому думаю, что и цены могут вернуться в район 1000 долл. за 1000 куб. м.

В этом плане пока ценовая конъюнктура и на нефтяном, и на газовом рынке на стороне России. В условиях, когда всё дорого, сложно отказаться от российских углеводородов. Вполне возможно, что в июне–июле мы сможем нарастить объём добычи в связи с ростом экспорта нефти. С газом, как мне кажется, ситуация идентичная.

В стратегическом плане всё будет зависеть от урегулирования на Украине. Чем быстрее оно произойдёт, тем быстрее европейцы могут восстановить экономические отношения с Россией. В любом случае они могут заявить, что сама острая часть кризиса подошла к концу, поэтому часть санкций в отношении России больше не имеет смысла.

Станислав МИТРАХОВИЧ

Аза Мигранян: *Редакция хотела бы узнать: насколько действующая ситуация соответствует прогнозам, данным 3 месяца назад? Действительно ли произошёл полный разрыв отношений в энергосфере или переход в серую зону, произошёл ли ожидаемый тектонический сдвиг в структуре торговли? Кроме того, как долго продлится действующий кризис?*

Станислав Митрахович: Я думаю, что мы находимся всё ещё в стадии так называемой эскалации кризиса, до стадии деэскалации пока ещё не дошли. Трудно сказать, оправдались ли наши ожидания, потому что процессы, которые мы наблюдаем, ещё не пришли к своему завершению, кроме тех прогнозов, которые касались конкретных месяцев.

Международное энергетическое агентство заявило, что по итогам апреля российская добыча сократится на треть. Этого как раз не произошло, напротив, российская добыча сократилась на 10 % по итогам апреля, что подтвердило само агентство. Позднее А. Новак официально заявил о росте в начале мая*.

Соответственно, можно зафиксировать, что наиболее жёсткие прогнозы, которые были со стороны Запада, не оправдались. Если был расчёт на экономический блицкриг, то чисто технически он не сработал, а падение добычи – вовсе не на треть, а где-то на 10%.

Министерство экономического развития и Министерство финансов России заявляли о том, что падение к концу года может быть до 17 %.

Рассматривая ситуацию в газовой отрасли, в ближайшей перспективе в плане добычи никаких существенных изменений не фиксируется. Однако вместе с тем объём экспорта с каждым месяцем ослабевает. Пока нельзя сказать, как это скажется на годовой динамике, но если смотреть именно по месяцам, то снижение поставок могло происходить и раньше, например в 2020 г., исходя из ситуации со спросом. На данный момент потребление тоже снижается – не столько по причине санкций, а скорее по причине динамики ЕС по уменьшению промышленного производства в принципе.

Тенденция сокращения производства не нова, страны ЕС отказываются от энергоёмкой промышленности (химическая, металлургическая, машиностроение). В связи с этим ниша переходит в США, Китай и Турцию. Есть

МИТРАХОВИЧ Станислав Павлович, ведущий эксперт Фонда национальной энергетической безопасности, старший преподаватель Финансового университета при Правительстве РФ. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 125993, Ленинградский пр-т, д. 49. E-mail: stasmitr@mail.ru. SPIN-код: 6679-3103.

* Отдельно необходимо отметить, что ранее все эксперты и аналитики ориентировались на статистические данные ЦДУ ТЭК. Однако в связи с последними событиями и состоянием фактической экономической войны эти публикации прекратились. Сейчас даже центральные новостные агентства ссылаются на «источник, знакомый со статистическими данными».

мнение, что при отказе от российских энергоресурсов Германия потеряет большую часть своего производства и станет получать прибыль за счёт туризма, как Испания.

Однако это произойдёт, только если Германия пойдёт по жёсткому сценарию. Сейчас мы можем наблюдать, что эмбарго введено только на уголь, переговоры относительно нефти и газа продолжаются. По моему мнению, нефтяное эмбарго если и будет принято, то отлично от того, как заявлялось весной 2022 г.

Относительно торговли газа тоже давались заявления о готовности отказа. В действительности же крупные покупатели в ЕС, которые имеют политическую поддержку, в прекращении поставок не заинтересованы, так как не хотят полностью лишиться производства и прибыли. Вероятнее всего, они найдут для себя способы продолжения торговли с Россией, в том числе и за рубли. Главным вопросом на данный момент являются разногласия о том, когда сделку можно считать завершённой. Российская сторона заявляет, что сразу после поступления рублей на счёт «Газпрома» — а Европейская комиссия говорит, что компании должны делать заявление, что они заплатили, и на этом этапе сделка становится завершённой.

Подобное поведение со стороны ЕК и стран ЕС выглядит как попытка сохранить видимость осуществления контрактов в валюте. Однако в действительности произошла замена валюты платежа, а не контракта. Итоговая стоимость всё равно рассчитывается в евро, поскольку она привязана к биржевым индикаторам. Для России переход на оплату в рублях является первым шагом к дедолларизации.

Отдельно нужно отметить, что ведущие страны ЕС, имеющие большое политическое значение, будут импортировать газ по новой схеме. Тогда как более мелкие страны, такие как Польша, Болгария и Финляндия, от торговли отказываются. Болгария уже перестала получать газ из России.

А. М.: Позвольте вопрос: после первых заявлений Болгарии появилась информация о том, что страна покупает у Германии российский газ по реверсу. Соответственно, получается, что Россия продаёт Германии сверх оговорённой величины контракта?

С. М.: Нет, торговля идёт в рамках контрактов, «Газпром» не идёт на уступки по продажам на электронной торговой площадке, которая закрыта с осени 2021 г. Запасы газа в Европе есть, особенно учитывая сокращение промышленного производства, соответственно, их можно перепродавать. Совершенно точно, что в Польшу поступает российский газ через Германию по «Северному потоку – 2», далее — через «Ямал – Европа» по физическому реверсу. Скорее всего, Болгария приобретает газ у соседних стран, возможно, у немецких компаний. В любом случае эти шаги по частичному

сокращению импорта из России ведут к увеличению цены, соответственно, с экономической точки зрения Россия выигрывает.

В связи с этим возникает вопрос о динамике цен. Учитывая текущие тенденции, падения не предвидится. По заявлению норвежских консалтинговых компаний, цена на бирже может вырасти до 3,5 тыс. как на спот, так и на фьючерсы.

Вполне возможно, если ЕС начнёт скупать бóльший объём СПГ, а часть стран будут приобретать российский газ через соседей, общее количество газа на рынке сократится, что приведёт к крайне напряжённой обстановке на рынке. При такой динамике цены могут вырасти ещё больше, что, в свою очередь, приведёт к ещё бóльшему сокращению промышленного производства*.

Заявления о готовности разорвать экономические отношения с Россией во многом упираются в необходимость в случае разрыва заново выстраивать всю экономику Европы. В таких условиях будут крайне дорогие ресурсы: и нефть, и газ, и уголь. Сложность современной европейской экономики заключается в её разобщённости. Есть более богатые страны, есть более бедные, в странах разный уровень индустриализации, более того, у государств ЕС разные взаимоотношения с Россией. В связи с чем привезти их к общим показателям будет крайне сложно.

К сожалению, у многих ещё сохранилось восприятие однополярного мира, с действующими экономиками только в западном мире, в связи с чем возникают инициативы создать некий картель покупателей (анти-ОПЕК).

Однако на сегодняшний день мировой баланс экономик претерпел значительные изменения и создать подобное объединение становится невозможным. Китай сейчас является крупнейшим импортёром сырья, а Индия стала крупным экспортёром, у обеих стран растущие экономики и растущее население. Набирают обороты экономики Бангладеш и Пакистана.

Конечно, уровень жизни в этих странах пока не достиг западного уровня, но развитие идёт, потребителям необходима энергия для обеспечения качественного уровня жизни.

В долгосрочной перспективе увеличение потребления нефти, нефтепродуктов и газа для Индии станет крайне важным. В связи с чем отказываться от взаимодействия с Россией, даже под давлением Запада, для страны будет невыгодно. Однако у Индии весьма сложные взаимоотношения с Китаем, что значительно усложняет российско-индийское сотрудничество. Но несмотря на этот факт, Индия вряд ли присоединится к антироссийскому флангу, поскольку это противоречит всей индийской стратегии.

* В связи с массовым сокращением производства возникают сложности и в социальной сфере стран ЕС. Многие люди теряют работу и финансовую безопасность. В свою очередь, это приводит к политическим волнениям. Исходя из этого может сложиться впечатление, что руководства стран ЕС ориентируются не на объективные факторы, а по обстановке.

Рассматривая перспективы теневых схем торговли нефтью и нефтепродуктами — для российской нефти всё равно найдутся покупатели, поскольку этот продукт нужен всему миру. Если рассматривать азиатские рынки, то это около 3 млрд потребителей.

И кстати, Пакистан интересен в каком плане? Там и так был энергетический кризис в конце 2021 года, а сейчас ситуация ухудшается. Потому что часть трейдеров, которые поставляют газ и имеют долгосрочные контракты, видят, что есть страны, которые в этой безумной гонке ценовой готовы заплатить настолько больше, что это даже окупит тот штраф, который они должны заплатить пакистанскому покупателю за то, что разрывают контракт. Хотя у пакистанцев нормальные долгосрочные контракты с нефтяной индексацией. Но была вот ситуация, когда в конце 2021 г. Япония, Китай, Южная Корея и Европа включились в ценовую дуэль и перекупили объёмы газа, который мог бы пойти в менее богатые страны. То есть проще было той же *Gunvor* заплатить штраф пакистанцам, чем довести туда газ. Но что это означает? Что в Пакистане был очень серьёзный энергетический кризис с остановкой предприятий.

Значит, в текущем году, в 2022 г., скорее всего, ситуация будет ещё сложнее, потому что Европа будет, попытается скупать весь газ, который, что называется, «плохо лежит», то есть продаётся в режиме спота. И даже будут пытаться разрывать часть долгосрочных контрактов в тех случаях, где трейдеров удастся убедить, что штраф легче заплатить, чем доставить газ в относительно небогатые страны вроде Пакистана. Значит, цена этого газа будет ещё больше расти. Это означает, что у бедных стран этого газа не будет. Я не исключаю в таких условиях масштабных волнений, сноса правительства и попыток договориться с поставщиками напрямую, без всяких трейдеров, в том числе с той же самой Россией. Кстати, в Пакистане произошла смена власти несколько недель назад, фактически с использованием Конституционного суда и Верховного суда отстранили от власти предыдущего премьер-министра, который ездил в Россию, в Москву в том числе, в конце февраля 2022 г., сразу после начала боевых действий на Украине. Но этот человек остался популярен в Пакистане, и на фоне того, что экономические проблемы в Пакистане никуда не ушли, там начинаются масштабные акции протеста. Я не удивлюсь, если к концу года, когда там будет ещё более масштабный энергетический, а вслед за ним экономический и социально-политический кризис, власть может снова поменяться не в ту сторону, которая нужна американцам. Так что здесь будут последствия очень масштабные.

А. М.: В связи с этим мы можем выделить два основных энергетических трека. Это в первую очередь удорожание в силу конкуренции за излишки или, наоборот, за существующие объёмы энергоресурсов. Второй трек — это структурная перестройка потоков и изменение направления движения, которое мы

на сегодня наблюдаем. По этой причине как Россия будет решать вопрос национализации западными компаниями активов «Газпрома»?

Отдельный вопрос — относительно закрытия Украиной доступа к одной из газораспределительных станций. При таких условиях можно ли говорить об изменениях использования инфраструктуры, возможной реанимации проекта «Северный поток — 2»? Или же будет смещение в сторону «Силы Сибири», формирование «Силы Сибири — 2», расширение нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан (ВСТО)? Как в таких условиях будут меняться правила торговли и как на них будет реагировать Россия?

С. М.: Вице-премьер А. Новак уже сказал, что ВСТО-3 — хороший вариант для российской энергосферы. Однако необходимо понимать, что нефтепроводы строят достаточно долго. По моему мнению, на строительство ВСТО-3 уйдёт около трёх лет. Более шести лет уйдёт на согласование по «Силе Сибири — 2». В случае если бы строительство этого газопровода было начато, санкционная война выглядела бы значительно иначе. К сожалению, у России достаточно много проектов, которые ещё не готовы.

Ярким примером является сложность России с технологиями сжижения газа. Ранее использовались технологии компаний *Linde* (Германия) и *Air Products and Chemicals, Inc* (США), своя технология так и не была разработана.

Далее — что касается ситуации с газораспределительной станцией «Стахановка». Украина уже достаточно время её не контролировала, но скрывала эту информацию. В настоящее же время украинские власти пытаются оказать давление на ЕС, возможно по рекомендации США, которые давно хотели расколоть российско-европейскую кооперацию.

В обход заблокированной станции планировалась транспортировать газ через «Ямал — Европу», который идёт через Белоруссию в Польшу. Однако долю «Газпрома» в компании *EuRoPol GAZ*, которая владеет польским участком, национализировали польские власти. Вследствие чего российское правительство запретило «Газпрому» перечислять деньги в пользу *EuRoPol GAZ*. Итогом этого манёвра стала невозможность распределения украинского транзита на «Ямал — Европу».

Хватит ли оставшихся объёмов, прокачивающихся через Украину, через станцию «Суджа», будет зависеть от запросов в Европе. На данный момент запросы не слишком большие, поскольку есть надежда на деэскалацию кризиса и сезонное понижение цен. Кроме того, есть предложения покупать газ у соседей, возможно даже на деньги Европейской комиссии.

В планах ЕК — взять на себя полномочия управления кризисом. Однако весьма вероятен конфликт между странами из-за выделенных отдельным странам объёмов закупки и льгот по сравнению с другими. Кроме того, сейчас происходит выяснение относительно платы за газ по новой схеме: часть стран может, а части стран это запрещено. Более того, на официальном пор-

тале ЕК и ЕС отсутствует инструкция по платежам. Многие компании прямо заявляют, что они не понимают, как им действовать в текущей ситуации.

А. М.: Скажите, пожалуйста, наблюдается ли изменение модели поведения наших так называемых союзников: стран СНГ, стран Каспийского региона (Иран, Азербайджан, Казахстан, Туркмения) в конкуренции за китайские рынки либо, в потенциале, на взаимодействие и выход на более широкие европейские или международные рынки?

С. М.: Упомянутые страны, скажем честно, решили пройти между Сциллой и Харибдой. Не совсем верными оказались ожидания, что они выступят в поддержку России. Эта тенденция особенно ярко показывается в Казахстане, РК и страны Средней Азии заявили о необходимости соблюдения ими антироссийских санкций.

Возможен сценарий получения неплохих доходов для стран ЦАР, включая, например, Киргизию, при организации параллельного импорта в Россию. Возможны заработки стран ЦАР при предоставлении посреднических услуг по логистике и по финансовым транзакциям. Однако наблюдается уклончивое поведение со стороны стран ЦАР: они всё же опасаются вторичных санкций со стороны США и Европы, поэтому не слишком спешат использовать открывающееся перед ними окно возможностей как посредников в торговле между Россией и миром.

С Азербайджаном сейчас особые отношения, он не готов публично заявлять, что готов сотрудничать с Россией по новым транспортным каналам. Официальная позиция Азербайджана заключается в поставках дополнительного газа в Европу, который по итогу будет конкурировать с российским. В итоге власти страны пытаются сохранить равновесие между Россией и Западом.

Турция, хоть и не относится к ближнему зарубежью, тоже пытается сохранить это баланс. На данный момент через Турцию проходят много российских логистических маршрутов, турецкие бренды активно выходят на отечественный рынок. Но вместе с тем Турция продаёт оружие на Украину.

В результате можно наблюдать ситуацию, при которой практически все формальные партнёры России по Евразийскому экономическому союзу и по ОДКБ на самом деле ведут себя достаточно аккуратно. Все они ждут развития событий, и от этого во многом зависит их политика.

А. М.: Как можно охарактеризовать политику ближневосточных и арабских партнёров? Есть ли перспективы некой энергетической кооперации с целью формирования и расширения новых полномочий ОПЕК, с тем чтобы в большей степени иметь возможность защищать интересы экспортёров энергоресурсов?

С. М.: Я думаю, перспективы есть. Американцы три месяца пытались разрушить ОПЕК+, этого сделать просто физически не удалось – альянс держится. Согласованные внутри ОПЕК+ планы на увеличение добычи работают, тогда как американцы пытались добиться увеличения добычи сверх плана. Однако этого не произошло, более того, 400 тыс. или 432 тыс. баррелей в сутки ежемесячного прироста прописываются только на уровне документов ОПЕК+.

В действительности же этого не происходит, потому что, во-первых, в России добыча снижается, а во-вторых, потому что многие страны достигли потолка своих возможностей. Свободные мощности остались буквально в считаном количестве стран: Саудовская Аравия, Эмираты, отчасти Ирак, отчасти Кувейт. Если бы американцам удалось разрушить сделку три месяца назад, сейчас бы всё выглядело иначе.

Во-первых, падение цен не в интересах поставщиков.

Во-вторых, арабов не устраивает попытка американцев договориться с Ираном.

В-третьих, есть личные разногласия между нынешним американским президентом и наследным принцем Саудовской Аравии **. На арабских лидеров произвело впечатление американское размахивание «финансовой саблей».

С одной стороны, с помощью оружия можно кому-то угрожать и заставить подчиниться. С другой стороны, если это оружие используется слишком часто, то у других акторов, обладающих схожими силами, появляется желание уменьшить связи с агрессором.

Соответственно, при излишнем давлении КСА может переориентироваться на Китай, перейдёт на заключение контрактов в юанях (что уже постепенно происходит). Нельзя исключать приток в страну китайских военных в некой перспективе. Несомненно, это происходит не быстро, саудиты пытаются договориться о совокупности уступок, в том числе касающихся Ирана.

Но нужно понимать, что, с одной стороны, нельзя исключать возобновления сотрудничества КСА и США, но вместе с тем противоречия между странами с каждым годом становятся всё существеннее.

Можно как пример рассмотреть Катар, который, сохраняя зависимость от США, продолжает поддерживать отношения и с другими странами. Несмотря на то что на территории страны находится американская военно-воздушная база Эль-Удейд, Катар продолжает сотрудничать с Ираном и торговать его продукцией. Иран помог им пережить блокаду со стороны КСА. Продажи катарского газа идут в Азию, помимо американской базы,

* ОАЭ тоже пытались действовать более независимо. Они месяца полтора назад пригласили сирийского президента Б. Асада, которого пытались свергнуть на протяжении 10 лет, с визитом, что является достаточно показательной ситуацией.

есть и турецкая. В отношении с Россией существует Форум стран – экспортёров газа. Конечно, на данный момент он не слишком востребован, но при желании его можно возобновить. Форум может представлять собой некую альтернативу Международному энергетическому агентству

Не так давно прошли переговоры В. В. Путина с президентом Алжира А. Теббуном. По заявлению пресс-службы Кремля, переговоры касались в том числе вопроса взаимодействия по Форуму стран – экспортёров газа **. Соответственно, в формате форума возможно провести согласование относительно экспорта в Европу, сформулировать видение нового европейского рынка. Таким образом, это общее видение России, Катар и Алжира будет уже серьёзным вкладом в формировании новых рынков.

У России есть возможность работать с Катаром – это Форум стран – экспортёров газа, с другими арабскими монархиями по ОПЕК+. Недавно наследный принц КСА Салман сказал, что новая сделка ОПЕК+ должна включать в себя Россию. Поэтому варианты есть, возможно подключать другие всевозможные организации или форумы («Большая двадцатка», БРИКС, АСЕАН и др.).

А. М.: Понятно, что ещё как минимум до конца этого года будет сохраняться зона нестабильности для российских экспортёров энергетических ресурсов, а динамика и тенденции в большей степени будут зависеть от военно-политической ситуации на просторах Евразийского континента. Неопределённость на энергетических рынках будет усиливаться, так как пока не пройдены пиковые значения летнего потребления и сохраняются проблемы наполненности хранилищ в Европе, растущей конкуренции на дефицитном рынке, ценовой конкуренции между основными потребителями, которые будут пытаться перебить и перехватить не только излишки, но и основные объёмы энергоресурсов. В совокупности эти и другие факторы, очевидно, будут приводить к изменению модели потребления, к закрытию основных производителей, потребляющих энергоресурсы, и к уменьшению объёмов европейского потребления. Если попытаться дать небольшой прогноз, скажем, на 2–3 месяца, хотя бы до осени, учитывая перечисленные факторы, можем ли мы говорить о процессе украинизации Евросоюза, то есть изменении экономической модели, когда от экономики полного цикла она становится экономикой потребления, экономи-

* Встреча прошла через несколько дней после визита итальянской делегации в Алжир. Необходимо отметить, что дополнительного объёма газа для поставок в Италию у Алжира нет. Единственным вариантом будет перенаправить тот объём, который сейчас не идёт в Испанию. Непосредственно в Испанию идут два маршрута – через Марокко и напрямую. Первый маршрут не функционирует уже полгода в связи с разногласиями между Алжиром и Марокко относительно Западной Сахары, Испания поддержала позицию королевства. Исходя из этого получается, что у Алжира есть собственные представления относительно газовой отрасли и относительно международной политики.

кой сервисной? И соответственно, мы понимаем, что будут закладываться совершенно иные направления и центры экономического роста в мире. И эти центры явно будут смещаться куда-то на восток в развивающиеся страны и, конечно же, в Америку – и Латинскую, и Северную, и Южную. Как вы считаете, какие страны будут основными бенефициарами всей этой ситуации и с точки зрения энергетического рынка и интересов России как мы можем воспользоваться этим глобальным изменением?

С. М.: Я полагаю, что для России это будет достаточно масштабным потрясением. К проигравшей стороне можно отнести Европу, а Украина понесёт максимальные потери.

Победителями станут те, у кого будет экономический рост – это Китай, Турция, Индия, США – в зависимости от того, как они приспособятся к новой ситуации.

Если рассматривать Турцию, к ней многие обращаются с предложениями сотрудничества. Страны Запада пытаются склонить республику к более жёстким мерам относительно России. Непосредственно Россия стремится наладить через Турцию всевозможную торговлю, будет крайне важна физическая и финансовая инфраструктура. Будет неудивительно, если большая часть энергетического партнёрства и вся остальная торговля будут идти через Турцию, через турецкие фирмы, через турецкие порты. Конечно, это требует времени для доработки, но вполне реально. Вполне возможно, что энергоёмкая промышленность будет перемещаться из Германии в Турцию, что приведёт к формированию страны в промышленного лидера региона.

Часть промышленности уйдёт в США, в основном это касается крупных производителей нефти и газа. В Америке совершенно иные относительно Европы цены на газ, соответственно пропадает необходимость развивать сферу в ЕС, так как есть более дешёвый газ и за океаном, и в Турции, и в России.

Несомненно, стратегически выигрывает Китай, поскольку имеет хорошие отношения с РФ, а сейчас возникают многочисленные поводы занимать российский рынок потребительских товаров. Россия же может строить новые нефтегазопроводы, наращивать импорт угля в Китай. В связи с уходом технологий западных в Россию станут приходить технологии Поднебесной. В связи с чем для Китая будет стратегически невыгодно допустить поражение России.

Если рассматривать ситуацию с Индией – она стратегически самостоятельна, вследствие этого она не будет считаться союзником России. Но вместе с тем она будет очень важным партнёром для РФ, следовательно, необходимо заключать новые договора. Если рассмотреть экспорт Индии более детально, можно понять, что он не слишком большой, то есть для России

на данном этапе страна не является конкурентом. Возможно, в будущем он будет наращиваться, но это произойдёт далеко не сразу.

Существуют опасения, что Китай займёт сегмент рынка, который могла бы занять Россия. Однако в данном случае необходимо отдельно изучать, какие аспекты мы можем создавать самостоятельно, а какие брать из Китая. По моему мнению, в нефтесервисе России необходимо создавать собственные технологии. Но возможно и создание совместных предприятий. Важно сохранить баланс, чтобы не заменить одностороннюю зависимость от Европы на Китай.

Что касается стран Центральной Азии и Закавказья — они находятся в зоне выбора вариантов, кто из них будет готов рисковать своей экономикой, кто не очень готов. В идеале необходимо убедить руководство этих стран брать на себя определённый риск работать с Россией, но в долгосрочном плане оно все равно оправдается. Россия близко, соответственно можно заработать на экспорте, импорте, на предоставлении финансовых, логистических и прочих услуг. Америка, в конце концов, далеко, и гарантии, что она даст такие же деньги, которые можно заработать в России, нет.

Вот на этом направлении нам нужно работать.

INCREASED SANCTIONS AGAINST RUSSIAN ENERGY MARKET. INTERVIEWS

DOI: 10.48137/26870703_2022_18_2_6

Received: 10.06.2022.

For citation: Increased Sanctions Against Russian Energy Market. Interviews / M. R. Salikhov, I. V. Yushkov, S.P. Mitrakhovich. – *Geoeconomics of Energetics*. № 2 (18). P.6–33. DOI: 10.48137/26870703_2022_18_2_6

Keywords: economic sanctions, oil and coal export embargoes, dynamics of energy prices, geopolitical factors, global energy market, EU energy market.

Abstract

The article presents analytical assessments by leading experts of the situation on the world energy markets in the context of increased sanctions from the collective West against Russian energy companies, energy exporters and total logistical, financial and other restrictions in relation to all market participants under the threat of secondary sanctions. The analysis of the geopolitical and economic consequences of the impact of these sanctions on the world market participants, conducted by experts, allows us to substantiate new trends in the development of the sector.

Андрей ГРОЗИН

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ В ЭНЕРГОСЕКТОРЕ

Дата поступления в редакцию: 28.03.2022.

Для цитирования: Грозин А. В., 2022. Внешнеэкономическая политика Китая в Центральной Азии: достижения и проблемы в энергосекторе. – Геоэкономика энергетики. № 2 (18). С. 34–61. DOI: 10.48137/26870703_2022_18_2_34

В статье анализируется история и актуальное состояние реализации Китаем инициативы «Один пояс – один путь» в республиках Центральной Азии. Промежуточные итоги реализации инициативы, достигнутые к настоящему времени, рассматриваются в первую очередь применительно к топливно-энергетическим секторам государств постсоветской Азии. С этих же позиций оценивается влияние на реализацию инициативы КНР комплекса проблем и региональных особенностей, тормозящих экономическое сотрудничество центральноазиатских государств с китайскими компаниями в нефтегазовой и энергетической сферах. Отдельным объектом анализа стали содержание и влияние растущих негативных общественных настроений в отношении сотрудничества с Китаем в ряде стран региона. Также рассматриваются основные перспективы экономического взаимодействия КНР и стран Центральной Азии в условиях наблюдаемого быстрого роста мировой геополитической и геоэкономической турбулентности.

ГРОЗИН Андрей Валентинович, кандидат исторических наук, заведующий отделом Средней Азии и Казахстана Института стран СНГ, старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук. Адрес: Российская Федерация, г. Химки, 141410, пр. Мельникова, д. 2/1. E-mail: andgrozin@yandex.ru. SPIN-код: 5621-8571

Ключевые слова: инициатива «Один пояс – один путь», Китай, Центральная Азия, Казахстан, синофобия, экономическое сотрудничество, конкуренция интересов.

Внешнеэкономическая политика Китая последних десятилетий отличается высокой эффективностью, её реализация позволила КНР существенно нарастить своё экономическое влияние как на региональном, так и на мировом уровне. Достижения политики мягкого продавливания китайских экономических интересов позволили обеспечить лидирующие позиции страны и определить политику «по Си Цзиньпину» на одном уровне с достижениями политики основателя КНР Мао Цзэдуна. Эта «новая внешнеполитическая активность» получила зримое выражение и фундамент в инициативе экономического пояса Шёлкового пути (ЭПШП), в последние годы чаще называемой инициативой «Один пояс — один путь» (ОПОП) (*One Belt One Road Initiative (OBOR)*).

16 сентября 2013 г. во время визита по региону Центральной Азии (ЦА), выступая в г. Астана*, председатель КНР Си Цзиньпин выступил с программной речью «Развитие дружбы народов ради прекрасного будущего» и впервые предложил странам ЦА совместно формировать экономический пояс Шёлкового пути [Выступление..., 2013]¹. Позднее, в ходе визита в Индонезию (3 октября 2013 г.), лидер Китая предложил аналогичный план для расширения сотрудничества КНР со странами Южной, Юго-Восточной и Западной Азии, а также Восточной Африки и Европы, названный морским Шёлковым путём XXI в. [Акижанов, 2014].

15 ноября 2013 г. на третьем пленуме ЦК КПК 18-го созыва в Пекине было принято правительственное постановление, которое особо подчеркнуло продвижение ускоренными темпами построения концепции экономического пояса Шёлкового пути и морского Шёлкового пути XXI в. [Третий пленум ЦК КПК..., 2013]². С этого момента ЭПШП/ОПОП — масштабная концепция нового курса Китая, основанного на широко понимаемом международном сотрудничестве, — породила в международном научном сообществе многочисленные дискуссии и начала превращаться в неофициальное (базовое положение данной инициативы в КНР официально никогда не признавалось) ядро китайской внешней политики.

К весне 2017 г., по данным официального представителя Министерства транспорта Китая У Чуньгэна, КНР подписала со странами вдоль «Пояса и пути» более 130 соглашений о сотрудничестве в сфере железнодорожного, автодорожного, морского и авиационного транспорта, а также в области почтовой связи³. К концу января 2021 г. о присоединении к мегаинициативе

¹ Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина в Университете Назарбаева // http://kz.china-embassy.org/rus/zhgx/201309/t20130916_1045309.htm, дата обращения 25.03.2022.

² Третий пленум ЦК КПК 18-го созыва // <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/sbjszqh/>, дата обращения 25.03.2022.

* С 2019 г. — г. Нур-Султан.

³ Китай подписал со странами вдоль «Пояса и пути» более 130 соглашений о сотрудничестве в транспортной области // <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0421/c31518-9205740.html>, дата обращения 25.03.2022.

Пекина заявила 171 страна, было подписано 205 соглашений о сотрудничестве в рамках ОПОП, а суммарный товарооборот между государствами, расположенными вдоль «Пояса и пути», вырос на 21,4 % и достиг 383,24 млрд долл. (30 % объёма внешней торговли КНР) [Пустовойтова, 2021].

В практическом смысле ОПОП, по оценке эксперта московского отделения фонда Карнеги Александра Зотина, — зонтичная концепция, включающая в себя не менее 900 различных инфраструктурных проектов (автомобильные и железные дороги, порты, электростанции, мосты и т. д.) на разной стадии проработки в десятках государств мира. По его мнению, существует большое число различных неофициальных карт мегаинициативы, но «в основном ОПОП базируется вокруг шести экономических коридоров из Китая в Европу и Южную Азию. Хотя инициатива направлена на инвестиции преимущественно за пределы Китая, инфраструктуру под неё планируется развивать и в самой КНР» [Зотин, 2017]. При этом, по оценкам эксперта, основным выгодополучателем от реализации ОПОП станет Синьцзян-Уйгурский автономный регион, который планируется превратить в многопрофильный хаб, связывающий КНР с остальной Евразией.

Центральная Азия занимает особое место в предложенной Пекином миру инициативе. Геополитическое положение региона, лежащего между западными территориями Китая и приграничными пространствами Европы, автоматически делает страны ЦА центральной частью ОПОП.

Отдельным значимым фактором при этом стало то, что в идейно-политическом плане инициатива «Один пояс — один путь» стала естественным дополнением идеологических систем, созданных после распада СССР властями постсоветских республик Азии. Во всех из них (в каждой — в различной степени и со своими особенностями, но повсеместно) особо значимой составляющей национальной политической культуры остаётся тема исторической роли региона в развитии человеческой цивилизации и всего континента Евразия в частности.

Как отмечал главный научный сотрудник российского Института этнологии и антропологии Виктор Шнирельман, «становление новых государств в Казахстане и Центральной Азии сопровождается стремительным созданием своих национальных мифов, важнейшим компонентом которых служит нарратив о великих предках. Как неоднократно бывало в других регионах мира, такой нарратив выстраивается по привычной колониальной модели, но место главного героя в нём теперь занимает местный титульный народ. Отныне именно его предкам предназначено совершать великие подвиги, создавать выдающиеся культурные достижения и, что немаловажно, оказывать влияние на предков тех, кто доминировал в предшествующую "колониальную" эпоху» [Шнирельман, 2009]. На таком фоне апелляция Пекина при начале реализации ОПОП к общепланетарной исторической роли

древнего Шёлкового пути, особому месту в истории человечества народов, вдоль него проживавших, нашла отклик в странах Центральной Азии.

В то же время идеологические основания при их значимости, конечно, были и остаются для обществ и властей ЦА вторичными в сравнении с реальными финансово-экономическими и технологическими выгодами от сложившегося за годы независимости партнёрства с Китаем. Экономический рост республик Центральной Азии, обладающих энергоресурсами, в последние полтора десятилетия в значительной степени был обусловлен экспортом энергоносителей в КНР. Это неудивительно, поскольку на Китай приходится 20 % мирового энергопотребления, которое продолжает расти высокими темпами год за годом [Ризоев, 2020].

Поэтому и перспективы углубления и расширения многопланового сотрудничества с КНР в рамках реализации инициативы ОПОП власти всех пяти постсоветских республик восприняли исключительно положительно.

Энергетическое сотрудничество КНР с центральноазиатскими партнёрами

Одним из магистральных направлений в рамках ОПОП Пекином изначально было заявлено многоаспектное расширение энергетического сотрудничества со странами – партнёрами по реализации инициативы.

В рамках ОПОП КНР строит нефтяные и газовые магистрали из России и стран Центральной Азии через Пакистан и Мьянму (в обход Малаккского пролива), а также терминалы для нефтяных танкеров и регазификации СПГ из стран Персидского залива, России, Австралии, стран Юго-Восточной Азии [Виноградов, 2017]. В целом эта программа, являющаяся составной частью инициативы, должна снизить уязвимость поставок и обеспечить достаточное предложение углеводородов (УВ) по приемлемым для китайского бизнеса ценам.

В то же время не совсем верно увязывать взрывной рост китайских инвестиций в Центральную Азию (особенно в энергетику и смежные сектора экономики региона) в последние десятилетия исключительно с появлением инициативы ОПОП.

Интерес КНР к центральноазиатскому энергетическому и транзитному потенциалу существовал и до провозглашения инициативы: нефтепровод из Казахстана в Китай был запущен ещё в 2005 г. Ключевой, базовый проект сотрудничества КНР с центральноазиатскими республиками – газопровод Центральная Азия – Китай – был построен в 2009 г. [Умаров, 2020]. Оба трубопровода, таким образом, появились до официального объявления ОПОП.

По мнению казахстанского сиолога *Антон Бугаенко*, политическая нестабильность традиционных регионов – поставщиков энергоресурсов, а также высокая вероятность введения ограничений (вплоть до полной бло-

кады) путей поставок Соединёнными Штатами (т. н. «малаккская дилемма» [Ованнисян, 2019]) заставляют руководство КНР, желающее обезопасить пути поставок сырья и энергоресурсов, делать ставку на Центральную Азию, особенно Казахстан и Туркменистан.

Пекин с момента распада СССР отводил странам ЦА значимую роль в качестве дополнительного источника импорта энергии в Китай. Регион рассматривается как пространство, позволяющее КНР проводить политику диверсификации импорта углеводородного сырья.

При этом, как представляется, сами центральноазиатские страны – поставщики УВ заинтересованы в экспорте своего сырья в Поднебесную в большей степени, поскольку, *во-первых*, в условиях нестабильности на мировых сырьевых рынках стараются использовать любые возможности для сохранения текущих объёмов экспорта. *Во-вторых*, гигантская экономика соседнего Китая во всё большей мере рассматривается как наиболее стабильный и перспективный рынок и источник значительных финансовых поступлений на долгосрочный период. Для центральноазиатских стран на начало 2020 г. китайская доля во внешнеторговом обороте составляла около 22 % всего экспорта и 37 % импорта [Умаров, 2020].

В настоящее время экономический рост государств региона во многом зависит от Китая, но у разных стран в разной степени. Например, для Туркмении Китай несколько лет был практически единственным источником притока иностранной валюты в государственный бюджет. Это объяснялось тем, что российский «Газпром», с начала 2016 г. расторгнув контракт из-за ценовых споров, более трёх лет не закупал природный газ у «Туркменгаза». Пока стороны судились и договаривались о цене на газ, почти 80 % туркменского экспорта (8,1 млрд долл.¹) было направлено в КНР. Суммарный объём поставленного Ашхабадом в КНР природного газа по состоянию на октябрь 2019 г. достиг 252,1 млрд куб. м [Hasanov, 2019].

Туркмения из всех стран ЦА является наиболее зависимым от Китая государством. Почти весь экспорт туркменского газа в настоящее время идёт в Китай, что составляет около 30 млрд куб. м в год [Hess, 2020]. Газ поставляется преимущественно «Туркменгазом», а также с месторождения Багтыярлык, оператором которого является *China National Petroleum Corporation (CNPC)*, единственная иностранная компания, разрабатывающая наземные месторождения в Туркмении.

Стоит добавить, что экспорт энергоресурсов служит важным источником пополнения госбюджета не только для Туркмении, но и для Казахстана и Узбекистана. Как отмечал эксперт московского отделения фонда Карнеги

¹ Trade Map. По данным International Trade Center // https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1, дата обращения 25.03.2022.

Темур Умаров, на начало 2020 г. во всем импорте энергоресурсов КНР доля этих трёх государств составила 3,4 %. Страны ЦА к тому же занимают большую долю в китайском импорте цинка (21 %), свинца (20,9 %) и продуктов неорганической химии (10 %) [Умаров, 2021].

Ключевым региональным партнёром КНР во всех областях экономического сотрудничества (в том числе по линии топливно-энергетического сотрудничества) остаётся Республика Казахстан (РК).

Власти РК с первых лет независимости сделали однозначный выбор в пользу форсированного роста добычи и продажи своих энергоносителей на мировых рынках. Следствием стало то, что в результате бóльшая часть месторождений казахстанской нефти и иных природных ресурсов перешла в руки зарубежных компаний. Республика стала безусловным региональным лидером в области вовлечённости в мировую систему торговли энергетическими ресурсами.

Несмотря на постоянно озвучиваемые три десятилетия планы и программы диверсификации и реиндустриализации казахстанской экономики, основным локомотивом развития РК остаётся топливно-энергетический сектор, и в первую очередь добыча и экспорт УВ на мировые рынки. При этом около 60–70 % (в разные годы) от общего полученного объёма добытых углеводородов приходится на три крупнейших проекта – Тенгиз, Карачаганак и Кашаган. По добыче природного газа наблюдается схожая картина: основная доля газа в стране обеспечивается Карачаганакком (49 %), Тенгизом (31 %) и Кашаганом (14 %) [Муминов, 2019]. Стоит добавить, что в тенгизском проекте доля собственно Казахстана (АО «НК "КазМунайГаз"») составляет 20 %, в кашаганском – 16,8 %, в карачаганакском – 10 % [Смирнов, 2021].

По наиболее распространённым экспертным оценкам, доля Китая в общей нефтедобыче в Казахстане составляет около 24 %, а в добыче газа – около 13 % [Ризоев, 2020]. Это, безусловно, значительные показатели, однако для сравнения следует указать на то, что, по данным Темура Умарова, в казахстанской нефтяной отрасли, которая, «по некоторым оценкам, формирует 44 % госбюджета, американские компании лидируют в добыче. В 2019 г. их доля в добытой в стране нефти составила около 30 %. Для сравнения: на китайские нефтяные компании *CNPC*, *Sinopec* и *CITIC* приходится около 17 %, на российский «Лукойл» – 3 %. *Chevron* и *ExxonMobil* вместе владеют 75 % акций крупнейшего нефтедобывающего предприятия Казахстана "Тенгизшевройл"» [Умаров, 2021].

Флагманская роль Казахстана в реализации стратегии КНР по расширению экономического влияния в Центральной Азии позволила Пекину органично вписать сложившееся до провозглашения инициативы ОПОП двустороннее сотрудничество в сфере ТЭК в новые, меняющиеся геополитические и геоэкономические реалии.

Казахстан рассматривается КНР как удобный партнёр, через территорию которого могут осуществляться не только поставки собственно казахстан-

ских и центральноазиатских УВ, но и, в перспективе, по мере реализации ОПОП, транзит энергоресурсов в Китай из других стран. При этом до последнего времени основными покупателями казахстанской нефти являются государства Европейского союза (ЕС). Почти 70 % добываемой в РК нефти экспортируется в западном направлении через Каспийский трубопроводный консорциум (КТК). Его учредители ранее заявляли, что модернизация КТК позволит увеличить долю поставок казахстанской нефти до 52–60 млн т в год, а в среднесрочной перспективе – до 67 млн т [Самнаев, 2017]. При этом в связи с так называемым зелёным переходом экономик ЕС, а затем и общей неопределённостью ситуации с влиянием вводимых против России западных санкций складывается кризисная ситуация серьёзной неясности не только с реализацией указанного проекта расширения экспорта УВ, но и, вообще, с будущим всего казахстанского нефтеэкспорта в Европу.

На фоне текущих кризисных явлений на сырьевых рынках именно Китай всё чаще начинает рассматриваться в центральноазиатском экспертном сообществе в качестве некоей «последней надежды» для национальных экономик стран ЦА.

В то же время до настоящего времени ситуация с экспортом казахстанских УВ в КНР выглядит не слишком обнадеживающе: с 2013 по 2017 г. экспорт казахстанской нефти в Китай сократился в 10 раз – с 8,7 млрд долл. в 2013 г. до 853,4 млн долл. в 2017 г. В 2018 г. Казахстан продавал Китаю нефти меньше, чем, например, Румынии. Ограничения, вызванные коронавирусной инфекцией, также не способствовали наращиванию сотрудничества Казахстана и Китая – экспорт УВ стагнировал.

В начале 2019 г. ведущий в то время казахстанский синолог профессор *Константин Сыроежкин* отмечал: «Спрос на казахстанскую нефть в Китае падает уже три года подряд. И это нормальная тенденция. Параллельно увеличиваются поставки из России и Латинской Америки. Мы тут не главные: у нас объём внешней торговли с Китаем в 2018 г. составил порядка 18 млрд долл., а объём внешней торговли Китая с миром перевалил за 1 трлн долл. Хотя для нас эти объёмы и значимы, однако повлиять на что-то мы не можем» [Киселёва, 2019].

На нефтегазовый рынок Казахстана китайский бизнес зашёл с некоторым опозданием – в 1997 г. Как отмечает начальник отдела Института изучения России, Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук КНР Чжан Нин, к тому времени нефтяные магнаты из США и Европы уже успели заполучить самые качественные энергоресурсы. Но данное обстоятельство, как указывает китайский учёный, никак не повлияло на усиление казахстанско-китайского сотрудничества, поскольку регион, и в особенности Казахстан, интересен Пекину не только как источник сырьевых ресурсов, но и как транзитный мост в Европу. Проводя планомерную и выверенную политику на этих двух основных направлениях, Китай в любом случае занял беспроблемную позицию, так же

как и страны ЦА, которые извлекают из этого выгоду, в том числе раскрывают транспортно-логистический потенциал, экспортируют свои товары на внешние рынки, привлекают инвестиции, обеспечивают социальное развитие и т. д. [Исабаева, 2021]. При этом очевидно, что содержащийся в инициативе ОПОП глобальный проект «пробуждения» логистического потенциала Казахстана и, в меньшей мере, стран Средней Азии, по сути, стал дополнительным фактором укрепления китайских позиций в региональном топливно-энергетическом секторе. В Казахстане, имеющем в силу своего географического положения особое значение для транспортно-логистических проектов КНР, Пекину удалось достичь максимальных успехов.

В короткие сроки в балансе иностранных ТНК, работающих в сфере производства УВ в Казахстане, произошли заметные сдвиги: компаниям КНР удалось менее чем за 20 лет изменить ситуацию абсолютного и безусловного доминирования западных энергетических корпораций, сложившуюся за первое десятилетие независимости. Обеспеченность китайского бизнеса финансовыми ресурсами и его деятельность в тесной координации с государственными институтами позволили ему довести долю своего участия в казахстанском ТЭК с нулевой отметки до не менее чем четверти всей казахстанской добычи жидких УВ.

Другим значительным достижением стало то, что КНР удалось получить значительные позиции в энергетических проектах на Каспии — не только в Туркменистане, но и в Казахстане. Большим успехом китайской экономической политики стала покупка *CNPC* у НК «КазМунайГаз» 8,33 % доли каспийского месторождения Кашаган.

CNPC остаётся главной движущей силой китайско-центральноазиатского сотрудничества в энергетической сфере. При этом ключевые региональные проекты корпорации реализуются в Казахстане. По оценкам казахстанских экспертов, за 25 лет своего присутствия в РК корпорация уплатила в бюджеты всех уровней налогов и пошлин на сумму 47,1 млрд долл., войдя в топ-50 крупнейших налогоплательщиков республики [Исабаева, 2021].

Первым проектом *CNPC* в Казахстане стало АО «СНПС-Актобемунайгаз». Сумма накопленных до 2019 г. инвестиций составила 10,2 млрд долл. Основными приоритетами заявлены: модернизация оборудования, приобретение новейшей скважинной и промышленной техники, внедрение передовых систем экологической безопасности и пр.

CNPC участвует в «ПетроКазахстан Кумколь Ресорсиз» (ПККР) и «ПетроКазахстан Ойл Продактс» (ПКОП), «МангистауМунайГаз» (ММГ), «Бузачи Оперейтинг Лтд», «Азиатский Газопровод», «Казгермунай», в разработке Кашагана в составе консорциума *North Caspian Operating Company (NCOC)*¹.

¹ Китайское присутствие в нефтянке Казахстана выше, чем показывает статистика — эксперт // <http://berlek-nkp.com/analitics/10316-kitayskoe-prisutstvie-v-neftyanke-kazahstana-yshe-chem-pokazyvaet-statistika-ekspert.html>, дата обращения 25.03.2022.

С большим трудом после двух десятилетий обсуждений в Казахстане смогли решить проблему самообеспечения ГСМ, завершив (с привлечением инвестиций КНР) в 2018 г. реконструкцию трёх отечественных НПЗ. До этого от 30 до 45 % топлива приходилось закупать у России.

В частности, на ТОО «ПКОП» (Шымкентский НПЗ) на деньги китайского кредита была проведена двухуровневая модернизация. Представители компании утверждают, что его продукция сейчас соответствует стандартам Евро-4 и Евро-5.

Всего за годы работы в Казахстане *CNPC* инвестировала в развитие нефтегазовой промышленности республики более 45 млрд долл., создала 30 тыс. рабочих мест, отправила на учёбу в университеты КНР более 500 казахстанских студентов, предоставив им стипендии.

Китайские компании стараются преодолеть антикитайские настроения в регионе, одновременно отвечая на требования местных властей о повышении своего экономического вклада в развитие экономик стран ЦА. Например, *CNPC* указывает, что 97 % её рабочей силы в стране локализовано. Один проект реконструкции Шымкентского НПЗ создал 2296 постоянных рабочих мест для местного населения¹.

Вопреки расхожим клише об интересе китайского бизнеса только к сырьевым проектам в ЦА строительство Мойнакской гидроэлектростанции в Казахстане (стоимость — 330 млн долл., из которых 200 млн долл. составил кредит от Китайского банка развития) продемонстрировало эффективность китайских инвестиций в возобновляемые источники энергии за пределами КНР. В 2012 г. Китайская международная водно-электрическая корпорация (*CWE*) завершила строительство Мойнакской ГЭС мощностью 300 МВт, что стало важным вкладом в энергетическую безопасность Казахстана. ГЭС «может обеспечить электричеством все домохозяйства в Алматы... До мойнакского проекта юг Казахстана импортировал электроэнергию из Кыргызстана, а после запуска ГЭС стал самодостаточным», — сказал в документальном фильме, вышедшем в 2018 г. на телевидении КНР, Юй Цян, заместитель главного инженера *CWE* в РК [Нива, 2020].

В рамках взятого в КНР курса на зелёную энергетику в Казахстане также были построены несколько объектов, в том числе ветряная электростанция в Костанайской области, солнечная электростанция в Алматинской области, ветроэнергетическая станция в Жамбылской области и Тургусунская гидроэлектростанция в Восточном Казахстане.

В Узбекистане основной бизнес-структурой, продвигающей китайско-узбекское партнёрство в рамках ОПОП, также является *CNPC*. Таш-

¹ Как и почему Китай помогает индустриализовать Центральную Азию // <https://www.saa-network.org/archives/22283>, дата обращения 26.03.2022.

кент долгое время представлял для КНР интерес с точки зрения поставок природного газа: Узбекистан, несмотря на отмечаемое в последние годы снижение газодобычи, входит в двадцатку крупнейших газодобывающих стран мира (ежегодная добыча составляет около 55–60 млрд куб. м газа). Объём экспорта узбекского газа на рубеже начала пандемии коронавируса составлял 10–13 млрд куб. м. В 2004 г. *CNPC* и национальная холдинговая компания «Узбекнефтегаз» подписали рамочное соглашение о развитии сотрудничества. *CNPC* осуществила или планирует осуществить ряд проектов в узбекской нефтегазовой отрасли, среди которых выделяются: строительство узбекского участка магистрального газопровода Центральная Азия – Китай (ветка *D*); планы по освоению нефтяных месторождений в Ферганской долине (Ферганская, Андижанская и Наманганская области); подготовка к освоению нефтегазоконденсатных месторождений в Бухарско-Хивинском регионе и на плато Устюрт; подготовка к освоению нефтегазоносных месторождений в узбекской части обнажившегося дна Аральского моря; участие в финансировании строительства установки по производству сжиженного газа на Мубарекском ГПЗ (Кашкадарьинская обл.); планы по организации совместного производства нефтегазового оборудования в Узбекистане [Адясов, 2015]. В 2010 г. *CNPC* и «Узбекнефтегаз» заключили рамочное соглашение о купле-продаже природного газа в объёме до 10 млрд куб. м в год. Поставки на регулярной основе начались с 1 апреля 2012 г.¹ По итогам 2013 г. Китай получил 6 млрд куб. м узбекского газа. Осенью 2014 г. источник РИА «Новости» в правительстве Узбекистана сообщал, что в 2015 г. поставки в Китай будут доведены до 10 млрд куб. м, а к 2016 г. объёмы китайского законтрактованного газа планировались на уровне не менее 25 млрд куб. м в год [Саинов, 2012].

Планам этим, однако, сбыться было не суждено: прогрессирующий дефицит газа, сопровождаемый резким ростом внутреннего потребления и сокращением запасов, вынуждает Ташкент сокращать газовый экспорт. Маловероятно, что в среднесрочной перспективе Узбекистан сможет увеличить поставки УВ в Китай. Между тем китайско-узбекская торговля быстро расширяется в других секторах, таких как строительство, технология, нефтехимия, энергетика и производство.

Кроме того, существуют и технологические ограничители: три линии трубопровода «Китай – Центральная Азия» работают на полную мощность с конца 2018 г.

По заявлениям официальных лиц центральноазиатских государств от 2014 г., четвертая ветка газопровода по маршруту Туркменистан – Узбе-

¹ Узбекистан хочет увеличить поставки газа в Китай и наладить его экспорт в Европу // <http://www.fergananews.com/news/26522>, дата обращения 25.03.2022.

кистан – Таджикистан – Киргизия – Китай должна была быть запущена к концу 2016 г. Затем запуск переносили на конец 2020 г., в настоящее время эксперты указывают на то, что проект заморожен после начала пандемии коронавирусной инфекции.

Очевидно, что четвёртая ветка газопровода в первую очередь нужна Ашхабаду. Для туркменской казны, испытывающей многолетние серьёзные трудности, Китай остаётся ключевым источником доходов. К тому же другие проекты газопроводов из Туркмении (ТАПИ, труба в Европу) не демонстрируют сколько-нибудь значимой динамики.

Транзитные страны заинтересованы в возобновлении строительства газопровода не меньше Туркмении. Для Таджикистана и Киргизии – двух наиболее закредитованных Китаем центральноазиатских республик – дополнительный источник дохода в сегодняшних сложных геополитических и геоэкономических условиях крайне необходим. Настолько, что в Таджикистане к концу января 2020 г. объявили о завершении строительства первого тоннеля по линии будущего газопровода [Тарасевич, 2020].

Увеличивающийся экономические связи с соседями Узбекистан также выступит за прокладку четвёртой ветки, если Пекин сделает выгодное предложение. Таким образом, будущее нового маршрута газопровода из ЦА сейчас полностью в руках Пекина [Капитонов, Умаров, 2020].

Данная ситуация повторяется и с возможностью другого потенциально значимого проекта в рамках ОПОП – железной дороги Китай – Кыргызстан – Узбекистан (ККУЖД). Проект, обсуждение которого тянется много лет, в настоящее время близок к вероятности перехода в практическую плоскость. О том, что строительство железной дороги начнётся в ближайшем будущем, в феврале 2022 г. заявил президент Киргизии Садыр Жапаров, выступая в рамках онлайн-саммита глав республик Центральной Азии и КНР, прошедшего по случаю 30-летия установления дипотношений между странами.

«Строительство железной дороги должно стать флагманским проектом в рамках инициативы "Один пояс – один путь". Магистраль станет дорогой дружбы, добрососедства и устойчивого развития», – отметил глава Киргизии.

Он назвал проект масштабным с точки зрения экономического потенциала и подчеркнул, что «каких-либо политических разногласий о его сути и целесообразности нет, есть лишь вопросы, которые связаны с техническими аспектами и финансовой составляющей» [Крек, 2022].

В условиях усиливающейся мировой экономической и политической напряжённости роль Узбекистана не столько как источника ресурсов, сколько как транзитной страны, ключевой для всего Центрально-Азиатского региона, для Китая возрастает. В данной связи, очевидно, в близкой перспективе будет урегулирован и затянувшийся на два десятилетия процесс согласования и реализации проекта ККУЖД. Думается, что стороны смо-

гут найти компромиссный вариант и построить наконец железную дорогу. Кроме этого, Китай уже вложил значительные ресурсы в транспортные и экономические проекты в Узбекистане.

Судя по ряду внешнеполитических шагов и действий КНР, явный приоритет Казахстану, безусловно отдаваемый ранее Пекином в рамках реализации в регионе ОПОП, будет всё в большей мере балансироваться активным участием Ташкента.

Проблемы и узкие места реализации инициативы ОПОП в регионе

До начала периода резкого обострения мировых политических процессов в начале второго десятилетия XXI в., на прежнем этапе развития международных отношений, странам Центральной Азии в целом удавалось придерживаться политики лавирования между мировыми центрами силы и в основном удовлетворять интересы коллективного Запада, России и Китая, извлекая в ходе реализации этого курса различные материальные и нематериальные выгоды. После целого ряда мировых экономических, финансовых, медико-эпидемиологических и военно-политических кризисов, а также серьёзных колебаний цен на сырьевых рынках пространство для манёвра для государств ЦА начало сужаться. Данный процесс продолжается и приобретает в последние два-три года дополнительную динамику за счёт множества вызовов (пандемия *COVID-19* 2020–2022 гг., транзит высшей власти и попытка мятежа в Казахстане в январе 2022 г., санкционная война Запада против России, бьющая по всей Центральной Азии, нарастание социально-экономической катастрофы в Афганистане и пр.), наложившихся на многочисленные традиционные для центральноазиатских республик проблемы.

В сложных геополитических и геоэкономических условиях власти стран ЦА в качестве серьёзного страховочного механизма сохранения экономической устойчивости продолжают рассматривать партнёрство с Китаем на основании двусторонних и многосторонних форматов.

До последнего времени Центральная Азия оставалась для Пекина одним из регионов, где инициатива ОПОП развивалась относительно беспрепятственно. Однако реализация китайско-центральноазиатского экономического сотрудничества начинает сталкиваться со значительными сложностями. Причём в последние годы становится заметно, что динамика сотрудничества до последнего времени имела негативный характер и уровень сотрудничества «новой Азии» и их великого восточного соседа снижался. Данное снижение максимально заметно в Казахстане и Киргизии — государствах с наиболее выраженными в регионе синофобскими настроениями и участившимися антикитайскими акциями части общества. В то же время другие среднеазиатские республики сохраняют стабильный

уровень отношений с КНР, а Узбекистан по степени динамики роста экономического партнёрства с китайским бизнесом постепенно превращается в регионального лидера.

Стоит отметить, что ситуацию с достаточно спокойным отношением среднеазиатских обществ к КНР пытаются изменить извне: в Узбекистане через социальные сети и мессенджеры продвигается тема «преследования мусульман» в Синьцзяне, в Таджикистане нарастают попытки раскачать антикитайские настроения активным тиражированием материалов зарубежных СМИ о «китайских военных базах» на территории республики и т. д.

Во всех республиках ЦА через имеющиеся западные и прозападные информационные ресурсы в последние два-три года продвигается нарратив о негативном опыте реализации ОПОП в других регионах мира. Центрально-азиатским обществам и элитам внушается недоверие к инициативе Пекина с использованием кейсов сотрудничества КНР с такими странами, как Шри-Ланка, Пакистан, Малайзия, ряд африканских государств, демонстрирующих, по мнению авторов этих материалов, проблемность вопроса финансирования стран – реципиентов инициативы ОПОП, когда долговые обязательства якобы постепенно трансформируются в политические¹. Несомненно, что разворачивающаяся в регионе информационная война против Китая:

- носит организованный, целенаправленный характер;
- ориентирована на превращение Центральной Азии в уязвимое место в инициативе «Один пояс – один путь».

В связи с означенной ситуацией проблема практической комплексной реализации ОПОП в регионе оказывается в сложном положении.

Очевидно, что в ЦА имеет место явный разрыв между соображениями экономической целесообразности, которыми руководствуются власти, и синофобскими настроениями части населения, разгоняемыми различными лидерами общественного мнения, НПО и медиаструктурами, имеющими преимущественно внешнее финансирование. Как указывает директор казахстанского Центра китайских исследований *China center* Адиль Каукенов, «вопреки объективной заинтересованности Казахстана в инвестициях и необходимости увеличения своих продаж на китайском рынке, под воздействием общественного мнения, идущего на поводу откровенного хайпа, происходит ровно противоположное. Торговля и инвестиционное сотрудничество с крупнейшим экономическим соседом уменьшается, что и понятно, ведь при таком уровне мифотворчества, синофобии и общественного неприятия казахстанский рынок становится слишком рискованным и неудобным для сотрудничества» [Каукенов, 2021].

¹ О «затягивании» Казахстана в орбиту Китая // https://kz.expert/ru/materials/analitika/1034_o_zatyagivanii_kazahstana_v_orbitu_kitaya, дата обращения: 22.03.2022.

Национал-патриоты* Казахстана и Киргизии традиционно критикуют власти за чрезмерный, по их мнению, рост китайского экономического влияния, что несёт прямую угрозу национальной безопасности республик. В Таджикистане и Узбекистане такого рода критика крайне редка и публичные проявления синофобии до настоящего времени не отмечаются. В Туркменистане в силу особенностей политической системы, социального и информационно-медийного ландшафтов антикитайские настроения никем и никогда не фиксировались.

Превращение Китая в объект внимания казахских и киргизских национал-патриотов фиксируется с периода начала процесса активизации экономического присутствия Китая с середины 90-х гг. XX в. Китайский бизнес, китайские товары и граждане КНР в Казахстане и Кыргызстане постепенно начали превращаться в заметную составляющую внутривнутриполитической жизни республик. Об этом свидетельствовали социальные конфликты на крупных китайских предприятиях (впервые – в Западном Казахстане на предприятиях *China National Petroleum Corporation*) и локальные акции протеста казахстанских работников менее крупных нефтяных и сервисных компаний, принадлежащих гражданам КНР.

В казахстанском обществе, пожалуй, самые большие фобии связаны с присутствием КНР в нефтегазовой сфере страны, которое якобы может нести серьёзные риски для национальной безопасности. После провозглашения в 2013 г. Пекином начала реализации инициативы ОПОП эти настроения начали усиливаться и получают определённую общественную поддержку.

В то же время данные официальной статистики опровергают опасения по поводу китайской экспансии в казахстанской нефтегазовой сфере. Так, в 2020 г. Казахстан добыл 85,7 млн нефти, из которых на местные предприятия приходится 30,6 %, на американские – 28,7 %, европейские – 18,7 %, китайские – 16 %, российские – 3,5 %, азиатские – 2,4 % [Исабаева, 2022].

Существующие на западные гранты казахстанские и региональные НПО/НКО в последнее время начали активно продвигать в СМИ тему экологического вреда, наносимого республике китайскими компаниями, работающими в энергетической сфере. При этом отсутствие сколько-нибудь

* К общественно-политическому направлению, обобщённо называемому национал-патриотическим, в Казахстане и Кыргызстане относят лидеров мнений и группы активистов, активно выступающих за сохранение и упрочение национальной идентичности титульного этноса, но при этом делающих это чаще всего в агрессивной форме, стремясь реализовать свои устремления за счёт ущемления прав других этнических групп, проживающих в республиках. В Казахстане, кроме широко используемого определения «национал-патриоты», их оппоненты в социальных сетях и медиа часто используют и уничижительный вариант – «нащпаты». Национал-патриоты Казахстана представляют собой крайне разношёрстное сообщество, объединяемое общей идеологической заряженностью против евразийской интеграции, партнёрства с Россией, а также общей синофобией.

серьёзной доказательной базы объясняется просто — якобы целенаправленным курсом властей Казахстана на замалчивание данной проблемы¹.

Серьёзной проблемой китайского бизнеса в энергетическом секторе Казахстана остаётся его качественная составляющая: практически все приобретённые компаниями КНР в последние годы месторождения казахстанских УВ имеют небольшие балансовые и извлекаемые запасы, а значительная их часть находится в разработке с конца 1980-х — начала 1990-х гг. и входит в стадию затухания добычи. Вообще, кроме Тенгиза, Кашагана и Карачаганака, остальные казахстанские месторождения прошли пик добычи, коэффициент извлечения нефти на них низок и колеблется в пределах 35 %. Особенно напряжённая ситуация сложилась в Южно-Эмбинском, Южно-Торгайском, Актюбинском регионах, где резко сокращается добыча в силу естественного её падения на старых месторождениях. Идёт процесс «вымирания» старых промыслов [Смирнов, 2021]. Именно в этих регионах РК работает большая часть китайских нефтегазовых компаний.

Кроме того, значительная часть УВ, добываемых компаниями КНР в РК, остаётся на внутреннем рынке, в отличие от тех, которые добывают другие операторы (американские и европейские) и отправляют за пределы республики. По словам председателя правления экспертного клуба «Один пояс — один путь» Булата Султанова, китайские предприятия поставляют на казахстанский рынок для переработки от 30 до 85 % (в разные годы) нефти, реализуемой по внутренним ценам, тем самым участвуя в стабильном обеспечении потребителей отечественным бензином, дизельным топливом и внося прямой вклад в развитие казахстанской экономики. Однако с точки зрения максимального извлечения прибыли поставки на внутренний рынок РК (при существующей тарифной и налоговой политике) проигрывают политике экспорта на внешние рынки, реализуемой западными компаниями.

На фоне меняющихся настроений общества власти центральноазиатских республик повсеместно продолжают демонстрировать оптимизм в отношении партнёрства с Китаем. При этом в Казахстане официальные медиа и выступления представителей власти в последние годы резко снизили частоту упоминания партнёрства своих республик с КНР. Заметно, что это происходит под внешним нажимом и с учётом меняющихся общественных настроений. Ряд казахстанских экспертов считают, что это происходит в связи с неяркой поддержкой национал-патриотического дискурса в отношении Китая.

Характерным является то, что именно в Казахстане самый масштабный в регионе шаг по практической реализации экономического сотрудничества в рамках инициативы ОПОП привёл к значительному всплеску синофобских настроений. Предпринятые шаги по проекту переноса избыточных

¹ Как и почему Китай помогает индустриализировать Центральную Азию // <https://www.saa-network.org/archives/22283>, дата обращения 26.03.2022.

экономических мощностей из КНР в РК стали поводом для масштабной активизации антикитайских заявлений и политических акций, продолжавшихся с некоторыми перерывами до 2021 г.

Первоначально планировался перенос (данный термин позднее был заменён казахстанской стороной на «реализация инвестиционных проектов») объектов сферы ТЭК, но в дальнейшем было заявлено о переносе более чем 50 объектов из других отраслей экономики.

Следует отметить, что в Казахстане, в отличие от других стран региона, антикитайские настроения демонстрируют цикличность и распространяются на значительные территории страны. После массовых антикитайских протестов 2016 г. (так называемые земельные митинги) имел место период относительного затишья, но уже со второй половины 2019 г. наблюдалась новая массовая антикитайская кампания.

Государственному визиту второго президента РК Касым-Жомарта Токаева в Китай (11–12 сентября 2019 г.), в ходе которого предполагалось заключение новых флагманских проектов в двусторонних экономических отношениях, предшествовали события, которые можно охарактеризовать как обострение синофобии. Все началось с анонимной рассылки в мессенджерах, в которой говорилось, что Китай намерен перенести 55 старых заводов на территорию Казахстана. Реакция части общества оказалась предсказуемой: 3 сентября в западноказахстанском г. Жанаозен (бывший Новый Узень), одном из самых проблемных для властей регионов страны (январские события 2022 г. и попытка вооружённого мятежа, закончившаяся, по официальным данным, 230 погибшими, среди которых — 19 военных и силовиков [Величко, 2022], также начались с этого города), возле акимата (городской администрации) состоялся митинг против «переноса китайских заводов» в Казахстан. Протестанты выступали под лозунгами «Мы против переноса производств», «Экспансии Китая — нет», «Против аренды казахстанской земли иностранцами». На митингах активисты утверждали, что казахстанские чиновники подписывают невыгодные для Казахстана контракты с КНР. Протест повторился и на следующий день, но стал более массовым: в нём приняли участие уже порядка 500 человек. Собравшихся попытался успокоить аким (губернатор) Мангистауской области Серикбай Трумов, но они потребовали объяснений от президента Токаева [Розов, 2019]. Спустя день похожие акции протеста состоялись в крупных городах — Алматы, Нур-Султане, Актобе, Караганде, Актау, Шымкенте. Везде силовые органы наблюдали за протестами, но не вмешивались. Более того, для беседы к протестующим выходили чиновники ранга акима, чего ранее в Казахстане не случалось.

В итоге сорвать визит президента Токаева в КНР не удалось, но его итоги не просто оказались информационно смазаны, но и не привели к ожидаемым экономическим прорывам.

В республиках ЦА, отличающихся максимальным размахом антикитайской общественной активности, — Казахстане и Киргизии — существует феномен «особых» отношений национал-патриотов и официальной власти. Данная связь носит сугубо неформальный характер и, безусловно, отрицается на официальном уровне. Однако многие независимые эксперты региона данный феномен, явно влияющий на темпы реализации мегаинициативы Пекина, фиксируют уже несколько лет. При этом в Киргизии, в минимальной степени влияющей на ход и результаты ОПОП в регионе, данные отношения по линии «власть — нацпаты» выражены слабее, чем в Казахстане. В остальных среднеазиатских республиках серьёзных попыток использовать фактор националистов во внешней политике пока не фиксировалось.

Поддерживая националистов, власти Казахстана за все годы независимости решают утилитарные цели, реализуя политику многовекторности. С одной стороны, иницируют евразийские интеграционные процессы с Россией и расширяют казахстано-китайское двустороннее сотрудничество в экономической сфере, с другой — создают из националистов силу, позволяющую в рамках международных отношений отстаивать свои интересы. Во властных казахских элитах существует опасение потерять в ходе углубления интеграции с РФ (в рамках ЕАЭС) и КНР (в ходе расширения экономического присутствия китайского бизнеса в республике) ранее достигнутые ими политические и международные позиции. По мнению эксперта Сергея Масаулова, казахская бюрократия и бизнес-элита (это часто одно и то же) обеспокоены ожидаемой потерей привилегий, необходимостью усиления ответственности и изменением привычного образа жизни элиты [*Масаулов, 2018*].

Схожего взгляда придерживается и казахстанский политолог Талгат Мамырайымов. По его мнению, «практически все группы национал-патриотов контролируются властями и используются ими в своих целях. Как ни странно, наши национал-патриоты очень разнородны. Но именно это даёт возможность властям пытаться использовать их многовекторно. Иными словами, при помощи нацпатов власти пытаются балансировать между Западом, Россией и Китаем, идя при этом в русле своих личных экономических и политических интересов» [*Жанузаков, 2018*].

Как представляется, поддерживая в целом интеграцию в ЕАЭС, элиты РК обеспокоены высокими, по их оценкам, темпами слияния национальной экономики в единое пространство ЕАЭС. Те же чувства вызывает и растущее экономическое влияние восточного соседа-гиганта. Артикулирование этого беспокойства и недовольства передаётся националистически настроенным политологам и активистам, которые должны сплотить людей вокруг своих лозунгов в новое движение (возможно, в партию) и привлечь молодёжь. В этой ситуации власть сможет аргументировать усилением позиций национал-патриотов (в перспективе, по мере реализации заявленной в марте 2022 г. К-Ж. Токаевым реформы политической системы) свои

возражения против не устраивающих её по форме и темпам продвижения евразийского интеграционного процесса и набирающего всё большую силу процесса роста зависимости РК от китайских денег и технологий.

Негативные процессы, сказавшиеся на всех центральноазиатских экономиках, связанные с эпидемией коронавируса (2020–2022 гг.), создали новые возможности для китайского бизнеса. В процессе усиления внутренней экономики КНР открылись возможности перевода за рубеж относительно простых производств, не требующих высокой квалификации. В рамках этого подхода 56 проектов в рамках переноса излишних производственных мощностей в Казахстан были в большей мере реализованы (в основном проекты в машиностроительном секторе) [Бугаенко, 2022].

Тем не менее существенного влияния на попытки модернизации казахстанской экономики этот масштабный по региональным меркам проект пока не оказал. Ещё на этапе старта процесса переноса в 2017–2018 гг. независимые казахстанские политологи и экономисты выражали осторожный скепсис по поводу ожидаемых властями «технологических прорывов». Например, по мнению известного казахстанского политолога Марата Шибутова, у Пекина имеются сложившиеся приоритетные и неприоритетные сферы взаимодействия с Казахстаном. Уран, нефть, газ и некоторые металлы – важные для Китая товары, и по ним сотрудничество двух стран продолжится вне зависимости от мировой экономической конъюнктуры [Мазоренко, 2016].

Спустя несколько лет после данной оценки политолог стал оценивать ситуацию ещё более пессимистично. В интервью летом 2021 г. он указывает: «США продолжают усиливать давление на Россию и Китай, в том числе через Центральную Азию, где сталкиваются интересы всех трёх геополитических игроков. Но если наш северный сосед ещё может противостоять этому давлению благодаря своей мощной пропагандистской машине, то восточный явно сдаёт позиции. Это видно по резкому росту антикитайских протестов в регионе, особенно в Казахстане и Кыргызстане, и такие настроения в немалой степени подогреваются американской пропагандой». По мнению Шибутова, это ведёт к ухудшению казахстано-китайских отношений: «КНР сокращает экспорт в нашу страну, урезает инвестиции, не предлагает новых совместных проектов, на Хоргосе месяцами простаивают тысячи вагонов. Что это, как не прямые сигналы со стороны Пекина о завершении режима благоприятствования? Да и какой вообще смысл поддерживать того, кто настроен к тебе агрессивно? Причём тенденция к охлаждению отношений, скорее всего, продолжится. По крайней мере до тех пор, пока не снизится накал антикитайских настроений, хотя бы до уровня 2008–2009 годов»¹.

¹ Чем обернётся для Казахстана охлаждение отношений с Китаем? // <https://qmonitor.kz/politics/1904>, дата обращения: 23.03.2022.

В последнее время спад интереса КНР к реализации крупных экономических проектов в Казахстане отмечают в республике и провластные исследователи. Ведущий научный сотрудник Казахского института стратегических исследований при президенте РК Вячеслав Додонов полагает, что, хотя статистика присутствия китайского бизнеса в казахстанском ТЭК занижена, в целом китайская инвестиционная активность в Казахстане снижается. «Фиксируемый статистикой спад инвестиционного присутствия китайского капитала находит косвенное подтверждение в других индикаторах. Одним из таких являются доходы компаний нефтяного сектора, которые являются важным источником инвестиций посредством реинвестирования», — отмечал учёный в конце 2021 г. [Иванов, 2021].

По мнению В. Додонова, со времени объявления о начале реализации инициативы ОПОП товарооборот Казахстана с Китаем, даже по официальным данным, снизился — с 14 млрд долл. (2013 г.) до 12 млрд долл. (2018 г.). «Наш внешнеторговый оборот зависим от цен на нефть, составляющей 80 % экспорта. И это снижение идёт в русле общих трендов торговой ситуации в Казахстане. Не только объёмы, но и доля снижается — в основном за счёт экспорта, с 18 до 11,4 %... Несмотря на прогресс в реализации инициативы "Один пояс — один путь", мы видим не рост, а обратную тенденцию» [Панченко, 2019], — указывает эксперт. В основе казахстанского экспорта в КНР, составляющего более половины от товарооборота, — нефть, газ, металлы и зерновые. По оценкам казахстанской стороны, из Поднебесной за годы независимости РК поступили около 20 млрд из 330 млрд долл. всех прямых иностранных инвестиций, полученных страной. По различным экспертным оценкам, всего Пекин вложил в Казахстан от 50 млрд долл. [Панченко, 2019] до 80 млрд долл. [Малаев, 2016].

Заключение

Заметный рост антикитайских настроений части центральноазиатских обществ в 2018–2021 гг., совпавший в Казахстане с начавшимся весной 2019 г. процессом транзита высшей власти (шедшего до попытки вооружённого мятежа в январе 2022 г. без какого-либо понимания населением и элитами того, когда и в каких формах он завершится), а в Кыргызстане — с очередным переворотом в октябре 2020 г., колебания цен на мировых сырьевых рынках и общие для всех стран региона карантинные ограничения в связи с эпидемией *COVID-19*, нанёвшие тяжёлый удар по экономикам и социумам постсоветских азиатских республик, породили наблюдаемый до настоящего времени «эффект паузы» в процессе продвижения китайской мегаинициативы «Один пояс — один путь» в Центральной Азии.

Продолжающаяся пандемия *COVID-19*, кризис мировых логистических цепочек и начатая Западом против России экономическая война ставят мир на грань всеобъемлющего экономического кризиса.

Сами страны региона в разной мере, но проходят этап перестройки своих прежних стратегий партнёрства с КНР. «Взаимодействие с Китаем даст возможность странам Центральной Азии пережить кризис менее болезненно, а также открыть новую точку роста для экономики, но это потребует более выверенной политики в отношении восточного соседа», — отмечает казахстанский китаист Антон Бугаенко [Бугаенко, 2020].

В Казахстане, испытывающем максимальное воздействие извне для снижения уровня партнёрства с Пекином, указанный «эффект паузы» наблюдается наиболее отчётливо. Как представляется, этому прямо способствует максимальное для региона ЦА наличие в Казахстане инструментов воздействия на внутриполитическое пространство страны, много лет создаваемых странами Запада.

Основными из них являются:

— работа по интеграции политической и бизнес-элит в западное экономическое пространство;

— создание либерально-демократического поля («гражданского общества»).

По первому направлению работа в регионе может быть оценена как наиболее эффективная (в отличие от республик Средней Азии, сравнительно слабо интегрированных в мировую экономику). Создание «демократического поля» во всех республиках региона не дало ощутимого практического эффекта, но в информационно-психологической сфере Казахстана и, отчасти, Киргизии создало ситуацию доминирования западоцентричных подходов. Это, в свою очередь, привело к тому, что прозападный внешнеполитический дискурс стал для Казахстана мейнстримом, поставил власти, ранее пытавшиеся контролировать национал-патриотов и национал-либералов и управлять ими, в определённую зависимость от их антироссийской и антикитайской идеологии.

В противоположность в Узбекистане, во многом свободном от инфраструктуры влияния зарубежных конкурентов России и Китая в ЦА, наблюдается курс на всемерное расширение экономического сотрудничества с КНР и ЕАЭС. Три остальные республики региона находятся на разных промежуточных позициях между данными полюсами.

Оказывает влияние на текущее «притормаживание» прежних темпов продвижения экономического влияния на регион ЦА, как представляется, и коррекция Пекином ранее выбранной стратегии. Китайская инициатива ОПОП после 2013 г. постепенно превратилась в зонтичный проект, вбирающий в себя все проекты, связанные с Китаем, и более того — практически всю китайскую активность в Центрально-Азиатском регионе. Инициатива воспринимается в последние годы скорее как идея «продвижения» Китая на запад. Постепенно нарастание экономического и информационного противодействия коллективного Запада предлагаемым КНР в рамках мегаинициативы экономическим проектам вынуждает Пекин серьёзно рассматривать целесообразность прежней политики, считавшейся ранее безальтернативной. Кроме того, продолжается масштабный процесс реструктурирования ки-

тайской экономики, и ориентация на внутреннее потребление провозглашена КПК в качестве магистральной задачи предстоящих десятилетий.

В данной связи наблюдаемый на сегодня «выход на плато» экономического влияния КНР в Центральной Азии в кратко- и среднесрочной перспективе будет характеризоваться рядом особенностей. К ним относится все большее смещение экономических интересов Китая в регионе в сторону реализации промышленных проектов¹ и, в целом, укрепление и качественное усиление ранее достигнутых позиций в центральноазиатских экономиках.

В то же время главным приоритетом для руководства КНР остаётся обеспечение энергетической безопасности страны. Поэтому сохранится интерес к расширению доступа к зарубежным нефтегазовым месторождениям, в т. ч. центральноазиатским. В Туркмении ресурсная база, контролируемая китайским бизнесом, оценивается экспертами как в целом перспективная, но в Казахстане имеют место существенные проблемы. По мнению А. Бугаенко, «китайские инвестиции в нефтяную отрасль РК направляются в основном на скупку старых месторождений, стоимость добычи на которых является высокой. С одной стороны, это может поставить под вопрос рентабельность таких инвестиций, но, с другой, может послужить причиной повышения интереса китайских компаний к новым направлениям. Они вполне могут перехватить некоторые проекты, разрабатываемые западными компаниями» [Исабаева, 2021]. Одновременно логично ожидать того, что китайский бизнес будет усиливать активность и в других секторах, закрепляя полученные позиции на казахстанском, узбекском и туркменском рынках поставок нефтегазового оборудования и предоставления услуг в сфере ТЭК. Следует также ожидать переноса на центральноазиатскую почву отмечаемой экспертами тенденции резкого роста инвестиций китайских компаний в разведку УВ на территории Китая [Иванов, 2020].

Список литературы

Адясов И., 2015. Россия – Китай: анализ ошибок Центральной Азии // <http://ostkraft.ru/ru/articles/1709>, дата обращения 20.02.2022.

Бугаенко А., 2020. Последствия коронавирусного кризиса для инициативы «Пояс и Путь» в Центральной Азии // <https://cabar.asia/ru/posledstviya-koronavirusnogo-krizisa-dlya-initsiativy-poyas-i-put-v-tsentralnoj-azii/>, дата обращения 24.03.2022.

Акижанов С., 2014. Китай создал фонд реализации инициатив по развитию сухопутного и морского Шёлкового пути. Международное информационное агентство // <http://www.inform.kz/rus/article/2714209>, дата обращения 25.03.2022.

¹ Как и почему Китай помогает индустриализировать Центральную Азию // <https://www.saa-network.org/archives/22283>, дата обращения 26.03.2022.

Величко А., 2022. Айман Умарова: к январским событиям готовились минимум два года // <https://www.caravan.kz/gazeta/ajjman-umarova-k-yanvarskim-sobytiyam-gotovilis-minimum-dva-goda-827511/>, дата обращения 24.03.2022.

Виноградов А., 2017. Что такое проект «Один пояс, один путь» и каковы перспективы его «сопряжения» с ЕАЭС // <http://www.sonar2050.org/publications/chto-takoe-kitayskiy-proekt-odin-royas-odin-put-i-perspektivy-ego-sopryajeniya-s-rossijskim-proekt/>, дата обращения 23.01.2022.

Жанузаков А., 2018. Победят ли в Казахстане воинствующие уятмены — мнения экспертов // <https://365info.kz/2018/01/pobedyat-li-v-kazahstane-voinstvuyushhie-uyatmeny-mneniya-ekspertov>, дата обращения 23.03.2022.

Зотин А., 2017. Один пояс, много тупиков. Зачем Китаю нужен новый Шёлковый путь // <http://carnegie.ru/commentary/?fa=70057>, дата обращения 24.02.2022.

Иванов Р., 2021. Казахстану нужно пересматривать торговые энергетические отношения — эксперт. В числе прочих это касается и нефтегазовой сферы // <https://wfin.kz/publikatsii/stati/45166-kazahstanu-nuzhno-peresmatrivat-torgovye-energeticheskie-otnosheniya-ekspert.html>, дата обращения 22.03.2022.

Иванов Р., 2022. Чем грозит конец нефтяной эры Казахстану? Доля нефти в мировой энергетике снижается уже не первый год // <https://stanradar.com/news/full/41053-chem-grozit-konets-neftjanoj-ery-kazahstanu.html>, дата обращения 30.08.2020.

Исабаева С., 2021. Ущербная синофобия. Почему Казахстану не нужно бояться Китая? // <https://qmonitor.kz/politics/3040>, дата обращения 25.03.2022.

Капитонов С., Умаров Т., 2020. Трубы сгорят? Нужно ли Китаю больше газа из России и Центральной Азии // <https://carnegie.ru/commentary/83536>, дата обращения 26.03.2022.

Каукенов А., 2021. Экономика казахстанской синофобии // <https://ia-centr.ru/experts/adil-kaukenov/ekonomika-kazahstanskoj-sinofobii/>, дата обращения 25.03.2022.

Киселёва Т., 2019. Китайская экономика слабеет: есть ли риски для Казахстана и тенге? // <https://365info.kz/2019/01/kitajskaya-ekonomika-slabeet-est-li-riski-dlya-kazahstana-i-tenge-eksperty/>, дата обращения 20.03.2022.

Крек Н. 2022. Готовы ли Китай, Киргизия и Узбекистан начать строительство железной дороги? // <https://www.ritmearasia.org/news--2022-03-20--gotovy-li-kitaj-kirgizija-i-uzbekistan-nachat-stroitelstvo-zheleznoj-dorogi-59092>, дата обращения 27.03.2022.

Мазоренко Д., 2016. Сырьевая монотонность: Стоит ли ожидать бума в экономических отношениях Казахстана с Китаем? // <https://vlast.kz/jekonomika/15576-syreva-monotonnost-stoit-li-ozidat-buma-v-ekonomiceskih-otnoseniah-kazahstana-s-kitaem.html>, дата обращения 13.02.2022.

Малаев М., 2016. Пришёл, увидел, прикупил: Китай в странах СНГ // <https://www.kommersant.ru/doc/4112133>, дата обращения 18.02.2022.

Масаулов С., 2018. Националисты в политическом спектре Казахстана и Кыргызстана // <https://ia-centr.ru/experts/natsionalisty-v-politicheskom-spektre-kazahstana-i-kyrgyzstana/>, дата обращения 10.08.2021.

Муминов А., 2019. Станет ли Казахстан газовой державой? // <https://samonitor.kz/32618-stanet-li-kazahstan-gazovoy-derzhavoy.html>, дата обращения 17.02.2022.

Нива Я., 2020. Китайские инвестиции в Центральной Азии: гидроэнергетика // <https://russian.eurasianet.org/китайские-инвестиции-в-центральной-азии-гидро-энергетика>, дата обращения 21.03.2022.

Ованнисян А., 2019. Малаккская дилемма: актуальные вызовы и поиск решений // <https://orbeli.am/ru/post/241/2019-06-26/Малаккская+дилемма+%3A+актуальные+вызовы+и+поиск+решений>, дата обращения 20.03.2022.

Панченко Т., 2019. Казахстану бояться надо не Китая // https://forbes.kz/process/expertise/ekspertyi_boyatsya_nado_ne_kitaya_a_sobstvennoy_syirevoy_zavisimosti/, дата обращения 17.03.2022.

Пустовойтова Е., 2021. Происходящие сейчас в мире изменения – это не состязание цифр. Западный тупик и китайский выход // <https://www.fondsk.ru/news/2021/04/25/proishodjaschie-sejchas-v-mire-izmenenija-eto-ne-sostjazanie-cifr-53445.html>, дата обращения 28.12.2021.

Ризоев М., 2020. Чем так манит Китай... // <https://polit-asia.kz/chem-tak-manit-kitaj/>, дата обращения 18.02.2022.

Розов М., 2019. Антикитайские настроения в Казахстане. Версии и факты // <https://www.ritmeurasia.org/news--2019-09-15--antikitajskie-nastroenija-v-kazahstane.-versii-i-fakty-44863>, дата обращения 19.02.2022.

Саинов З., 2012. Китай наращивает свою значимость в Средней Азии // <http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/73316/>, дата обращения 13.11.2021.

Сатпаев Д., 2017. Что Китаю хорошо, то Казахстан должно насторожить // http://ratel.kz/outlook/chto_kitaju_horosho_to_kazahstan_dolzno_nastorozhit, дата обращения 12.03.2022.

Смирнов С., 2021. Кто пойдёт в Казахстане в разведку? Геологическую // <https://www.ritmeurasia.org/news--2021-10-04--kto-pojdet-v-kazahstane-v-razvedku-geologicheskiju-56705>, дата обращения 18.02.2022.

Тарасевич В., 2020. В Таджикистане завершают строительство тоннеля газопровода Туркменистан – КНР // <https://tj.sputniknews.ru/country/20200128/1030620577/tajikistan-tonnelj-gazoprovod-turkmenistan-china.html>, дата обращения 28.01.2020.

Умаров Т., 2021. Всякому друг. Смогут ли Россия и Китай вытеснить США из Казахстана // <https://carnegie.ru/commentary/84968>, дата обращения 18.08.2021.

Умаров Т., 2020. На пути к Pax Sinica: что несёт Центральной Азии экспансия Китая // <https://carnegie.ru/commentary/81265>, дата обращения 27.02.2022.

Шнирельман В., 2009. Символическое прошлое. Борьба за предков в Центральной Азии // <https://magazines.gorky.media/nz/2009/4/simvolicheskoe-proshloe-borba-za-predkov-v-czentralnoj-azii.html>, дата обращения 19.03.2022.

Hasanov H., 2019. China remains biggest importer of Turkmen gas // <https://en.trend.az/business/energy/3137277.html>, дата обращения 26.02.2022.

Hess M., 2020. Central Asia's Force Majeure Fears: Impact of COVID-19 Outbreak on China's Natural Gas Supply Demands // <https://www.fpri.org/article/2020/03/central-asias-force-majeure-fears-impact-of-covid-19-outbreak-on-chinas-natural-gas-supply-demands/>, дата обращения 27.03.2022.

Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев Университете // http://kz.china-embassy.org/rus/zhgx/201309/t20130916_1045309.htm, дата обращения 25.03.2022.

Третий пленум ЦК КПК 18-го созыва // <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/sbjszqjh/>, дата обращения 25.03.2022.

Китай подписал со странами вдоль «Пояса и пути» более 130 соглашений о сотрудничестве в транспортной области // <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0421/c31518-9205740.html>, дата обращения 25.03.2022.

Trade Map. По данным International Trade Center // https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%7c156%7c%7c795%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c1%7c1%7c2%7c1%7c1%7c1%7c1, дата обращения 25.03.2022.

Китайское присутствие в нефтянке Казахстана выше, чем показывает статистика – эксперт // <http://berlek-nkp.com/analytics/10316-kitayskoe-prisutstvie-v-neftyanke-kazahstana-vyshe-chem-pokazyvaet-statistika-ekspert.html>, дата обращения 25.03.2022.

Как и почему Китай помогает индустриализировать Центральную Азию // <https://www.caa-network.org/archives/22283>, дата обращения 26.03.2022.

Узбекистан хочет увеличить поставки газа в Китай и наладить его экспорт в Европу // <http://www.fergananews.com/news/26522>, дата обращения 25.03.2022.

О «затягивании» Казахстана в орбиту Китая // https://kz.expert.ru/materials/analitika/1034_o_zatyagivanii_kazahstana_v_orbitu_kitaya, дата обращения 22.03.2022.

Как и почему Китай помогает индустриализировать Центральную Азию // <https://www.caa-network.org/archives/22283>, дата обращения 26.03.2022.

Чем обернется для Казахстана охлаждение отношений с Китаем? // <https://qmonitor.kz/politics/1904>, дата обращения 23.03.2022.

Как и почему Китай помогает индустриализировать Центральную Азию // <https://www.caa-network.org/archives/22283>, дата обращения 26.03.2022.

Andrey V. GROZIN, Candidate of Historical Sciences, Head of Department of Central Asia and Kazakhstan of Institute of the CIS, Senior Researcher, Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences.

Address: 2/1 Melnikov Ave., Khimki, Moscow region, 141410, Russian Federation.

E-mail: andgrozin@yandex.ru

SPIN-code: 5621-8571

CHINA'S FOREIGN ECONOMIC POLICY IN CENTRAL ASIA: ACHIEVEMENTS AND CHALLENGES IN THE ENERGY SECTOR

DOI: 10.48137/26870703_2022_18_2_34

Received: 28.03.2022.

For citation: *Grozin A. V.*, 2022. China's Foreign Economic Policy in Central Asia: Achievements and Challenges in the Energy Sector. – *Geoeconomics of Energetics*. № 2 (18). P. 34–61. DOI: 10.48137/26870703_2021_18_2_34

Keywords: Keywords: "One Belt, One Road", China, Central Asia, Kazakhstan, sinophobia, economic cooperation, competition of interests.

Abstract

The author analyzes the history and current state of China's implementation of the "One Belt, One Road" initiative in Central Asia. The interim results of the initiative implementation are considered, first of all, in relation to the fuel and energy sectors of the post-Soviet Asian states. The article also studies the impact of a complex of problems and regional features that hinder the economic cooperation of Central Asian states with Chinese companies in the oil and gas and energy sectors on the implementation of the said initiative. A separate object of analysis was the content and impact of the growing negative public sentiment regarding cooperation with China in a number of countries in the region. The main prospects of economic cooperation between China and the Central Asian countries in the conditions of the observed rapid growth of global geopolitical and geoeconomic turbulence are also considered.

References

Adyasov I., 2015. Russia – China: an analysis of the mistakes of Central Asia // <http://ostkraft.ru/ru/articles/1709>, accessed 20.02.2022. (In Russ.)

Akizhanov S., 2014. China has created a fund for the implementation of initiatives for the development of the land and sea Silk Road. International News Agency // <http://www.inform.kz/rus/article/2714209>, accessed 25.03.2022. (In Russ.)

Bugayenko A., 2020. Consequences of the coronavirus crisis for the Belt and Road Initiative in Central Asia // <https://cabar.asia/ru/posledstviya-koronavirusnogo-krizisa-dlya-initsiativy-poyas-i-put-v-tsentralnoj-azii/>, accessed 03.24.2022. (In Russ.)

Velichko A., 2022. Ayman Umarova: we have been preparing for the January events for at least two years // <https://www.caravan.kz/gazeta/ajjman-umarova-k-yanvarskim-sobytiyam-gotovilis-minimum-dva-goda-827511/>, accessed 03.24.2022. (In Russ.)

Vinogradov A., 2017. What is the "One Belt, One Road" project and what are the prospects for its "pairing" with the EAEU // <http://www.sonar2050.org/publications/chto-takoe-kitayskiy-proekt-odin-poyas-odin-put-i-perspektivy-ego-sopryajeniya-s-rossiyskim-proekt/>, accessed 23.01.2022. (In Russ.)

Zhanuzakov A., 2018. Will militant uyatmen win in Kazakhstan – expert opinions // <https://365info.kz/2018/01/pobedyat-li-v-kazahstane-voinstvuyushhie-uyatmenymneniya-ekspertov>, accessed 23.03.2022. (In Russ.)

Zotin A., 2017. One belt, many dead ends. Why China needs a new Silk Road // <http://carnegie.ru/commentary/?fa=70057>, accessed 24.02.2022. (In Russ.)

Ivanov R., 2021. Kazakhstan needs to revise trade energy relations – expert. Among others, this also applies to the oil and gas sector // <https://wfin.kz/publikatsii/stati/45166-kazahstanu-nuzhno-peresmatrivat-torgovye-energeticheskie-otnosheniya-ekspert.html>, accessed 22.03.2022. (In Russ.)

Ivanov R., 2022. What threatens the end of the oil era for Kazakhstan? The share of oil in the global energy sector has been declining for several years // <https://stanradar.com/news/full/41053-chem-grozit-konets-neftjanoy-ery-kazahstanu.html>, accessed 30.08.2020. (In Russ.)

Isabaeva S., 2021. Flawed sinophobia. Why should Kazakhstan not be afraid of China? // <https://qmonitor.kz/politics/3040>, accessed 25.03.2022. (In Russ.)

Kapitonov S., Umarov T., 2020. Will the pipes burn? Does China need more gas from Russia and Central Asia // <https://carnegie.ru/commentary/83536>, accessed 26.03.2022. (In Russ.)

Kaukenov A., 2021. Economy of Kazakhstan sinophobia // <https://ia-centr.ru/experts/adil-kaukenov/ekonomika-kazahstanskoy-sinofobii/>, accessed 25.03.2022. (In Russ.)

Kiseleva T., 2019. The Chinese economy is weakening: are there risks for Kazakhstan and tenge? // <https://365info.kz/2019/01/kitajskaya-ekonomika-slabeet-est-li-riski-dlya-kazahstana-i-tenge-eksperty/>, accessed 20.03.2022. (In Russ.)

Krek N. 2022. Are China, Kyrgyzstan and Uzbekistan ready to start building a railway? // <https://www.ritmearasia.org/news--2022-03-20--gotovy-li-kitaj-kirgizija-i-uzbekistan-nachat-stroitelstvo-zheleznoj-dorogi-59092>, accessed 27.03.2022. (In Russ.)

Mazorenko D., 2016. Raw monotony: Should we expect a boom in Kazakhstan's economic relations with China? // <https://vlast.kz/jekonomika/15576-syrevaamonotonnost-stoit-li-ozidat-buma-v-ekonomiceskih-otnoseniah-kazahstana-s-kitaem.html>, accessed 13.02.2022. (In Russ.)

Malaev M., 2016. Came, saw, bought: China in the CIS countries // <https://www.kommersant.ru/doc/4112133>, accessed 18.02.2022. (In Russ.)

Masaulov S., 2018. Nationalists in the political spectrum of Kazakhstan and Kyrgyzstan // <https://ia-centr.ru/experts/natsionalisty-v-politicheskom-spektre-kazahstana-i-kyrgyzstana/>, accessed 10.08.2021. (In Russ.)

Muminov A., 2019. Will Kazakhstan become a gas power? // <https://camonitor.kz/32618-stanet-li-kazahstan-gazovoy-derzhavoy.html>, accessed 17.02.2022. (In Russ.)

Niva Ya., 2020. Chinese investments in Central Asia: hydropower // <https://russian.eurasianet.org/китайские-инвестиции-в-центральной-азии-гидроэнергетика>, accessed 03.21.2022. (In Russ.)

Hovhannisyan A., 2019. The Malacca dilemma: current challenges and the search for solutions // <https://orbeli.am/ru/post/241/2019-06-26/Малаккская+dilemma+%3A+current+challenges+and+search+solutions>, accessed 20.03.2022. (In Russ.)

Panchenko T., 2019. Kazakhstan should not be afraid of China // https://forbes.kz/process/expertise/ekspertyi_boyatsya_nado_ne_kitaya_a_sobstvennoy_syirevoy_zavisimosti/, accessed 17.03.2022. (In Russ.)

Pustovoitova E., 2021. The changes taking place in the world now are not a contest of numbers. Western dead end and Chinese exit // <https://www.fondsk.ru/news/2021/04/25/proishodjaschie-sejchas-v-mire-izmenenija-eto-ne-sostjazanie-cifr-53445.html>, accessed 17.03.2022. (In Russ.)

Rizoev M., 2020. What attracts China so much... // <https://polit-asia.kz/chem-tak-manit-kitaj/>, accessed 18.02.2022. (In Russ.)

Rozov M., 2019. Anti-Chinese sentiment in Kazakhstan. Versions and facts // <https://www.ritmeurasia.org/news--2019-09-15--antikitajskie-nastroenija-v-kazahstane.-versii-i-fakty-44863>, accessed 19.02.2022. (In Russ.)

Saipov Z., 2012. China is increasing its importance in Central Asia // <http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/73316/>, accessed 13.11.2021. (In Russ.)

Satpayev D., 2017. What is good for China, Kazakhstan should be alerted // http://ratel.kz/outlook/chto_kitaju_horosho_to_kazahstan_dolzno_nastorozhit, accessed 12.03.2022. (In Russ.)

Smirnov S., 2021. Who will go into exploration in Kazakhstan? Geological // <https://www.ritmeurasia.org/news--2021-10-04--kto-pojdet-v-kazahstane-v-razvedku-geologicheskiju-56705>, accessed 18.02.2022. (In Russ.)

Tarasevich V., 2020. Construction of Turkmenistan – China gas pipeline tunnel is being completed in Tajikistan // <https://tj.sputniknews.ru/country/20200128/1030620577/tajikistan-tonnelj-gazoprovod-turkmenistan-china.html>, accessed 28.01.2020. (In Russ.)

Umarov T., 2021. Everyone's friend. Will Russia and China be able to oust the USA from Kazakhstan // <https://carnegie.ru/commentary/84968>, accessed 18.08.2021. (In Russ.)

Umarov T., 2020. On the way to Pax Sinica: what China's Expansion brings to Central Asia // <https://carnegie.ru/commentary/81265>, accessed 27.02.2022. (In Russ.)

Shnirelman V., 2009. The symbolic past. The struggle for ancestors in Central Asia // <https://magazines.gorky.media/nz/2009/4/simvolicheskoe-proshloe-borba-za-predkov-v-czentralnoj-azii.html>, accessed 19.03.2022. (In Russ.)

Hasanov H., 2019. China remains biggest importer of Turkmen gas // <https://en.trend.az/business/energy/3137277.html>, accessed 26.02.2022. (In Russ.)

Hess M., 2020. Central Asia's Force Majeure Fears: Impact of COVID-19 Outbreak on China's Natural Gas Supply Demands // <https://www.fpri.org/article/2020/03/central-asias-force-majeure-fears-impact-of-covid-19-outbreak-on-chinas-natural-gas-supply-demands/>, accessed 27.03.2022. (In Russ.)

Speech by Chinese President Xi Jinping at Nazarbayev University // http://kz.china-embassy.org/rus/zhgx/201309/t20130916_1045309.htm, accessed 25.03.2022. (In Russ.)

The third Plenum of the CPC Central Committee of the 18th convocation // <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/sbjzsqh/>, accessed 25.03.2022. (In Russ.)

China has signed more than 130 agreements on cooperation in the transport field with countries along the Belt and Road // <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0421/c31518-9205740.html>, accessed 25.03.2022. (In Russ.)

Trade Map. According to the International Trade Center // https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1%, accessed 25.03.2022. (In Eng.)

Chinese presence in Kazakhstan's oil industry is higher than statistics show – expert // <http://berlek-nkp.com/analitika/10316-kitayskoe-prisutstvie-v-neftyanke-kazahstana-vyshe-chem-pokazyvaet-statistika-ekspert.html>, accessed 25.03.2022. (In Russ.)

How and why China helps to industrialize Central Asia // <https://www.caa-network.org/archives/22283>, accessed 26.03.2022. (In Russ.)

Uzbekistan wants to increase gas supplies to China and to establish its export to Europe // <http://www.fergananews.com/news/26522>, accessed 25.03.2022. (In Russ.)

About the "tightening" of Kazakhstan into the orbit of China // https://kz.expert.ru/materials/analitika/1034_o_zatyagivanii_kazahstana_v_orbitu_kitaya, accessed 22.03.2022. (In Russ.)

How and why China is helping to industrialize Central Asia // <https://www.caa-network.org/archives/22283>, accessed 26.03.2022. (In Russ.)

What will the cooling of relations with China mean for Kazakhstan? // <https://qmonitor.kz/politics/1904>, accessed 23.03.2022. (In Russ.)

How and why China is helping to industrialize Central Asia // <https://www.caa-network.org/archives/22283>, accessed 26.03.2022. (In Russ.)

Дарья ХАРИТОНОВА

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА МОНГОЛИИ И ЕЁ СОТРУДНИЧЕСТВО С РОССИЕЙ

Дата поступления в редакцию: 19.05.2022

Для цитирования: Харитонова Д. В., 2022. Энергетическая политика Монголии и её сотрудничество с Россией. – Геоэкономика энергетики. № 2 (18). С. 62–79. DOI: 10.48137/26870703_2022_18_2_62

Обладая природными богатствами, Монголия остро нуждается в энергетических ресурсах, в том числе в трубопроводных поставках природного газа. На последних президентских выборах девизом избирательной кампании кандидата от Монгольской народной партии У. Хурэлсуха стал лозунг «Монголия – хозяйка своего богатства». Избранный президент с помощью программы «Видение-2050» намерен дать толчок развитию инфраструктуры (строительство и модернизация железных дорог на востоке и западе страны) и автомобильных дорог для развития промышленного производства. Всё это должно способствовать превращению Монголии в перспективе из государства – экспортёра сырьевых ресурсов (преимущественно горнодобывающая отрасль) в экспортёра готовой промышленной продукции. В статье автор сосредоточил своё внимание на внутривнутриполитической ситуации в республике, изменениях в Конституции и экономической ситуации в период пандемии новой коронавирусной инфекции *COVID-19*. По данным авторитетной монгольской общественной организации «Сант Марал», на апрель 2021 г. экономическую ситуацию в стране большинство (от 38 до 45 %) респондентов из Улан-Батора, других аймаков (административные единицы первого уровня) и жителей сельской местности оценивали как неудовлетворительную.

В данной ситуации, отмечает эксперт, новое руководство Монголии сосредоточено на выведении страны из экономической стагнации при участии об-

ХАРИТОНОВА Дарья Викторовна, заместитель заведующего отделом евразийской интеграции и развития ШОС Института стран СНГ. **Адрес:** Российская Федерация, г. Москва, 119180, ул. Большая Полянка, 7/10, стр. 3. **E-mail:** dariahar09@gmail.com. **SPIN-код:** 7555-4681.

Ключевые слова: МГП «Сила Сибири – 2», МГП «Союз Восток», энергетическое сотрудничество, Монголия, Россия, Китай, энергетическая политика, новая коронавирусная инфекция *COVID-19*.

новлённой политической команды (в июне 2021 г. президентом стал У. Хурэлсух от Монгольской народной партии) и развитии экономического потенциала при реализации крупных индустриальных и инфраструктурных проектов. Для энергетического обеспечения промышленности и дальнейшего экономического развития в 2020 г. началась совместная российско-монгольская работа по обоснованию строительства магистрального газопровода «Сила Сибири – 2» и «Союз Восток», который обеспечит поставки природного газа в Китай через территорию Монголии. Таким образом Монголия будет не только страной транзита природного газа, но и сможет при соответствующей политической поддержке со стороны государства с пользой обеспечить своё национальное благосостояние и социально-экономическое развитие населения.

Внутриполитическая ситуация и экономическое развитие Монголии в условиях пандемии COVID-19

В июне 2021 г. в Монголии прошли очередные президентские выборы. Победу одержал бывший премьер-министр У. Хурэлсух, который баллотировался от Монгольской народной партии (МНП). Таким образом, Монгольская народная партия сменила Демократическую партию Монголии (ДПМ), деятельность которой осуществлялась 12 лет с 2009 г. после «революции юрт» в 2008 г. Этому способствовало несколько факторов.

Во-первых, в ДПМ перед выборами наметился внутривнутрипартийный раскол, что лишило её существенной электоральной поддержки.

Во-вторых, по мнению экспертов, между МНП и Монгольской народно-революционной партией (МНРП)* было заключено соглашение о невыдвижении кандидата от МНРП С. Ганбатора, который на предыдущих президентских выборах в 2017 г. набрал 30 % голосов избирателей [Жаргалсайхан, 2021а], что позволило обеспечить победу кандидата от МНП.

Третьим и существенным фактором, по мнению экспертов, стало задействование административного ресурса со стороны МНП. В своей предвыборной кампании она использовала технологию подкупа избирателей в форме «Медали в честь столетия Народной партии», которую сопровождает денежная премия в 100–200 тыс. тугриков. Было награждено почти всё взрослое население. К этой работе активно привлекались работники аймачных, сомонных и районных администраций. В предвыборной кампании кандидата от МНП были задействованы депутаты Великого государственного хурала (ВГХ) от 62 округов, а также министры, главы ведомств, работники государственных компаний и государственных предприятий. МНП также использовала риторику социального популизма, рассчитывая на голоса слоёв населения с низким уровнем дохода.

* Необходимо заметить, что Монгольская народная партия отделилась от Монгольской народно-революционной партии в 2010 г. из-за внутрипартийных разногласий.

Необходимо отметить, что выборы проходили в условиях пандемии *COVID-19*, которая не создала условия для публичных теледебатов кандидатов. Агитационная кампания была также сокращена до 14 дней. В итоге победу одержал кандидат от МНП У. Хурэлсух, с девизом «Монголия — хозяйка своего богатства» он набрал 68 % голосов избирателей [Мамедова, 2021]. Это позволило одной партии сконцентрировать в своих руках всю политическую власть со времён Народной революции (1921 г.). Отметим, что в ноябре 2019 г. в Конституцию Монголии впервые были внесены дополнения и изменения. Так, срок полномочий главы государства составлял четыре года, теперь он увеличен до шести лет. Это позволяет правящей партии власти приступить к реализации стратегии по развитию экономики «Видение-2050»*.

Необходимость разработки новой экономической стратегии была обоснована тем, что в последние восемь лет ВВП Монголии на душу населения не превышает 4,5 тыс. долл. В 2013 г. он составлял 4501 тыс. долл.; в 2020 г. — 4127 тыс. долл., по данным Национального комитета статистики [Национальный комитет..., 2020]. Это значит, что экономическое положение населения с каждым годом ухудшается. Для выведения экономики из застоя в период пандемии премьер-министр Лувсаннамсрайн Оюун-Эрдэнэ сформировал национальный комитет, целью которого является поддержка импортозамещающего производства и привлечение инвестиций от частных инвесторов [Жаргалсайхан, 2021b].

По данным социологического опроса фонда «Сант Марал», на апрель 2021 г. экономическую ситуацию в стране большинство (от 38 до 45 %) респондентов из Улан-Батора, других аймаков и жителей сельской местности оценивали как плохую [Polibarometer..., 2021]. Особенно много негативных оценок респондентов были в столице и других аймаках, тогда как на сельских территориях этот показатель был существенно ниже, во многом благодаря самообеспеченности (натуральным хозяйством) и автономности (удалённости от центра). Ожидания населения концентрировались на незначительном улучшении жизни населения в среднесрочной перспективе в течение пять лет. Таким образом, новое правительство предложило национальную программу развития экономики и улучшения жизни населения.

Согласно долгосрочной программе «Видение-2050» монгольская экономика последующие десятилетия преобразует свою структуру. Главной целью правительства является переход от экономики потребления и добычи к экономике производителей и экспортёров. Страна сосредотачивается на

* «Видение-2050» — это монгольская модель развития (долгосрочная программа развития экономики до 2050 г.), основанная на истории Монгольской империи, кочевой цивилизации и уникальных национальных особенностях в сочетании с передовыми концепциями мирового развития.

развитии внутреннего производства и выходе на мировой рынок с конечной продукцией для потребителей, начиная с продукции сельского хозяйства и заканчивая высокотехнологичным производством. Предполагается, что правительство наряду с частными компаниями и иностранными инвесторами в первую очередь будут развивать предприятия по выпуску продукции с добавленной стоимостью, особенно медного концентрата, коксующегося угля, железной руды, золота и серебра.

Согласно программе Монголия будет разделена на экономические зоны. Так, Гобийский регион (пустыня Гоби на границе с Китаем) объявлен зоной горнодобывающей и тяжёлой промышленности. Регионы Сэлэнгэ и Дархан-Уул с плодородными почвами станут сельскохозяйственной и земледельческой зоной, а западные регионы – зоной энергетики. Земли дикой природы и историко-культурные районы – зонами природного и исторического туризма. Прогнозируется, что нынешний уровень ВВП на душу населения превысит 12 054 долл. в 2030 г. и 38 359 долл. в 2050 г. [Чуриков, 2021].

Первым этапом реализации долгосрочной стратегии «Видение-2050» стало принятие ВГХ в этом году правительственной программы «Политика возрождения»¹, в которой перечислены меры по выводу экономики из кризиса. Новая политика восстановления направлена на укрепление экономической независимости и самодостаточности Монголии. Среднегодовой экономический рост достигнет 6 %, а производство на душу населения увеличится в три раза. Ожидается, что уровень занятости увеличится на 65 процентов, а доля представителей среднего класса и выше возрастёт с 13 до 85 %².

Кроме того, долгосрочная программа «Видение-2050» предполагает превращение Монголии в транзитное государство с созданием развитой инфраструктуры для обеспечения логистики от предприятий и месторождений к потребителям за рубежом. Для этого предполагается в перспективе создать западную и восточную железнодорожные вертикали, связывающие Россию и Китай. На востоке она свяжет российский Дальний Восток, Забайкалье с северо-востоком Китая. В этих китайских регионах расположено много промышленных объектов. На западе она свяжет железную дорогу Кызыл – Курагино через монгольские западные регионы с китайским Синьцзян-Уйгурским автономным районом (СУАР)³.

¹ Президент Монголии выразил обеспокоенность экономической ситуацией в стране // <https://gossaprimavera.ru/news/e2e31e85>, дата обращения 06.04.2022.

² Проект резолюции о принятии новой политики возрождения будет представлен в парламент // <http://www.mongolnow.com/proekt-rezolyutsii-o-prinyatii-novoj-politiki-vozrozhdeniya-budet-predstavlen-v-parlament/>, дата обращения 13.04.2022.

³ Президент Монголии: готовы связать коридором Россию и Китай // <https://tass.ru/interviews/12788097>, дата обращения 13.04.2022.

Необходимо отметить, что для обеспечения больших поставок каменного угля (до 50 млн т в год и более) с монгольского месторождения Таван-Толгой в Китай в настоящее время идёт строительство новой железнодорожной ветки по маршруту Таван-Толгой – Зуунбаян протяжённостью около 400 км и электростанции [Таран, 2021], которая свяжет месторождение каменного угля на юге Монголии с центральным железнодорожным коридором страны. Завершение работ ожидается в 2022 г. Кроме того, власти ищут возможность аренды портовых зон в России.

Энергетическая политика Монголии и перспективы её развития в условиях пандемии COVID-19

Энергетическая политика Монголии

Энергетические ресурсы Монголии сосредоточены в основном на крупнейших мировых запасах каменного угля (регион пустыни Гоби), возобновляемой энергетике, небольших запасах нефти и трудноизвлекаемого природного газа, расположенного на юго-востоке (Восточно-Гобийский бассейн) и в восточной части страны (в бассейне реки Тамцаг). Энергетическая стратегия Монголии до последнего времени сосредотачивала своё внимание на возобновляемых источниках энергии, включая ветровую, солнечную и гидроэнергетику (в северных аймаках, р. Селенга), что позволило бы превратить государство в перспективе в нетто-экспортёра электроэнергии.

Необходимо отметить, что 90 % всего внутреннего энергопотребления Монголии приходится на уголь, а оставшиеся 10 % – на ветрогенераторы и солнечную энергию. Таким образом, основу систем энергоснабжения крупных городов страны составляют угольные генераторы тепловой и электрической энергии (ТЭЦ) [Газификация Монголии..., 2020]. При этом около четверти городского населения живёт в традиционных монгольских юртах, которые оборудованы печами на твёрдом топливе. Заметим, что с 2008 по 2012 г. в стране были сильные заморозки и некоторое количество населения (проживающих в юртах) переселилось из других аймаков в окрестности столицы. Всё это создало высокий уровень загрязнения воздуха и остро поставило вопрос о переходе систем энергоснабжения г. Улан-Батора с твёрдого топлива на более экологичные источники энергии, например на природный газ, а транспорта – на газомоторное топливо и электропривод.

Кроме того, значимыми потребителями природного газа в Монголии могут стать мобильное жильё скотоводов, магистральный железнодорожный и автомобильный транспорт. Использование природного газа может помочь решить проблему прерывистости, которая характерна для возобновляемой энергетике, а также обеспечить устойчивость работы электроэнергетиче-

ской системы в условиях преобладания в её составе угольных ТЭЦ и крупных блоков на угольных ТЭС [Газификация Монголии..., 2020].

К внешним экономическим факторам по переходу Монголии на природный газ относится, во-первых, то, что увеличивается с каждым годом спрос на природный газ в Китае. Второй фактор заключается в развитии месторождений в Западной и Восточной Сибири (Россия) и поставках природного газа в Китай с учётом выгодного геостратегического и транзитного положения Монголии относительно них. По оценкам экспертов, максимальная потребность в природном газе Монголии к 2025–2030 гг. может достигать около 3 млрд куб. м в год, а по другим оценкам – около 2 млрд куб. м в год. По другим данным, уже при поставках 0,7–1 млрд куб. м произойдёт заметное улучшение качества воздуха.

К внешнеполитическому фактору можно отнести то, что на саммите ШОС в 2016 г. была подписана Программа создания экономического коридора Монголия – Россия – Китай. В неё включены 32 крупных проекта, включая проект модернизации центрального железнодорожного коридора, а также энергетические и инфраструктурные проекты [Эхтайван, 2020]. Это позволит значительно улучшить потенциал развития Монголии в торгово-экономическом, инфраструктурном, туристическом и гуманитарном плане. Необходимо заметить, что во внешней политике у Монголии есть свои приоритеты по стратегическому партнёрству [Монголия стремится..., 2019].

Главным образом государство ориентируется на Россию и Китай как двух значимых территориальных соседей и Японию, с которой Монголия тесно связана социально-экономическими связями на протяжении 50 лет*. Внешнеполитическую ориентированность и интенсификацию социально-экономических отношений с Россией подтверждают данные социологического опроса некоммерческой организации «Сант Марал». По её данным, Россия воспроизводит позитивный имидж среди местного населения, в отличие от других стран. Во многом это обусловлено историческими предпосылками (например, военная победа советско-монгольской армии у р. Халхин-Гол против японских войск в 1939 г. и экономическая помощь Монголии на протяжении существования СССР).

Энергетические проекты Монголии в условиях пандемии COVID-19

Монголия, как было сказано выше, остро нуждается в экологичном топливе и для скорейшего перехода на природный газ готова к диверсификации поставок. Тем не менее страна географически ограничена двумя государствами – Россией и Китаем, а магистральный трубопроводный газ может поступать только из России. Тогда как Китай с 2018 г. уже постав-

* С 1972 г. Япония осуществляет инвестиционную проектную деятельность в Монголии.

ляет Монголии сжиженный природный газ (СПГ). Отметим, что почти 20 % мощностей по производству СПГ Китая расположены в граничащем с Монголией автономном районе Внутренняя Монголия [Газификация Монголии..., 2020]. Россия в лице ПАО «Газпром» начала поставки СПГ в Монголию в 2019 г.

По мнению экспертов, низкая средняя плотность населения Монголии и наличие многочисленных изолированных и мобильных потребителей приводят к необходимости её газификации на основе создания автономных газоснабжающих систем на основе технологий СПГ. На уровне аймаков распределительные СПГ-системы будут обеспечивать коммунально-бытовых и промышленных потребителей в населённых пунктах, а также потребности транспорта и мелких мобильных бытовых потребителей – скотоводов. Таким образом, даже в случае газификации страны на основе строительства ответвлений в Улан-Батор от магистральных газопроводов в Монголии потребуются создание развитой инфраструктуры СПГ [Газификация Монголии..., 2020].

Российско-монгольское энергетическое сотрудничество

В ходе официального визита президента России В. Путина в Монголию 3 сентября 2019 г. между странами было заключён Договор о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнёрстве. Реализация договора будет способствовать социально-экономическому развитию Монголии при реализации совместных инфраструктурных (модернизация Улан-Баторской железной дороги, строительство автодорог и автомагистралей (Иркутск – Улан-Удэ – Улан-Батор, Внутренняя Монголия, Пекин – Тяньцзинь)) и энергетических проектов (строительство второй ветки магистрального газопровода (МГП) «Сила Сибири – 2», строительство гидроэлектростанций (ГЭС) и развитие возобновляемых источников энергии (солнечной и ветряной)) (рис. 1). Необходимо заметить, что помимо договора действует Среднесрочная программа действий по развитию межрегионального сотрудничества на 2021–2025 гг. в сфере привлечения инвестиций, сельского хозяйства, охраны природы, образования, туризма и т. д. [Дунаевский, 2021].

По мере экономического роста монгольская экономика будет существенно нуждаться в дешёвой электроэнергии, обладая большими природными возможностями для возведения ГЭС. Необходимо заметить, что в данный момент проекты по строительству ГЭС не реализуются российской стороной, так как условием монгольских властей было строительство крупных гидроэлектростанций на истоках рек, которые впадают в российское озеро Байкал [Акулов, 2022]. Если бы Улан-Батор нашёл инвестиции на возведение ГЭС, это бы привело к экологической катастрофе не только для озера

Байкал, но и для реки Ангары. В данный момент совместно с российскими компаниями реализуются только проекты по увеличению и модернизации существующих ТЭЦ [Дунаевский, 2021]. В 2017–2018 гг. Россия и Монголия провели серию переговоров, связанных с поставками электроэнергии из России в Монголию в обмен на отказ Монголии от строительства ГЭС на р. Селенга, однако монгольская сторона не приняла данное предложение [Алифирова, 2022].

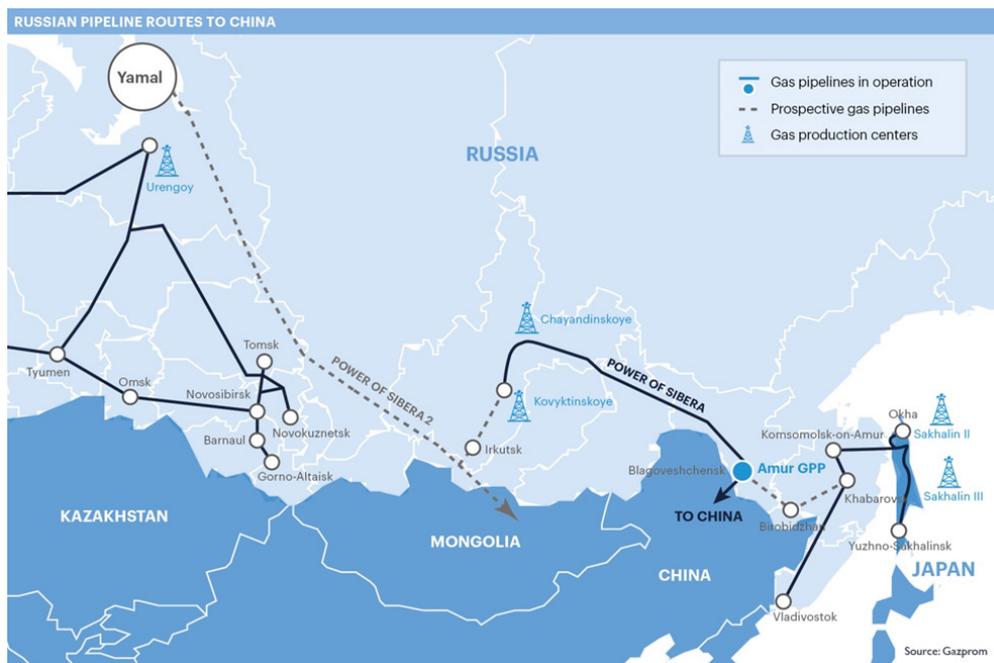

Рис. 1. Магистральный газопровод «Сила Сибири – 2» и магистральный газопровод «Союз Восток»

Источник: ПАО «Газпром»

С учётом недостающей электроэнергии из России монгольская сторона подняла вопрос о строительстве второй ветки МГП – западного маршрута (новый маршрут МГП «Алтай») в Китай по своей территории. Данный вопрос обсуждался на саммитах ШОС 2018–2019 гг., а также на Восточном экономическом форуме в сентябре 2019 года. После официального визита в Монголию президент России В. Путин дал поручение ПАО «Газпром» изучить возможность использования ресурсов Иркутской области, Красноярского края, а также полуострова Ямал для поставок в Китай через Монголию [Газификация Монголии..., 2020]. Это позволит поставлять газ в густонаселённые провинции северо-востока Китая.

Уже в декабре 2019 г. ПАО «Газпром» и правительство Монголии подписали меморандум о взаимопонимании, предполагающий проведение совместной оценки возможности реализации проекта трубопроводных поставок газа из России в Китай через территорию Монголии [Wishnick, 2020].

В январе–феврале 2020 г. ПАО «Газпром» провёл предварительный технико-экономический анализ (ТЭА), который дал положительное заключение о целесообразности и экономической эффективности реализации данного проекта. Далее МГП «Сила Сибири – 2» перешёл к предынвестиционной стадии, а именно разработке технико-экономического обоснования (ТЭО) и началу проектно-изыскательских работ (ПИР). В августе 2020 года в рамках существующих договорённостей между сторонами в Монголии была зарегистрирована компания *специального назначения Special Purpose Vehicle (SPV)*, а в январе 2021 г. новая компания «Газопровод «Союз Восток»», начавшая подготовку к реализации проекта, в том числе ПИР и ТЭО.

В апреле 2021 г. с российской стороны (ПАО «Газпром») был утверждён ТЭА проекта, в его рамках проработаны основные технико-технологические параметры транзитного газопровода: определён оптимальный маршрут прохождения трассы газопровода по территории Монголии, его протяжённость, диаметр, рабочее давление, количество компрессорных станций. До конца года монгольская сторона провела ТЭО со своей стороны.

В январе 2022 г. ТЭО проекта МГП «Союз Восток» было завершено и стороны приступили к стадии проектирования (проведение инженерных изысканий и проектирование объектов магистрали 2022–2023 гг.). Протяжённость трассы по территории Монголии – 962,9 км, диаметр труб – 1400 мм. Общий суммарный объём поставок – до 50 млрд куб. м в год. Предполагается, что строительство МГП «Сила Сибири – 2» начнётся в 2024 г. и завершится к 2027–2028 гг., тогда как уровень потребления газа в Китае достигнет 550 млрд куб. м.

МГП «Сила Сибири – 2» пройдёт по территории Иркутской области (с севера на юг через г. Зима и Саянск, г. Черемхово), Республики Бурятия (территория Тункинского района Бурятии – Тункинская долина – до границы с Монголией и, не переходя границу, повернёт и пойдёт через Кяхтинский и Закаменский районы Бурятии снова к российско-монгольской границе и пересечение границы в районе г. Кяхта). Ресурсной базой МГП «Сила Сибири – 2» и «Союз Восток» станут Ковыктинское месторождение, другие участки в Иркутской области, ресурсы Красноярского края. В перспективе ресурсы полуострова Ямал и Надым-Пур-Тазовского региона Ямало-Ненецкого автономного округа, которые позволят объединить западную и восточную газотранспортные системы России.

Реализации данного проекта будут способствовать несколько факторов. Политический фактор заключается в общих геостратегических интересах России, Монголии и Китая как на мировой арене в противостоянии России

и Китая с одной стороны и Запада с другой, так и на евразийском пространстве, где географические особенности Монголии открывают перспективы строительства инфраструктурных проектов для укрепления геоэкономических евразийских связей между государствами по оси север – юг. Экономический фактор заключается в наличии надёжной транзитной страны Монголии для поставок на огромный газовый рынок Китая.

Стоит отметить, что ПАО «Газпром» и китайская *CNPC* до настоящего времени согласовывают условия долгосрочных поставок по данному проекту ввиду больших заявленных объёмов транзита газа*. Экологический фактор заключается в прохождении МГП «Сила Сибири – 2» по территории Тункинского национального парка. По мнению части экспертов, прокладка МГП приведёт к выбросам метана, что скажется на качестве воздуха и биоразнообразии окружающей среды. Настораживает и тот факт, что Байкальская горная область расположена в сейсмически активной зоне, где землетрясения могут достигать до 8–10 баллов [Газпром предварительно определил..., 2022].

Китайско-монгольское энергетическое сотрудничество

Китайская Народная Республика наряду с Российской Федерацией является важнейшим стратегическим партнёром и ключевым экономическим партнёром Монголии. Стоит отметить, что практически все полезные ископаемые (уголь (месторождение Таван-Толгой), медь (Оюу Толгой), молибден и железная руда) идут на экспорт в Поднебесную. Монгольский экономический проект «Путь развития» напрямую увязывается с китайским глобальным экономическим проектом «Один пояс – один путь». Необходимо заметить, что за последние два года Монголия увеличила экспорт угля в КНР, отреагировав на запрет Пекином экспорта угля из Австралии**. Ежегодные поставки угля из Австралии оценивались в 70 млн т при 320 млн т ежегодного импорта. В 2021 г. Монголия в среднем поставляла чуть больше 2 млн т угля в месяц, преимущественно грузовым транспортом [Таран, 2021]. В 2018 г. поставки достигали 34 млн т в год. Для существенного увеличения поставок на китайский энергетический рынок требуется создание инфраструктуры. В настоящее время идёт строительство железной дороги [Намжилова, 2020] и нового высокотехнологичного завода по переработке угля. С учётом данных процессов Монголия могла бы полностью заменить Австралию в течение пяти лет.

* Однако 4 февраля 2022 г. между ПАО «Газпром» и китайской *CNPC* был подписан долгосрочный контракт на поставку в Китай 10 млрд куб. м газа с Дальнего Востока («Сила Сибири – 3»).

** Это произошло после требования Австралии вслед за Вашингтоном о независимом расследовании происхождения коронавируса. Китай расценил этот шаг как nepозволительное вмешательство в его дела и ввёл запрет на экспорт угля и меди.

С другой стороны, для экономического развития западных территорий Монголии китайская энергетическая строительная корпорация (*Power China*) совместно с компанией *Power China Chengdu Engineering Corp Ltd.* в ближайшие пять лет построит ГЭС «Эрдэнэбурен» на реке Ховд в Эрдэнэбурен-соум Ховдского аймака мощностью 90 МВт за счёт льготного кредита от правительства Китая. ГЭС считается важной для обеспечения долгосрочных поставок энергии в Западную Монголию и создания основы для развития возобновляемых источников энергии в регионе¹.

Энергетическое сотрудничество с Западом

Энергетическое сотрудничество Монголии с западными компаниями представлено в основном австралийско-британским концерном *Rio Tinto*, который осуществляет совместно с государством добычу меди с месторождения Оюу-Толгой, которую затем экспортирует в Китай. В конце 2012 г. корпорация *Rio Tinto*, владеющая 66 % акций совместной компании *Turquoise Hill Resources* (монг. «Эрдэнэс Оюу Толгой»), завершила строительство горно-обогатительного предприятия на этом месторождении. В середине 2013 г. первая партия продукции, 576 т медного концентрата, была экспортирована в Китай, что фактически означало завершение первой очереди строительства. К концу 2013 г. на предприятии было произведено более 250 тыс. т медного концентрата. Решение демократического правительства Монголии о пересмотре некоторых положений инвестиционного соглашения, заключённого в 2009 г., поставило «Эрдэнэс Оюу Толгой» в сложное положение [Грайворонский, 2014]. И только в начале 2022 г. *Rio Tinto* и новое правительство Монголии заявили, что достигли соглашения о прекращении давнего спора по проекту расширения медно-золотодобывающей компании «Эрдэнэс Оюу Толгой».

В рамках сделки *Turquoise Hill Resources* откажется от долга в размере 2,4 млрд долл. Кроме того, в ближайшее время начнутся работы на руднике Эрдэнэс Оюу Толгой, а первая добыча ожидается в первой половине 2023 г. *Rio Tinto* также взяла на себя обязательство покупать электроэнергию у монгольской энергосистемы, как только она сможет обеспечить поставки. Тем временем правительство Монголии продлило соглашение об импорте электроэнергии из Китая до 2023 г. Отметим, что первоначальное соглашение 2009 г. по проекту добычи полезных ископаемых предусматривало строительство новой электростанции, работающей на угле, для подачи электроэнергии. Обновлённая сделка не включает в себя эту установку, вместо этого *Rio Tinto* стремится использовать энергию ветра [*Rio Tinto and Mongolia settle feud...*, 2022].

¹ Китай построит на реке Ховд в Западной Монголии ГЭС // <https://regnum.ru/news/economy/3375147.html>, дата обращения 27.04.2022.

Помимо *Rio Tinto* в Монголии работают канадские добывающие компании *Battery Metals Royalties* и *Silver Elephant*, которая до недавнего времени владела и управляла угольными шахтами Улаан-Овоо и Чандгана через дочерние компании *Mega Coal*¹. После заключения сделки за 6,3 млн долл. *Battery Metals Royalties* пересмотрит условия соглашения о чистом лицензионном платеже от 25 августа 2021 г. с поправками между *Mega Coal* и *Battery* с 2 долл. за тонну угля до 3 % от валовых продаж угля с минимальной лицензионной платой в размере 3 долл. за тонну угля. Эксперты отмечают, что цены на уголь в США превысили 100 долл. за тонну впервые за 13 лет в понедельник, 4 апреля, поскольку спецоперация России на Украине переворачивает международные энергетические рынки, а восстановление экономики после пандемии стимулирует спрос на ископаемое топливо.

Выводы

Таким образом, успешное развитие энергетики Монголии в настоящее время во многом зависит от соседних стран – стратегических партнёров России (поставки СПГ, будущее строительство магистрального газопровода «Союз Восток» и участие в строительстве ГЭС) и Китая (поставки СПГ, электроэнергии из автономного района Внутренняя Монголия на юг Монголии, в горнодобывающие месторождения угля). Однако азиатская страна, богатая не только полезными ископаемыми (уголь, медь, золото и т. д.), но и возобновляемыми источниками энергии (ветровой, солнечной и водной), хотела бы в среднесрочной перспективе существенно ослабить энергетическую зависимость от своих ключевых стратегических партнёров.

В долгосрочной программе «Видение-2050» Монголия планирует превратиться в нетто-экспортёра электроэнергии. Для этого правительству совместно с частными инвесторами необходимо использовать доступные гидроресурсы, включая проекты по строительству ГЭС не только с китайской стороны, но и с Россией. Монголии исключительно важно создать условия собственной энергетической независимости и безопасности для экономического роста, открытия новых промышленных производств и реального повышения уровня жизни граждан. В данный момент строится нефтеперерабатывающий завод, который также будет способствовать снижению зависимости от поставок энергетических партнёров.

Тем не менее вопрос строительства ГЭС на р. Селенга, которая впадает в российское озеро Байкал, снова на повестке дня. Так, в декабре 2021 г. премьер-министр Монголии Лувсаннамсрайн Оюун-Эрдэнэ представил

¹ Battery Metals Royalties приобретёт 45 % акций угольных активов Монголии у Silver Elephant Mining // <https://centralasia.media/news:1773176/?from=centralasia&place=newsload>, дата обращения 27.04.2022.

«Новую политику восстановления для активизации экономики», предусматривающую строительство ГЭС на р. Селенге и её притоках. Для России исключительно важно найти взаимоприемлемое решение по строительству этой ГЭС, например, только на притоках р. Селенги. В противном случае, если Москва не проявит необходимый интерес к данному вопросу, ГЭС на р. Селенге при участии зарубежных частных инвесторов (из Китая или другой дружественной Монголии страны) все равно будут построены в каком-либо варианте. Тогда Россия окажется перед фактом, что впоследствии приведёт к серьёзным экологическим последствиям не только для озера Байкал, но и для реки Ангары.

В качестве альтернативы при выстраивании союзнических отношений с Монголией Россия в перспективе могла бы рассмотреть финансовое и научно-техническое участие в строительстве атомной электростанции. Однако это требует дополнительного сооружения ТЭЦ для сглаживания пиковых нагрузок потребителей электроэнергии. В связи с этим Россия могла бы помочь Монголии в создании закольцованной энергетической системы, в которой ТЭЦ работали бы совместно с ГЭС в период пиковых нагрузок. Первый шаг в этом направлении уже сделан путём модернизации с помощью России монгольских ТЭЦ.

Активное участие России в экономике Монголии послужило бы основой для укрепления союзнических российско-монгольских отношений, что предусмотрено Договором о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнёрстве. До этого момента Монголия будет балансировать между разными политическими центрами силы: Китаем с одной стороны, и Японией, Южной Кореей и западными странами в качестве «третьих соседей» с другой стороны, постепенно укрепляя свою энергетическую безопасность и независимость без российского участия, с учётом того что существенные доходы в бюджет страны поступают от экспорта угля и меди в Китай, а начало строительства МГП «Сила Сибири – 2» состоится только через два года.

Список литературы

Национальный комитет статистики Монголии // http://www.1212.mn/tables.aspx?TBL_ID=DT_NSO_0500_010V1, дата обращения 06.04.2022.

Намжилова В., 2020. Внутренняя Монголия как энергетический форпост Китая // Азия и Африка сегодня. № 2. С. 24. DOI: 10.31857/S032150750008469-7.

Акулов А., 2022. Монголия поможет «Газпрому» сэкономить миллионы долларов // <https://www.gazeta.ru/business/2022/02/10/14520763.shtml?updated>, дата обращения 22.04.2022.

Алифирова Е., 2022. «Газпром» и Монголия утвердили результаты рассмотрения ТЭО проекта МГП «Союз Восток» // <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/722336-gazprom-i-mongoliya-utverdili-rezultaty-rassmotreniya-teo-proekta-mgp-soyuz-vostok/>, дата обращения 22.04.2022.

Грайворонский В., 2014. Монголия: светлые перспективы динамичного развития // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mongoliya-svetlye-perspektivy-dinamichnogo-razvitiya/>, дата обращения 27.04.2022.

Дунаевский И., 2021. Глава МИД Монголии: Россия – вечный сосед, которого мы уважаем // <https://rg.ru/2021/07/21/glava-mid-mongolii-rossiia-vechnyj-sosed-kotorogo-my-uvazhaem.html>, дата обращения 20.04.2022.

Жаргалсайхан Д., 2021а. Абсолютная победа: выводы и уроки // <http://jargaldefacto.com/article/absolyutnaya-pobeda-wiiwodii-i-uroki>, дата обращения 06.04.2022.

Жаргалсайхан Д., 2021б. Что нужно не делать, чтобы интенсифицировать монгольскую экономику // <http://jargaldefacto.com/article/chto-nujno-ne-delati-chtobii-intensifitsirowati-mongoliskuuyu-ekonomiku>, дата обращения 06.04.2022.

Мамедова Н., 2021. Кто он – новый президент Монголии? // <https://www.aa.com.tr/ru/>, дата обращения 06.04.2022.

Родионов В., Железняков А., 2019. Монголия стремится стать «азиатской Швейцарией» // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mongoliya-stremitsya-stat-aziatskoj-shveytsariey/>, дата обращения 13.04.2022.

Санеев Б. Г., Попов С. П., 2020. Газификация Монголии: возможности многостороннего сотрудничества // <https://energypolicy.ru/b-g-saneev-s-p-popov-d-v-maksakova-gazi/regiony/2020/12/12/>, дата обращения 13.04.2022.

Свинцова Е., Бахтина О., 2022. Газпром предварительно определил трассировку МГП «Сила Сибири – 2» // <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/724605-gazprom-predvaritelno-opredelil-trassirovku-gazoprovoda-do-kitaya/>, дата обращения 22.04.2022.

Таран Н., 2021. Почему Монголия побеждает в битве за угольный рынок Китая // <https://forpost-sz.ru/a/2021-05-02/pochemu-mongoliya-pobezhdaet-v-bitve-za-ugolnyj-gynok-kitaya>, дата обращения 13.04.2022.

Чуриков А., 2021. Премьер Монголии: мы всегда будем открыты к сотрудничеству // <https://rg.ru/2021/02/16/premer-mongolii-my-vsegda-budem-otkryty-k-sotrudnichestvu.html>, дата обращения 06.04.2022.

Энхтайван Н., 2020. Монголия и Россия: ближний сосед лучше дальней родни // <https://rg.ru/2020/09/21/mongoliia-i-rossiia-blizhnij-sosed-luchshe-dalnej-rodni.html>, дата обращения 13.04.2022.

Scheyder E., Menon P., 2022. Rio Tinto and Mongolia settle feud over Oyu Tolgoi copper mine // <https://www.reuters.com/business/energy/rio-tinto-mongolia-settle-long-running-dispute-over-oyu-tolgoi-copper-mine-2022-01-24/?rpc=401&>, дата обращения 27.04.2022.

Wishnick E., 2020. Pipeline «Khanfluence»: Power of Siberia 2 to Go Through Mongolia to China // <https://www.chinasresourcerisks.com/post/pipeline-khanfluence-power-of-siberia-2-to-go-through-mongolia-to-china>, дата обращения 22.04.2022.

Китай построит на реке Ховд в Западной Монголии ГЭС // <https://regnum.ru/news/economy/3375147.html>, дата обращения 27.04.2022.

Президент Монголии выразил обеспокоенность экономической ситуацией в стране // <https://rossaprimavera.ru/news/e2e31e85>, дата обращения 06.04.2022.

Президент Монголии: готовы связать коридором Россию и Китай // <https://tass.ru/interviews/12788097>, дата обращения 13.04.2022.

Проект резолюции о принятии новой политики возрождения будет представлен в парламент // <http://www.mongolnow.com/proekt-rezolyutsii-o-prinyatii-novoj-politiki-vozrozhdeniya-budet-predstavlen-v-parlament/>, дата обращения 13.04.2022.

Politbarometer the April 2021 // https://www.santmaral.org/_files/ugd/915e91_1d367fc2acc74af18b89f18a55bd86e6.pdf, дата обращения 06.04.2022.

Battery Metals Royalties приобретёт 45 % акций угольных активов Монголии у Silver Elephant Mining // <https://centralasia.media/news:1773176/?from=centralasia&place=newsload>, дата обращения 27.04.2022.

KHARITONOVA Daria V., Deputy Head Division of Eurasian Integration and Shanghai Cooperation Organization Extension of the Institute of CIS.

Address: 7/10 b. 3 B. Polyanka str., Moscow, 119180, Russian Federation.

E-mail: dariahar09@gmail.com

SPIN-code: 7555-4681

MONGOLIA'S ENERGY POLICY AND COOPERATION WITH RUSSIA

DOI: 10.48137/26870703_2022_18_2_62

Received: 19.05.2022

For citation: *Kharitonova D. V.*, 2022. Mongolia's Energy Policy and Cooperation with Russia. – *Geoeconomics of Energetics*. № 2 (18). P. 62–79. DOI: 10.48137/26870703_2022_18_2_62

Keywords: Power of Siberia – 2 pipeline gas, Soyuz Vostok pipeline gas, energy cooperation, Mongolia, Russia, China, politics of energy, novel coronavirus (nCoV) infection.

Abstract

Mongolia finds itself in extreme need of energy resources, including pipeline supplies of natural gas despite having considerable natural resources. During the latest presidential election, the slogan «Mongolia is the owner of its wealth» became the motto of the election campaign of the candidate from the Mongolian People's Party U. Khurelsukh. The elected President, with the help of the Vision 2050 program, intends to give an impetus to the development of infrastructure (construction and modernization of railways in the east and west of the country) and highways for the development of industrial production. All these factors should contribute to the future transformation of Mongolia from a state exporting raw materials (mainly the mining industry), into an exporter of the industrial products. The author focused on the domestic political situation in the republic, changes in the Constitution and the economic situation during the pandemic of the new coronavirus infection (COVID-19). According to the authoritative Mongolian public organization Sant Maral, as of April 2021, the economic situation in the country was assessed by the majority of respondents (from 38 to 45 %) from Ulaanbaatar, other aimags (administrative units of the first level) and residents of rural areas as unsatisfactory.

In this situation the new leadership of Mongolia is focused on bringing the country out of economic stagnation with the participation of a new political team (U. Khurelsukh from the Mongolian People's Party became President in June, 2021) and the development of economic potential in the implementation of major industrial and infrastructure projects. In order to provide energy for industry and further economic development, joint Russian-Mongolian cooperation began in 2020 to justify the construction of Power of Siberia – 2 and Soyuz Vostok pipeline gas, which will provide natural gas supplies to China through the territory of Mongolia. Thus, Mongolia will not only become a transit country for natural gas, but, given the appropriate political support from the state, will get an opportunity to ensure its national well-being and socio-economic development of the population.

References

National Statistics Committee of Mongolia // http://www.1212.mn/tables.aspx?TBL_ID=DT_NS0_0500_010V1, accessed 06.04.2022. (In Mongolian.)

Namzhilova V., 2020. Inner Mongolia as an energy outpost of China // *Asia and Africa today*. No 2. Pp. 22–29. DOI: 10.31857/S032150750008469-7. (In Russ.)

Akulov A., 2022. “Mongolia will help Gazprom save millions of dollars” // <https://www.gazeta.ru/business/2022/02/10/14520763.shtml?updated>, accessed 22.04.2022. (In Russ.)

Alifirova E., 2022. Gazprom and Mongolia approved the results of the consideration of the feasibility study of the Soyuz Vostok gas pipeline project // <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/722336-gazprom-i-mongoliya-utverdili-rezultaty-rassmotreniya-teo-proekta-mgp-soyuz-vostok/>, accessed 22.04.2022. (In Russ.)

Grayvoronsky V., 2014. Mongolia: bright prospects for dynamic development // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mongoliya-svetlye-perspektivy-dinamichnogo-razvitiya/>, accessed 27.04.2022. (In Russ.)

Dunaevsky I., 2021. Foreign Minister of Mongolia: Russia is an eternal neighbor whom we respect // <https://rg.ru/2021/07/21/glava-mid-mongolii-rossiya-vechnyj-sosed-kotorogo-my-uvazhaem.html>, accessed 20.04.2022. (In Russ.)

Jargalsaikhan D., 2021a. Absolute victory: conclusions and lessons // <http://jargaldefacto.com/article/absolyutnaya-pobeda-wiwodii-i-uroki>, accessed 06.04.2022. (In Russ.)

Jargalsaikhan D., 2021b. What should not be done to intensify the Mongolian economy // <http://jargaldefacto.com/article/chto-nujno-ne-delati-chtobii-intensifitsirovati-mongoliskuyu-ekonomiku>, accessed 06.04.2022. (In Russ.)

Mamedova N., 2021. Who is he – the new president of Mongolia? // <https://www.aa.com.tr/ru/>, accessed 06.04.2022. (In Russ.)

Rodionov V., Zheleznyakov A., 2019. Mongolia strives to become “Asian Switzerland” // <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mongoliya-stremitsya-stat-aziatskoy-shveysariy/>, accessed 13.04.2022. (In Russ.)

Saneev B. G., Popov S. P., 2020. Gasification of Mongolia: opportunities for multilateral cooperation // <https://energypolicy.ru/b-g-saneev-s-p-popov-d-v-maksakova-gazi/regiony/2020/12/12/>, accessed 22.04.2022. (In Russ.)

Svintsova E., Bakhtina O., 2022. Gazprom preliminary determined the tracing of the MGP Power of Siberia – 2 // <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/724605-gazprom-predvaritelno-opredelil-trassirovku-gazoprovoda-do-kitaya/>, accessed 22.04.2022. (In Russ.)

Taran N., 2021. Why Mongolia is winning the battle for China’s coal market // <https://forpost-sz.ru/a/2021-05-02/pochemu-mongoliya-pobezhdaet-v-bitve-za-ugolnyj-rynok-kitaya>, accessed 27.04.2022. (In Russ.)

Churikov A., 2021. Prime Minister of Mongolia: We will always be open to cooperation // <https://rg.ru/2021/02/16/premer-mongolii-my-vsegda-budem-otkrytyk-sotrudnichestvu.html>, accessed 06.04.2022. (In Russ.)

Enkhtaivan N., 2020. Mongolia and Russia: a near neighbor is better than a distant relative // <https://rg.ru/2020/09/21/mongoliia-i-rossiia-blizhnij-sosed-luchshe-dalnejrodni.html>, accessed 13.04.2022. (In Russ.)

Scheyder E., Menon P., 2022. Rio Tinto and Mongolia settle feud over Oyu Tolgoi copper mine // <https://www.reuters.com/business/energy/rio-tinto-mongolia-settle-long-running-dispute-over-oyu-tolgoi-copper-mine-2022-01-24/?rpc=401&>, accessed 27.04.2022. (In Eng.)

Wishnick E., 2020. Pipeline «Khanfluence»: Power of Siberia 2 to Go Through Mongolia to China // <https://www.chinasourcerisks.com/post/pipeline-khanfluence-power-of-siberia-2-to-go-through-mongolia-to-china>, accessed 22.04.2022. (In Eng.)

China will build a hydroelectric power station on the Khovd River in western Mongolia // <https://regnum.ru/news/economy/3375147.html>, accessed 27.04.2022. (In Russ.)

The President of Mongolia expressed concern about the economic situation in the country // <https://rossaprimavera.ru/news/e2e31e85>, accessed 06.04.2022. (In Russ.)

President of Mongolia: ready to link Russia and China with a corridor // <https://tass.ru/interviews/12788097>, accessed 13.04.2022. (In Russ.)

A draft resolution on the adoption of a new revival policy will be submitted to the Parliament // <http://www.mongolnow.com/proekt-rezolyutsii-o-prinyatii-novoj-politiki-vozrozhdeniya-budet-predstavlen-v-parlament/>, accessed 13.04.2022. (In Russ.)

Politbarometer The April 2021 // https://www.santmaral.org/_files/ugd/915e91_1d367fc2acc74af18b89f18a55bd86e6.pdf, accessed 06.04.2022. (In Eng.)

Battery Metals Royalties to acquire 45 % stake in Mongolian coal assets from Silver Elephant Mining // <https://centralasia.media/news:1773176/?from=centralasia&placе=newsload>, accessed 27.04.2022. (In Russ.)

Даниил ВЫШЕГОРОДЦЕВ

НЕМЕЦКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФОНДЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ФРГ В ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Дата поступления в редакцию: 06.06.2022.

Для цитирования: *Вышегородцев Д. Д.*, 2022. Немецкие политические фонды как инструмент энергетической политики ФРГ в Центрально-Восточной Европе. – *Геоэкономика энергетики*. № 2 (18). С. 80–119. DOI: 10.48137/26870703_2022_18_2_80

Данная статья посвящена изучению роли немецких политических фондов в рамках энергетической политики Федеративной Республики Германия (ФРГ) в Центрально-Восточной Европе. На примере фондов Конрада Аденауэра и Фридриха Эберта анализируется деятельность немецких политических фондов и их местных партнёров в энергетической области в Польше, Чехии и Венгрии. Было обнаружено, что интересы Германии в сфере энергетики сконцентрированы на активизации усилий по переходу на возобновляемые источники энергии и обеспечении энергетической независимости и безопасности. В практическом плане это выражается в политизации всех вопросов, связанных с энергетикой.

Автор делает вывод о том, что немецкие политические фонды достаточно эффективно продвигают упомянутые национальные интересы ФРГ в соответствующей сфере на частном и государственном уровнях. Это обусловлено их многолетней работой по выстраиванию сетей влияния, адаптацией их основных нарративов под видение и интересы конкретных стран без потери своего первоначального содержания и грамотными расстановкой приоритетов и распределением имеющихся ресурсов. Наиболее активная работа ведётся в

ВЫШЕГОРОДЦЕВ Даниил Денисович, научный сотрудник отдела экономических исследований Института стран СНГ. Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 119180, ул. Большая Полянка, 7/10, стр. 3. E-mail: hightownhochstadt@mail.ru. SPIN-код: 2257-4189

Ключевые слова: ФРГ, энергетика, политические фонды, фонд Аденауэра, фонд Эберта, Центрально-Восточная Европа, Польша, Чехия, Венгрия, зелёная энергетика.

Польше и Венгрии как в странах, представляющих для ФРГ особую важность в качестве «точек доступа» на постсоветское пространство, а также с точки зрения расположения на их территории основной части нефте- и газопроводов из Российской Федерации. В Чехии основной акцент сделан на поддержании нынешнего уровня влияния Германии с возможностью обособления страны от формата «вышеградской группы» в средне- и долгосрочной перспективе.

Введение

Некоммерческие, негосударственные организации (НКО, НГО) и иные схожие по своей структуре форматы являются одним из немаловажных механизмов продвижения тех или иных интересов внутри определённой страны и за её пределами. Подобная деятельность подразумевает не только проведение научно-аналитической работы, но и установление контактов на частном, организационном и государственном уровнях и создание с их привлечением различных форматов взаимодействия. Сформированные таким образом сети влияния затем могут использоваться в качестве инструментов лоббирования, а также точек консолидации их участников. Данная схема может работать вне зависимости от конкретной сферы: политической, экономической, социокультурной, экологической и т. д.

Одним из государств, активно использующих НКО в своей внешней политике, является Федеративная Республика Германия. Несмотря на многообразие действующих форматов (государственные и частные, коммерческие и некоммерческие и т. д.), характерной чертой деятельности ФРГ в этой области является наличие и функционирование политических фондов – организаций, напрямую связанных с той или иной политической партией. На сегодняшний день они являются одной из наиболее развитых форм немецких НКО благодаря имеющимся ресурсам и контактам на уровне политической элиты и экспертного сообщества внутри самой Германии и за рубежом.

В свою очередь, положение Германии в качестве одного из главных политических и экономических центров Европейского союза приводит к тому, что интересы ЕС во многом совпадают с её собственными интересами, в т. ч. в такой области, как энергетика. Последняя давно имела и продолжает иметь важное значение для европейского пространства как региона, испытывающего серьёзную зависимость от импорта энергоресурсов, прежде всего нефти и газа. Особое место в этой сложившейся структуре занимает Центрально-Восточная Европа (ЦВЕ), по территории которой из Российской Федерации уже на протяжении десятилетий проходят поставки основной части сырья. Соответственно, Европейский союз в целом и Федеративная Республика Германия в частности заинтересованы в том, чтобы данные государства, особенно в нынешней ситуации нестабильности и хаотичности на энергетическом направлении, находились в фарватере их политики. Для ФРГ это представляет особую важность ещё и потому, что они, ориен-

тируясь на Германию в рамках производственных цепочек и разного рода дотационной поддержки, в плане своего политического позиционирования нередко исходят из приоритетности собственных национальных интересов. Зачастую это также сочетается с занятием в случаях немецко-американских разногласий стороны США.

Таким образом, возникает вопрос: каким образом Германия использует политические фонды для продвижения своих позиций в сфере энергетики в ключевом для себя регионе Центрально-Восточной Европы?

Прежде чем перейти к ответу на данный вопрос, необходимо конкретизировать некоторые используемые в работе понятия, а также обозначить последовательность рассмотрения связанных с обозначенной темой аспектов. Регион ЦВЕ будет включать в себя три наиболее знаковых для него государства: Польшу, Чехию и Венгрию. Деятельность же самих политических фондов будет рассмотрена на примере фонда К. Аденауэра (*KAS*) и фонда Ф. Эберта (*FES*) – двух наиболее крупных и разноплановых форматов с точки зрения охватываемых областей и проводимых работ.

Будет проанализирована работа каждой из вышеперечисленных организаций в обозначенных государствах. Это будет включать в себя изучение конкретных проектов и мероприятий некоммерческих организаций, а также количественную и качественную характеристику их существующих связей на частном, организационном и государственном уровнях. В итоге можно будет определить, какое видение энергетической области и политики формируют немецкие НКО, насколько их деятельность успешна и какое место они занимают в общем продвижении немецких интересов в этой сфере в Центрально-Восточной Европе.

Деятельность немецких политических фондов в сфере энергетики в Польше

Фонд Аденауэра напрямую связан с Христианско-демократическим союзом Германии (ХДС) – партией, которая в течение последних двадцати лет удерживала большинство в немецком парламенте и тем самым определяла основной вектор внутренней и внешней политики ФРГ. В Польше, а также других государствах рассматриваемого региона он работает через своё местное представительство. Партнёрские отношения *KAS* с польскими представителями были в подавляющем большинстве своём сформированы в 1990-х гг., т. е. почти сразу после крушения социалистической системы, и сегодня характеризуются значительной степенью обширности.

На данный момент насчитывается двадцать семь организаций, с которыми фонд сотрудничает в том или ином виде¹. Их, в свою очередь, можно разде-

¹ Partner // <https://www.kas.de/de/web/polen/partner>, дата обращения 01.06.2022.

лить на несколько видов: аналитические (Центр международных отношений), образовательные (Европейская академия дипломатии), гуманитарные (Европейский центр солидарности) и форматы развития сотрудничества (польский фонд им. Роберта Шумана). Отдельную небольшую группу составляют «христианские организации», например «Универсальный еженедельник», Институт третьего тысячелетия и Центр мысли Иоанна Павла II. Налажены связи и с некоторыми объединениями, в той или иной мере специализирующимися на сфере экономики (фонд Казимира Пулавского). Само же сотрудничество со всеми этими организациями проводится по ряду направлений:

- разработка публикаций и проектов:
 - «Немецко-польский барометр» – ежегодное исследование общественного мнения [*Kucharczyk, Łada-Konefal, 2022*] – и другие материалы [*Kucharczyk, 2021*] (совместно с Институтом общественных дел);
 - аналитические материалы по различным тематикам (совместно с фондом Шумана)¹;
- проведение мероприятий:
 - форум «Диалог+» (совместно с фондом *Ars Republica* и фондом польско-немецкого взаимодействия)²;
 - ежегодная конференция по безопасности, проводимая в г. Кракове (совместно с фондом «Институт стратегических исследований»)³;
- организация летних/зимних школ, осуществление иной образовательной и практико-ориентированной деятельности:
 - академия молодых дипломатов (совместно с Европейской академией дипломатии)⁴;
 - вебинары по теме европейской безопасности и внешней политики (совместно с Католическим университетом Иоанна Павла II в Люблине)⁵.

Все эти форматы продвигают в своих материалах [*Przybyło, 2020*] и мероприятиях явно европейскую (и, в меньшей степени, проевро-атлантическую) повестку, в т. ч. в рамках того, что касается энергетической области.

¹ Nasze publikacje // <https://schuman.pl/publikacje/>, дата обращения 01.06.2022.

² Forum Dialog + // <https://www.kas.de/de/web/polen/veranstaltungen/detail/-/content/forum-dialog-im-andrzej-godlewskiego-1>, дата обращения 01.06.2022.

³ XXX Międzynarodową Krakowską Konferencję Bezpieczeństwa “NATO – USA – Unia Europejska – nowe otwarcie, nowe wyzwania” // <http://iss.krakow.pl/2021/12/09/xxx-miedzynarodowa-krakowska-konferencje-bezpieczenstwa-nato-usa-unia-europejska-nowe-otwarcie-nowe-wyzwania/>, дата обращения 01.06.2022.

⁴ About the Program // <https://diplomats.pl/about-the-program/>, дата обращения 01.06.2022.

⁵ Konferencje naukowe, seminaria zorganizowane przez Instytut Nauk o Polityce i Administracji KUL // https://www.kul.pl/art_77314.html, дата обращения 01.06.2022.

Важность, однако, здесь представляет не этот вполне очевидный факт, а тот пул участников, который формируется фондом Аденауэра и его польскими партнёрами. Посредством этих связей он имеет прямой и/или косвенный выход на ключевые точки формирования нарративов и их практической реализации. Последние включают в себя: образовательные организации (Варшавский университет – через кафедру Тадеуша Мазовецкого, Национальная школа государственного управления – через Европейскую академию дипломатии), экспертные сообщества (Польское экономическое общество) и органы государственной власти (министерства энергетики, иностранных дел и обороны – через фонд Пулавского). Кроме того, немецкие и польские форматы связаны и друг с другом (например, по линии Центра международных отношений), тем самым образуя единую сеть влияния.

Несмотря на столь активное и обширное взаимодействие, энергетическая тематика в его рамках занимает не самое видное место. За исключением нескольких публикаций фонда Пулавского, затрагивающих мировой энергосектор и «Северный поток – 2» [*Przybyło*, 2019], а также мероприятий, посвящённых «энергетическому союзу»¹, энергетика почти нигде не рассматривается напрямую. В большинстве же случаев её упоминания она является лишь одним из элементов общей системы безопасности [*Germany, Poland and the future...*, 2018]. Собственная же деятельность KAS, не включающая в себя совместную работу с польскими партнёрами, вместе с тем не только не отличается такой же степенью активности, но и не уделяет большого внимания вопросам энергетики. Фактически она ограничивается подготовкой аналитических материалов по вопросам, связанным с внутренней политикой Польши и, в куда меньшей степени, её положением в мире.

Единственной за последние годы публикацией по теме энергетики является страновой доклад Давида Грегоса (руководителя польского подразделения фонда) и Даниэля Леммена «Из угля в ядерный век?» от 27 апреля 2021 г. [*Gregosz, Lemmen*, 2021]. В этом материале можно выделить несколько основополагающих аспектов. Отказ от собственного нерентабельного угля и переход к другим источникам энергии является для Польши обязательным условием обеспечения своей энергетической безопасности. Это, в свою очередь, подкрепляется и проводимыми параллелями между польской и немецкой политикой в сфере энергетики. Отдельно стоит обратить внимание на природный газ (в первую очередь из РФ), которому отводится роль «переходного ресурса» в ФРГ и Польше.

Помимо этого, обозначаются конкретные меры по нивелированию возможной зависимости от российских поставок, такие как будущий газопро-

¹ Unia energetyczna – solidarna i niezależna Europa // <https://www.kas.de/documents/279510/5413037/Unia+Energetyczna.pdf/0fe48e31-e639-c013-3262-86639bb07826?version=1.0&t=1561647265725>, дата обращения 01.06.2022.

вод *Baltic Pipe* и терминал сжиженного природного газа в г. Свиноуйсьце. Данное положение напрямую подтверждает выявленную нами в предыдущих материалах суть деятельности Германии в сфере энергетики – обеспечение стабильных газовых поставок на время формирования собственной самодостаточной энергосистемы при сохранении зависимости РФ от экспорта своих энергоресурсов и её использования в качестве инструмента шантажа. В конце доклада к сравнению польской и немецкой работы в рассматриваемой области добавляется американская политика, что вновь позиционируется как обоснование энергетического перехода Польши. Тем не менее в самом материале США по возможности отодвигаются на второй план и используются скорее для прямого увязывания польско-американского и польско-немецкого взаимодействия. Это предположение также подтверждается и отсутствием сколь-либо значимого акцента на возможной роли американского СПГ и его возможного экспорта в Европу.

* * *

Другой немецкий политический фонд – фонд Эберта – связан с Социал-демократической партией Германии, продолжительное время выступавшей в качестве коалиционного партнёра ХДС и выигравшей выборы в 2021 г. Его деятельность характеризуется несколько иными подходами, нежели те, что использует *KAS*.

Прежде всего, большинство из польских партнёров организации сформировались в более поздний период 2000-х. В качестве исключения выступают уже упоминавшийся Европейский центр солидарности и Институт общественных дел, сотрудничающие с фондом Аденауэра. Кроме того, среди них определённое место занимают и объединения, имеющие более «общеευропейский» характер. Помимо Европейского центра солидарности, к ним относятся Европейский институт демократии и фонд Александра Квасьневского. Последний, а также ряд других организаций дополнительно взаимодействуют с Немецким фондом по линии Академии социальной демократии – подразделения *FES*. Среди сотрудничающих организаций также можно выделить аналитические («Политическая критика», *Global.Lab*) и образовательные (Центр немецких и европейских исследований им. Вилли Брандта, учреждённый Вроцлавским университетом и Немецкой службой академического обмена) форматы.

Однако основная часть контактов установлена с акторами совершенно другого вида, а именно с профессиональными союзами. В отличие от *KAS*, у которого польские христианские (католические) организации не составляют основу партнёрских отношений, для *FES* сотрудничество с профсоюзами и их объединениями («Солидарность», Всепольская федерация профсоюзов, Союз польских учителей) являются одним из ключевых направлений его работы. Подобное приоритетное положение объединений, которые в большей

мере сконцентрированы на реализации собственных целей и задач, приводит к ограничению числа направлений, по которым немецкая организация может осуществлять свою деятельность, в т. ч. в сфере энергетики. Усугубляется это положение и тем, что и фонд Эберта, и часть его партнёров делают акцент на своей идеологической принадлежности (социал-демократия, прогрессивизм и т. д.), чего, например, не наблюдалось в случае фонда Аденауэра.

Двумя польскими партнёрами *FES*, которые затрагивают энергетическую тематику, являются фонд Батория и «Политическая критика». Материалы первого строятся вокруг ряда основных идей:

- неопровержимости изменения климата и его антропогенного характера;
- проистекающей из этого потребности в переходе к зелёной энергетике;
- возможности его осуществления только путём солидаризации стран ЕС на надгосударственном, межгосударственном и государственно-частном уровнях;
- необходимости активного участия в этих процессах со стороны Польши для укрепления её положения в Европейском союзе.

Среди предложений, выдвигаемых в отдельных работах, также можно выделить представление зелёной трансформации как нового этапа развития европейской интеграции [*Nowy rozdział...*, 2021] и реформирование либеральных демократий государств ЕС в сторону большего республиканизма [*Bendyk*, 2021]. Критика подобных положений или некоторый скепсис в их отношении носит более скромный характер: обозначается наличие крайне серьёзных экономико-технических препятствий для реализации зелёного курса в Польше и неготовность самого польского общества к столь радикальным изменениям¹.

В свою очередь, материалы «Политической критики» отличаются куда более агрессивным и воинственным характером риторики. Это выражается не только в используемых формулировках, но и в конкретных предлагаемых шагах. Своеобразным лейтмотивом выступает требование отказа от российских энергоресурсов на национальном и наднациональном уровнях при игнорировании, замалчивании и/или преуменьшении последствий подобного шага. В тех же случаях, когда факт значительных потерь в случае введения энергетического эмбарго со стороны Европейского союза и его участников признаётся, их необходимость аргументировалась неэкономическими положениями («необходимость солидарности с Украиной»).

В качестве инструментов снижения издержек называются активное применение возобновляемых источников энергии [*Wójcik*, 2022] и более тесная

¹ Czy możliwa jest eko-Rzeczpospolita? // https://www.batory.org.pl/wp-content/uploads/2021/10/Czy.możliwa.jest_eko_Rzeczpospolita.pdf, дата обращения 01.06.2022.

координация между государствами и частными акторами (вплоть до перераспределения энергетических ресурсов). Сама же критика использования углеродов строится преимущественно вокруг их экономической нецелесообразности в будущем и того, что основная их доля поставляется из РФ [Majmurek, 2022].

Непосредственная деятельность *FES* характеризуется меньшей приоритетностью сферы энергетики. За последние годы она напрямую затрагивается лишь единожды – в ходе организованной 6 июня 2019 г. дискуссии «Профсоюзы и энергетическая политика: немецкий и польский опыт. Две страны, два видения – общая цель»¹. Тем не менее даже здесь мы можем выделить несколько интересных моментов. Прежде всего, в нём приняли участие не только руководители немецких и польских профсоюзов и их подразделений, но и бывшие государственные служащие, а именно Марек Коссовски (министр экономики) и Томаш Подганьяк (министр окружающей среды).

В свою очередь, само обсуждение строилось вокруг необходимости энергетического перехода Польши, в первую очередь в форме отказа от угля как основного источника электроэнергии. Хотя сама необходимость данных мер открыто не оспаривается ни одним из экспертов, в ходе своих выступлений некоторыми из них был обозначен ряд неоднозначных аспектов. Констатировалось, что на данный момент Польша не имеет необходимых для осуществления немедленного энергетического перехода финансовых и иных ресурсов. Его форсированная реализация, в свою очередь, приведёт к росту социальной напряжённости (в силу потери рабочих мест), который будет возможно лишь минимизировать, но не предотвратить.

В связи с этим была представлена некая «альтернатива» в форме плана польского правительства «Польская энергетическая политика до 2040 г.» (*PEP2040*)². Помимо всего прочего, он подразумевает переход к атомной энергии, привлечение инвестиций в область возобновляемой энергии и энергетической инфраструктуры и переориентацию на собственные новые энергоресурсы. Данный план, а также факт его представления на мероприятии фонда Эберта являются одним из ключевых моментов работы немецкой организации в Польше.

¹ Veranstaltungsbericht zur Diskussion „Die Gewerkschaften und Energiepolitik: deutsche und polnische Erfahrungen. Zwei Länder, zwei Visionen – ein gemeinsames Ziel“ // <https://polska.fes.de/e/veranstaltungsbericht-zur-diskussion-die-gewerkschaften-und-energiepolitik-deutsche-und-polnische-erfahrungen-zwei-laender-zwei-visionen-ein-gemeinsames-ziel>, дата обращения 01.06.2022.

² Polityka energetyczna Polski do 2040 r. // <https://www.gov.pl/web/klimat/polityka-energetyczna-polski>, дата обращения 01.06.2022.

Деятельность немецких политических фондов в сфере энергетики в Чехии

В Чехии фонд Аденауэра ведёт не столь активную деятельность, как в Польше. В первую очередь это находит своё отражение в количестве партнёрских организаций: двадцать польских форматов и только восемь чешских¹. Вместе с тем по направлению своей работы первые мало чем отличаются от вторых. Среди партнёров *KAS* в Чехии можно выделить и аналитические центры (Ассоциация по международным вопросам, *АМО*), и образовательные проекты (*ТОPAZ*), и гуманитарные форматы («Молодые люди», *ML*). Среди непосредственных форм сотрудничества фонда со своими чешскими партнёрами можно выделить следующие:

- ежегодный информационно-аналитический справочник «Тренды вишеградской европейской политики» (совместно с *АМО*)²;
- образовательные проекты «Либерально-консервативная академия» и «Разговоры о Европе» (совместно с *CEVRO*³ и *EUTIS*⁴ соответственно);
- подготовка иных отдельных мероприятий и материалов (совместно с НПО «Европейские ценности», Институтом христианско-демократической политики (*IKDP*), Международным институтом политических наук (*IIPS*) Масарикова университета, *ML* и *think-tank TOPAZ*).

Как можно заметить, конкретные виды партнёрства и взаимодействия не отличаются обширностью. На это также накладывається то, что вопросы энергетики чаще всего затрагиваются в контексте международных отношений и политики Европейского союза — как внешней, так и внутренней. В свою очередь, здесь же мы не можем не отметить одну из характерных особенностей чешских организаций, сотрудничающих с фондом Аденауэра, а именно куда более ярко выраженный и активно продвигающийся ими проевропейский нарратив. Столь серьёзное отличие от ситуации в Польше будет более подробно рассмотрено далее, когда речь будет идти о непосредственной работе *KAS* в Чехии.

В то же время ограниченный характер носят и контакты самих партнёрских организаций фонда Аденауэра. Хотя они достаточно разносторонние (государственные учреждения, экспертные сообщества, организации-«латформы»), их незначительное количество не позволяет сформировать доста-

¹ Partner // <https://www.kas.de/de/web/tschechien/partner>, дата обращения 01.06.2022.

² Trends of Visegrad European Policy // <https://trendy.amo.cz/trendy2021/home>, дата обращения 01.06.2022.

³ Liberálně-konzervativní akademie // <http://www.cevro.cz/cs/241494-liberalne-konzervativni-akademie>, дата обращения 01.06.2022.

⁴ Rozhoduj o Evropě // <https://rozhodujoevropa.cz/>, дата обращения 01.06.2022.

точно широкую сеть влияния, а сами эти контакты нередко ограничиваются финансовой поддержкой.

В качестве интересного момента можно отметить довольно заметную роль другого немецкого политического фонда, а именно фонда Ганса Зайдля (*HSS*). Будучи связанным с партией «Христианский социальный союз» (*XCC*) – младшим партнёром ХДС – и являясь, по сути, его автономной и более правоконсервативной частью с региональной (баварской) спецификой, он во многом либо действует в связке с *KAS*, либо выступает в виде его «замены» на менее приоритетных направлениях. К тому, какое же место занимает фонд Зайдля в деятельности немецких политических фондов, мы вернёмся при подведении итогов исследования.

Тем не менее обозначенная «второстепенность» рассмотрения энергетики не означает, что данная сфера полностью игнорируется. Наоборот, энергетическое измерение тех или иных вопросов затрагивается чешскими партнёрами *KAS* чаще, нежели польскими форматами. Наибольшую активность в этом плане проявляют *AMO*, *IKDP*, *IIPS* и *TOPAZ*.

Материалы Ассоциации по международным вопросам, в которых так или иначе фигурирует энергетика, можно разделить на 4 группы:

- мониторинг мнений экспертов и представителей частных и государственных учреждений. В эту группу входят составляемые совместно с фондом Аденауэра «Тренды вышеградской европейской политики» и «Тренды вышеградской внешней политики». В материалах за 2017 г. [*Dostál, Végh, 2017*], 2019 г. [*Janebová, Végh, 2019*] и 2022 г. [*Janebová, Végh, 2021*] можно увидеть, во-первых, привязку вопросов энергетики к климатической и экологической тематикам, а во-вторых, постепенное изменение взгляда на энергетику – от необходимости модернизации в данной области (2017 г.) до соображений энергетической безопасности (2019 г.) и общей энергетической политики (2022 г.);
- публикации, в которых анализируется ситуация в Чехии и её регионах. Эта категория является наиболее разнообразной с точки зрения направленности входящих в неё исследований: «Достойные высококачественные комитеты жителей ЕС: аргументы в пользу изменения (климата)» [*Březovská, 2022*], «Социально-экономические последствия использования возобновляемых источников энергии в регионах ЕС» [*The socioeconomic..., 2021*], «Отчёт по отслеживанию зелёного восстановления: Чешская Республика»¹ и «Разделение между Востоком и Западом в Европейском Союзе? Анализ отдельных областей политики» [*Fuchsová, Janebová, 2020*]. Как и в предыдущем случае, в

¹ Green Recovery Tracker Report: Czech Republic // https://www.amo.cz/wp-content/uploads/2021/05/608bc3a33bcdbd7f7d7975f1d_Czech-Republic_Green-Recovery-Tracker-Report.pdf, дата обращения 01.06.2022.

качестве обоснования энергетической политики выступают климатическая и экологическая повестки и, реже, необходимость модернизации сферы энергетики в странах ЦВЕ. Кроме того, констатируется наличие консенсуса касательно общего вектора энергетической политики при отсутствии единого видения конкретных шагов и их недостаточной и/или неэффективно используемой поддержки;

- работы по двусторонним отношениям Чехии, в первую очередь с ФРГ [Havlíček, Lang, 2022] и РФ [Havlíček, 2022]. В своей совокупности оба доклада обозначают курс на координацию с Германией, сотрудничество с Украиной, Молдавией и Грузией и активизацию работы в рамках ЕС для противостояния Российской Федерации. В плане энергетики эти меры подразумевают под собой диверсификацию импорта, прежде всего за счёт сжиженного природного газа, выстраивание энергетического союза (формат интеграции энергосферы в рамках Европейского союза), учёт в рамках этих процессов мнений государств Центрально-Восточной Европы и постепенный (в промежутке 2024–2027 гг.) отказ от российских энергоресурсов. Вместе с тем обозначается сохранение некоторого недоверия в немецко-чешских отношениях, обусловленное сближением Чехии с другими участниками V4 («вышеградской четвёрки») и непоследовательной политикой ФРГ;
- аналитические материалы по внешней политике Чехии, как и в случае мониторинга: данная группа состоит из одной серий документов, а именно «Повестки дня чешской внешней политики». В изданиях 2018 г. [Borčany, Dostál, 2018], 2019 г. [Borčany, Janebová, 2019], 2020 г. [Agenda for..., 2020] и 2021 г. [Agenda for..., 2021] также можно наблюдать изменения в расстановке акцентов в сторону большего внимания к климатической (в т. ч. энергетической) составляющей. Важно отметить и присутствующие негативные оценки сохраняющейся зависимости Чехии от угля и её недостаточно активного участия в деятельности ЕС по энергетической трансформации.

Кроме того, в зависимости от общей тематики все вышеприведённые материалы можно разделить на две большие категории: исследования в сфере климата и экологии и исследования в сфере международных отношений.

Остальные упомянутые партнёры фонда Аденауэра реже касаются энергетической тематики в своих публикациях. Несмотря на то что *IKDP* в своей деятельности имеет отдельное направление — зелёную политику, объём проводимых в его рамках работ крайне незначителен. В материале «Европейский зелёный путь — будущее Чехии?»¹ энергетика вновь рассматривается как часть климатической и экологической политики. Обозначается

¹ European Green Path – the Future of the Czech Republic? // https://en.ikdp.cz/wp-content/uploads/sites/2/2020/09/European-Green-Path_EN.pdf, дата обращения 01.06.2022.

неоспоримость зелёного курса и потребность поддержки стран ЦВЕ, в т. ч. посредством инвестиций. Помимо этого, Чехии следует продолжить ориентироваться на энергетическую политику Европейского союза и принимать в ней более деятельное участие.

В свою очередь, первый в 2022 г. номер «Журнала политических наук»¹, издаваемого *IIPS*, был в значительной мере посвящён именно энергетическим вопросам. В представленных работах в основном затрагивался их политический аспект. Обозначалась проблема сочетания «европейского» и «американского» видения (которое может привести к отходу от ценностей Европейского союза), а также происходящий переход от конфигурации «США и ЕС – РФ» к конфигурации «США – ЕС – РФ – Китай». В сложившейся обстановке противостояния крупных игроков декарбонизация (т. е. отказ от угля и газа при допущении атомной энергии) позиционируется в качестве единственной возможности для менее обеспеченных государств Центрально-Восточной Европы сохранить свой «нейтралитет».

TOPAZ в то же время выдвигает в своих тематических публикациях следующие тезисы. Во-первых, картина единства вышеградской группы не соответствует реальности по причине различий в позициях её членов, включая позиции относительно энергетической политики [*Tungul, 2021*]. Во-вторых, в зелёный курс должна быть включена атомная энергия, что значительно снизит опасения и недовольство стран ЦВЕ и позволит им отказаться от «грязных» энергоресурсов с куда меньшими потерями для себя [*Palata, 2021*]. Сам зелёный курс (который может быть скорректирован) необходим, даже если его реализация будет сопровождаться теми или иными потерями. Компенсировать их предлагается либо за счёт средств бюджета Европейского союза, либо путём встраивания менее подготовленных участников зелёной трансформации в экономические и производственные цепочки более подготовленных государств².

Деятельность непосредственно чешского представительства *KAS* мало чем отличается от работы его польского подразделения. В его мероприятиях и публикациях энергетика также освещается редко, в основном в рамках международных отношений и без привязки конкретно к Чехии. В результате продвигаемое фондом видение данной области приходится выявлять через материалы по другим тематикам, прежде всего по состоянию и перспективам европейской интеграции и взаимодействию ЕС и стран *V4*.

В своей работе «Смелость в оформлении: импульсы для сильного и перспективного Европейского союза» [*Pöttering, 2017*], которая была представ-

¹ Czech Journal of Political Science. Archive 1/2022 // <https://www.politologickycasopis.cz/en/archive/2022/1/>, дата обращения 01.06.2022.

² Zelená dohoda pro Evropu a střední třída // <https://top-az.eu/wp-content/uploads/2021/09/zelená-dohoda-pro-evropu-WEB.pdf>, дата обращения 01.06.2022.

лена и на ресурсах других подразделений фонда, занимавший на тот момент должность председателя фонда Аденауэра Г.-Г. Пёттеринг обозначил, что будущее организации напрямую связано с возможностями её интенсивного и экстенсивного развития. Применительно к энергетике первый аспект подразумевает интеграцию национальных энергорынков и развитие концепции энергетического союза, а второй — встраивание в эту систему стран будущей зоны европейской стабильности (альтернативного варианта евроинтеграции, де-факто закреплённой сферы влияния Европейского союза). Схожие идеи необходимости предоставления больших полномочий наднациональной составляющей были выражены и в публикации «Новый телефонный номер Брюсселя? Как Совет безопасности Европы мог бы укрепить внешнюю политику ЕС» [Wientzek, Rieck, 2018].

В свою очередь, в материале «Непонятые? Страны вышеградской группы и конференция о будущем Европы» [Beribes, 2021] пусть не затрагиваются вопросы энергетики, но куда больше внимания уделяется самой Чехии. Будучи вместе со Словакией наиболее проевропейской страной формата V4, она может выступить в качестве посредника между Европейским союзом и более евроскептическими членами «четвёрки» в лице Польши и Венгрии, тем самым сохранив единство жизненно важного для общеевропейского проекта региона Центрально-Восточной Европы.

* * *

Фонд Эберта ведёт в Чехии ещё менее активную деятельность в области энергетики, нежели фонд Аденауэра, не говоря уже о работе FES в Польше. Как можно будет видеть далее, она не характеризуется сколь-либо новыми и/или интересными с точки зрения формы и содержания подходами и конкретными мерами по продвижению немецкого (или немецкоориентированного) видения данной сферы.

Один из показателей степени присутствия той или иной организации в стране — количественный и качественный состав партнёров среди местных форматов — уже достаточно ярко демонстрирует положение фонда Эберта в Чехии. Среди относительно частых контактов FES можно выделить только два объединения: Масариковскую демократическую академию (Mda) и Чешско-моравскую конференцию профсоюзов (ČMKOS). В сотрудничестве с этими форматами разрабатывается наибольшее число материалов и проводится наибольшее число мероприятий. Однако никаких конкретных и зафиксированных форм сотрудничества, как это было в предыдущих случаях, выявлено не было. Следовательно, взаимодействие между FES и чешскими форматами, в том числе Mda и ČMKOS, можно описать скорее как ситуативное, нежели как системное.

Крайне скромными являются и связи этих организаций. Масариковская демократическая академия сотрудничает с экологической платформой «Ко-

локольчик» и имеет некоторые контакты на уровне чешского правительства. В свою очередь, партнёрами Чешско-моравской конференции профсоюзов, помимо других профсоюзных объединений, являются научно-исследовательские и образовательные организации, а именно Европейский профсоюзный институт исследований образования, здравоохранения и безопасности и финский Институт Кильявы.

Если мы посмотрим на работу партнёров фонда Эберта, то вновь не увидим каких-либо принципиальных отличий от ситуации в Польше, за исключением намного меньших масштабов. Как *Mda*, так и *СМКOS* не обозначает энергетику в качестве приоритетной области своей деятельности. В тех же случаях, когда эта тематика затрагивается, она рассматривается исключительно в рамках климатических и экологических вопросов. Подтверждением этого выступают немногочисленные материалы, которые изучают опыт продвижения зелёной повестки в других странах: «Малый след, большая выгода. Климатическая программа финской социал-демократии»¹ и «План действий французских зелёных для Европы»².

Среди других форматов можно выделить уже закрытую образовательную программу «Развитие человеческого общества в век изменения климата: концепции, решения, неопределённости»³ и проект «Влияние зелёной экономики на рынок труда, трудовое право и специальную защиту частной жизни сотрудников и социальный диалог»⁴.

В то же время материалы самого *FES*, *во-первых*, всё так же отодвигают энергетику на второй план (уступая место разного рода социальным и социально-экономическим аспектам), а *во-вторых*, как и ранее в Польше, носят более безапелляционный характер. В публикации «Коммунальная экологическая политика» [Weige, 2019] упоминается региональное измерение и его важность с точки зрения усиления зелёного нарратива. В ней говорится о том, что успехи в реализации соответствующей политики на локальном уровне (в данном случае — в городах) будут способствовать не только её популяризации, но и формированию связей государственно-частного ха-

¹ Malá stopa, velký přínos. Klimatický program fi nské sociální demokracie // https://masarykovaakademie.cz/wp-content/uploads/200331_klimaprogram_SDP_web_sob_final.pdf, дата обращения 01.06.2022.

² Akční plán francouzských zelených pro Evropu. Výňatek z volebního manifestu strany Evropa ekologie — Zelení pro volby do Evropského parlamentu 2019 // https://masarykovaakademie.cz/wp-content/uploads/200331_Manifest_EL_web_sob_final.pdf, дата обращения 01.06.2022.

³ Rozvoj lidské společnosti ve století klimatické změny: koncepty, řešení a nejistoty // https://masarykovaakademie.cz/wp-content/uploads/201112_klima_program_a5_2020.pdf, дата обращения 01.06.2022.

⁴ Dopady zelené ekonomiky na trh práce, pracovněprávní a sociální ochranu, ochranu soukromí zaměstnanců a sociální dialog // <https://www.cmkos.cz/obsah/837/320a-2022-dopady-zelene-ekonomiky-na-trh-prace-pracovnepravni>, дата обращения 01.06.2022.

рактера. Кроме того, это сопровождается положениями о необходимости снижения энергопотребления и общей оптимизации.

В другом материале, «Новая модель роста для стран Центральной Европы» [Nový růstový..., 2021], данная тема затронута шире. Обозначается, что экономическое отставание государств региона сохраняется, но является не столь серьёзным и может быть сокращено, в т. ч. посредством перехода к зелёной энергетике. Цель же самого зелёного перехода состоит в разрыве связи между экономическим ростом и использованием «грязных» энерго-ресурсов, для чего необходимы не только меры государственной поддержки, но и общая мобилизация политических, финансовых и человеческих ресурсов. Констатируется также, что поддержка зелёной политики среди общественности продолжает расти, но она пока ещё не конвертировалась в политическую власть, которую всё ещё удерживают «незелёные» силы. Между странами же разногласия сосредоточены на темпах перехода и уровне перераспределения доходов и расходов.

Работа «Сохранение климата. Социально. Справедливо»¹, в свою очередь, носит скорее пропагандистский характер. В ней обосновывается важность зелёной энергетике, для чего, однако, используются социальные и в меньшей степени экономические и политические аргументы.

Деятельность немецких политических фондов в сфере энергетики в Венгрии

Деятельность фонда Аденауэра в Венгрии имеет много сходства с работой в ранее рассмотренных странах и особенностей. Следовательно, мы уже предварительно можем обозначить, что KAS, функционируя на основе некоторых непреложных положений, старается адаптироваться к условиям конкретного государства. Полностью же данный тезис будет раскрыт в заключительной части исследования.

Количественная и качественная характеристика партнёрских связей фонда во многом схожа с ситуацией в Польше. Венгерское подразделение сотрудничает с двадцатью форматами², которые можно разделить (в некоторых случаях условно) на четыре группы:

- аналитические и исследовательские организации. К ней относятся Фонд гражданской Венгрии, Институт иностранных дел и внешней экономики, фонд «Конец века» и институт «Точка зрения»;
- образовательные организации. Эта группа состоит из будапештского университета Андраши (AUB), образовательного центра Йоже-

¹ Chránit' klímu. Sociálne. Spravodlivo // <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/prag/17887.pdf>, дата обращения 01.06.2022.

² Partner // <https://www.kas.de/de/web/ungarn/partner>, дата обращения 01.06.2022.

фа Анталла, института Роберта Шумана, фонда Коллегии Матиаса Корвинуса (*МСС*) и его подразделений в лице Немецко-венгерского института, Университета государственного управления и Института германистики Университета Печа;

- гуманитарные организации. В неё входят Национальное самоуправление венгерских немцев, Ассоциация Ракоци, Национальный комитет памяти, Центральный офис школ за рубежом ФРГ, Немецко-венгерский молодёжный офис, *Centropa* и фонд «Грехи коммунизма»;
- организации иной направленности. В неё включены Венгерская ассоциация органов местного самоуправления и фонд Йозефа Каройи.

Таким образом, мы можем наблюдать серьёзное преобладание образовательных и гуманитарных форматов в структуре сотрудничества фонда Аденауэра в Венгрии. Это одна из характерных черт деятельности данного подразделения *KAS*, место которой в его общей работе будет рассмотрено позже. В свою очередь, связи самих его партнёров, во-первых, тесно переплетаются между собой, что позволяет говорить как минимум о сформированной структуре сети влияния, а во-вторых, в значительной степени ориентированы на венгерские частные и государственные акты. Подобные свойства были обозначены ранее при рассмотрении ситуации в Польше, с представителями которой у некоторых организаций из Венгрии также налажены партнёрские отношения. Ещё одним сходством между двумя странами является не столь большое количество контактов с «общеевропейскими» объединениями, ориентированными на ЕС. В качестве заметного отличия в то же время выступает сотрудничество многих из вышеуказанных форматов с фондом Зайдля (чаще всего в связке с *KAS*), которое, наоборот, чаще всего наблюдалось в Чехии.

Несмотря на то что по абсолютным значениям количество материалов и мероприятий, посвящённых энергетике (в т. ч. совместных проектов фонда Аденауэра и его партнёров в Венгрии), больше, нежели в других государствах, по относительным показателям эта тематика, как в Польше и Чехии, рассматривается не столь повсеместно. Говоря о непосредственных формах взаимодействия между *KAS* и венгерскими форматами, мы можем констатировать, что энергетические вопросы вновь рассматриваются лишь в том или ином контексте. «Польско-венгерский параметр 2017–2021», подготовленный совместно с институтом «Точка зрения», по форме во многом схож с аналогичными польскими публикациями (за исключением периодичности своего выпуска)¹. Согласно представленным в нём данным, энергетика является третьей по обсуждаемости в ФРГ и Венгрии темой. Кроме того, было

¹ Ungarisch-deutsches Barometer 2017-2021 // <https://www.kas.de/documents/264621/16298146/Ungarisch-deutsches+Barometer+2017-2021.pdf/4997be50-f2ea-4fd5-71ff-a6be002c3469?version=1.0&t=1642064377148>, дата обращения 01.06.2022.

выявлено, что венгерская молодёжь проявляет к ней больший интерес, чем старшее поколение, в то время как в немецком обществе подобных различий обнаружено не было.

Интерес вызывают и некоторые положения, обозначенные в ходе совместной конференции фонда Аденауэра и университета Андраши «V4 + Германия в диалоге»¹. Они, хотя и не затрагивают энергетическую сферу, опровергают предполагаемые лидерские устремления ФРГ и выдвигают на первый план формирование «чёткой европейской позиции». Здесь, однако, стоит отметить, что с учётом нынешних общих роли и влияния Германии в Европе выработка второго будет означать достижение первого. Среди совместных мероприятий также стоит упомянуть куда более ориентированный на энергетику проект «V4 + Германия. Реализация европейского зелёного курса: возможности и вызовы»². Проводимый совместно с KAS, Немецко-венгерским институтом, польским Институтом общественных дел и другими форматами, он делает акцент на взаимодействии между ФРГ и странами «четвёрки» на местном, национальном и наднациональном уровнях и, что важнее, на активном привлечении к этим процессам молодёжи.

В свою очередь, другие формы взаимодействия фонда Аденауэра (например, ежегодная Конференция по внешней политике и политике безопасности на платформе образовательного центра Йожефа Анталла)³ даже опосредованно не затрагивают энергетическую тематику.

Одновременно с этим в материалах партнёров KAS энергетика – впервые среди рассматриваемых стран – обозначается напрямую, вне климатических, экологических и иных рамок. Вместе с тем основная часть этих упоминаний приходится на аналитические, исследовательские и образовательные организации. В случае AUB данная область фигурирует в программе финансирования «Горизонт Европа»⁴, нескольких новостных материалах («Как наши политические системы и их недостатки вызывают отсутствие усилий по борьбе с изменением климата?»⁵ и «Энергетическая таксономия

¹ „V4 + Deutschland im Dialog“ – Konferenz der Andrassy Universität Budapest // <https://www.kas.de/de/web/ungarn/veranstaltungsberichte/detail/-/content/-v4-deutschland-im-dialog-konferenz-der-andrassy-universitaet-budapest>, дата обращения 01.06.2022.

² V4 + Germany // <https://www.andrassyuni.eu/projekt/v4-germany.html>, дата обращения 01.06.2022.

³ Foreign and Security Policy Conference Budapest 2021 // <https://ajtk.hu/en/programs/foreign-and-security-policy-conference-budapest-2021>, дата обращения 01.06.2022.

⁴ Forschungsförderung // <https://www.andrassyuni.eu/forschung/forschungsforderung.html#forderprogramme-horizon-europe>, дата обращения 01.06.2022.

⁵ How are our political systems and their deficits causing a lack of efforts to fight climate change? // <https://www.andrassyuni.eu/nachrichten/how-are-our-political-systems-and-their-deficits-causing-a-lack-of-efforts-to-fight-climate-change.html>, дата обращения 01.06.2022.

Европейского союза»¹) и мероприятиях («Зелёная трансформация Европы. Сможем ли мы победить жару и спасти нашу планету?»² и «Между зелёным курсом и «Северным потоком – 2»: геополитика энергетической безопасности Европы»³), а также в уже упомянутом выше проекте. Их общее содержание состоит в идеях о включении атомной энергии в зелёный курс, необходимости сохранения поставок российских энергоресурсов на этапе перехода к собственным мощностям и связи между «качеством демократии» и темпами продвижения зелёной повестки.

Образовательный центр Йозефа Анталла также занимается вопроса-ми энергетики, но, во-первых, только в рамках мероприятия, а во-вторых, крайне редко и с упором на иные регионы и сферы деятельности («Турция и геополитика энергетики»⁴, «Шок и потрясения: COVID-19 и нефтяной кризис»⁵, «Действия и политика зелёного развития: европейская и китайская точки зрения»⁶ и «Зелёная карьера»⁷). Организованная институтом Роберта Шумана онлайн-дискуссия «Европа: будущее без русской энергии» акцентировала внимание на отказе от энергоресурсов из РФ и «эффекте сплочённости» внутри Европейского союза от последующих за этим потерь.

Схожая по своему характеру риторика используется и Институтом иностранных дел и внешней экономики. Своё выражение она нашла в онлайн-дискуссии «Зелёная энергия в центре внимания: инвестиционные стимулы в Польше и Венгрии»⁸ и ряде публикаций – «Зелёное соглашение о новой повестке дня Еврокомиссии» [Huszár, 2020], «Развитие энер-

¹ The European Unions energy taxonomy saga. Beitrag vom AUB-Doktorand Rafal Fabianowicz im ECPR-Blog The Loop // <https://www.andrassyuni.eu/nachrichten/the-european-unions-energy-taxonomy-saga-beitrag-vom-aub-doktorand-rafal-fabianowicz-im-ecpr-blog-the-loop.html>, дата обращения 01.06.2022.

² Europes green transformation. Can we beat the heat and save our planet? // <https://www.andrassyuni.eu/veranstaltungen/europes-green-transformation-can-we-beat-the-heat-and-save-our-planet.html>, дата обращения 01.06.2022.

³ Zwischen Green Deal und Nord Stream II – Die Geopolitik der europäischen Energiesicherheit (Zoom) // <https://www.andrassyuni.eu/veranstaltungen/zwischen-green-deal-und-nord-stream-ii-die-geopolitik-der-europaischen-energiesicherheit-zoom.html>, дата обращения 01.06.2022.

⁴ Turkey and the Geopolitics of Energy // <https://ajtk.hu/en/programs/turkey-and-the-geopolitics-of-energy>, дата обращения 01.06.2022.

⁵ Shock and Turmoil: COVID-19 and the Oil Crisis // <https://ajtk.hu/en/programs/shock-and-turmoil-covid-19-and-the-oil-crisis>, дата обращения 01.06.2022.

⁶ Green Development Action and Policy: European and Chinese Perspectives <https://ajtk.hu/en/programs/green-development-action-and-policy-european-and-chinese-perspectives>, дата обращения 01.06.2022.

⁷ Green careers // <https://ajtk.hu/en/programs/green-careers>, дата обращения 01.06.2022.

⁸ Green energy in Focus – Investment incentives in Poland and Hungary // <https://kki.hu/event/green-energy-in-focus-investment-incentives-in-poland-and-hungary/>, дата обращения 01.06.2022.

гетической политики в Восточной Европе в конце 2019 г.» [Barabás, 2020], «Буря вокруг газопровода: геополитический контекст и текущие проблемы проекта газопровода «Северный поток – 2»» [Szőke, 2019] и «Возможности использования геотермальной энергии в Венгрии и Исландии» [Husztí, 2018]. В них зелёный переход обозначен в качестве пути к постковидному восстановлению, а также констатируются серьёзное влияние «Северного потока – 2» на страны ЦВЕ, сохранение российских поставок в качестве фактора нестабильности и возможность использования в Венгрии геотермальной энергии для снижения зависимости от «грязных» энергоресурсов.

Материалы оставшихся форматов имеют между собой как много общего, так и некоторые отличия. МСС и Немецко-венгерский институт затрагивают область энергетики в рамках Института климатической политики¹, проведённой на его платформе лекции о европейском энергетическом кризисе² и ряда публикаций: «Энергетическое эмбарго любой ценой? Перспективы из Венгрии» [Bence, 2022a], «Факты о Венгрии: энергетическая политика в Венгрии» [Csaplár, Rasthofer, 2022], «Первые 100 дней федерального правительства Германии: насколько хватит энергии?» [Bence, 2022b] и «Зелёная Германия: для кого это?» [Dörstelmann, 2021]. В них мы видим достаточно широкую критику многих положений, связанных с зелёным курсом: идеологической мотивированности решений ЕС, попыток вписаться в них путём поиска лазеек в ограничительных мерах и табуированности атомной энергии. Кроме того, заявляется, что доступ к газу и нефти из РФ должен быть сохранён до окончательного перехода на возобновляемые источники энергии.

В свою очередь, работы фонда «Конец века» также критикуют идею немедленного отказа от энергоресурсов из Российской Федерации и атомной энергии и форсированного перехода на «чистые» энергоресурсы. Однако публикации «Энергетическая политика левых приведёт к увеличению накладных расходов венгерских семей в среднем на 112 тыс. форинтов в марте»³, «В Европе растёт поддержка атомной энергии»⁴, «Европейцы отвергают предложение Брюсселя о налоге на выбросы углерода»⁵ и ежегодный

¹ Klímapolitikai Intézet // <https://mcc.hu/klimapolitikai-intezet>, дата обращения 01.06.2022.

² Nyersanyagstratégia nélkül nagy baj lesz // <https://mcc.hu/hir/nyersanyagstrategia-nelkul-nagy-baj-lesz>, дата обращения 01.06.2022.

³ A baloldal energiapolitikája átlagosan 112 ezer forinttal növelné a magyar családok márciusi rezsizsámláit // <https://szazadveg.hu/hu/2022/03/31/a-baloldal-energiapolitikaja-atlagosan-112-ezer-forinttal-novelne-a-magyar-csaladok-marciusi-rezsizsamlait~n2634>, дата обращения 01.06.2022.

⁴ Növekszik a nukleáris energia támogatottsága Európában // <https://szazadveg.hu/hu/2021/12/01/novekszik-a-nuklearis-energia-tamogatottsaga-europaban~n2177>, дата обращения 01.06.2022.

⁵ Az európaiak elutasítják Brüsszel lakossági karbonadó javaslatát // <https://szazadveg.hu/hu/2022/03/22/az-europaiak-elutasitjak-brusszel-lakossagi-karbonado-javaslatat~n2581>, дата обращения 01.06.2022.

опрос общественного мнения «Проект Европа»¹ имеют уже обратную, евроскептическую и правоконсервативную, идеологическую окраску.

Возвращаясь непосредственно к венгерскому подразделению *KAS*, мы можем увидеть, что, за исключением «Венгерско-немецкого барометра», основная часть его деятельности, которую можно так или иначе связать с энергетикой, сосредоточена на мероприятиях. Тем не менее и эта связь зачастую носит условный характер. Достаточно интересным является тот факт, что на основе высказанных идей данные дискуссии можно разделить на более проевропейские и более евроскептические.

С одной стороны, в ходе таких обсуждений, как «Будущее немецкой внешней политики»² и «Конференция о трансграничном сотрудничестве в Европе»³, обозначалась потребность в большей автономии Европейского союза внутри НАТО (пусть и с признанием безальтернативности Организации Североатлантического договора как таковой) и, хотя в более скрытой форме, продвигалась региональная составляющая.

С другой стороны, в ходе встреч «Консерватизм и будущее»⁴ и «После формирования правительства Германии: Венгрия в разговоре»⁵ были, по сути, сформированы «предложения-требования» по улучшению работы и состояния европейского сообщества. ЕС следует быть более гибким, а ФРГ – проявить больше понимания по отношению к позициям стран Центрально-Восточной Европы. Кроме того, на примере брексита аргументируется, что введение новых правил (т. е. расширение полномочий Европейского союза в тех сферах, где в этом нет необходимости) приводит к «разрушению европейского духа».

Несмотря на, казалось бы, очевидное противоречие продвигаемых нарративов, можно увидеть, что евроскептическая точка зрения не только носит более категоричный характер, но и исходя из конкретных положений не противоречит проевропейской позиции, высказываемой более осторожно.

¹ Európa Projekt // <https://szazadveg.hu/hu/europa-projekt>, дата обращения 01.06.2022.

² Die Zukunft der Deutschen Außenpolitik // <https://www.kas.de/de/web/ungarn/veranstaltungsberichte/detail/-/content/die-zukunft-der-deutschen-aussenpolitik>, дата обращения 01.06.2022.

³ Konferenz über grenzüberschreitende Zusammenarbeit in Europa // <https://www.kas.de/de/web/ungarn/veranstaltungsberichte/detail/-/content/konferenz-ueber-grenzueberschreitende-zusammenarbeit-in-europa>, дата обращения 01.06.2022.

⁴ Konservatismus und Zukunft // <https://www.kas.de/de/web/ungarn/veranstaltungsberichte/detail/-/content/vortrag-und-diskussion-mit-prof-dr-andreas-roedder-ueber-sein-neues-buch-konservatismus-21-0>, дата обращения 01.06.2022.

⁵ Nach den Regierungsbildungen – Deutschland und Ungarn im Gespräch // <https://www.kas.de/de/web/ungarn/veranstaltungsberichte/detail/-/content/nach-den-regierungsbildungen-deutschland-und-ungarn-im-gespraech>, дата обращения 01.06.2022.

* * *

Венгерское подразделение фонда Эберта функционирует во многом схожим с его коллегами из фонда Аденауэра образом. Здесь вновь можно увидеть большое количество материалов и мероприятий, затрагивающих энергетическую сферу, однако они все также не носят приоритетного характера.

FES в Венгрии не выделяет свои местные партнёрские организации напрямую. Если посмотреть на его непосредственную деятельность, то можно заметить, что наиболее часто упоминаемыми форматами являются две аналитические организации — «Политические решения» и «Политический капитал», а также образовательно-исследовательское издание «Новое равенство». Сотрудничество с другими объединениями носит, в свою очередь, эпизодический характер.

С учётом связей самих партнёрских организаций общий охват фонда Эберта заметно расширяется. Поскольку «Политические решения», помимо *FES*, сотрудничают только с Фондом европейских прогрессивных исследований¹, основную часть этого увеличения обеспечивают контакты двух остальных форматов. «Политический капитал» сотрудничает с большим количеством американских (Национальный фонд демократии, Атлантический совет), европейских (Центр европейской политики, Центр европейских исследований имени Уилфрида Мартенса) и других НКО, НПО и организаций аналитической, гуманитарной и образовательной направленности². Отдельно стоит выделить два ранее не упоминавшихся немецких политических фонда, с которыми также взаимодействует венгерское объединение. Ими являются Фонд Фридриха Науманна за свободу (ассоциирован со Свободной демократической партией Германии (СвДП)) и фонд Генриха Бёлля (ассоциирован с партией «Союз 90/Зелёные»). В то же время «Новое равенство» не только сотрудничает с целым рядом СМИ³, но и спонсируется в т. ч. венгерскими зелёными объединениями: фондом «Экополис» и Фондом возобновляемой Венгрии⁴.

Несмотря на то что «Политические решения» активно участвуют в работе фонда Эберта на венгерском направлении, энергетическая тематика в нём почти не затрагивается. Единственным исключением является исследование «Как много ЕС хотят венгры? Проевропейские и евроскептические позиции в Венгрии» [*How much EU...*, 2022]. В нём обозначается тенденция, которая, как мы могли убедиться на примере других стран, характерна для всего региона Центрально-Восточной Европы. Важность таких областей,

¹ Magunkról // <https://www.policysolutions.hu/hu/magunkrol>, дата обращения 01.06.2022.

² Partnerek és donorok // <https://www.politicalcapital.hu/partnereink.php>, дата обращения 01.06.2022.

³ Partnereink // <https://ujgyenloseg.hu/partnereink/>, дата обращения 01.06.2022.

⁴ Támogatóink // <https://ujgyenloseg.hu/tamogatoink/>, дата обращения 01.06.2022.

как окружающая среда и энергетическая политика, признаётся в первую очередь среди людей с более проевропейскими взглядами.

Чаше вопросы энергетики поднимаются в материалах «Политического капитала». В ходе панельной дискуссии «Народная власть против климатического кризиса»¹ основное внимание было сосредоточено на дальнейших мерах по борьбе с изменением климата со стороны ЕС, а также обеспечении доступа органов местного самоуправления к фондам Европейского союза. Также дополнительно стоит отметить, что она была проведена при поддержке фонда Бёлля. В свою очередь, в интервью с Элифом Гундузели «Что касается защиты климата, то даже в V4 всё быстро меняется» акцент в большей степени смещён в сторону Польши и Чехии². Тем не менее обозначается, что царившее ранее в странах «четвёрки» неприятие зелёного перехода как такового перетекло в обсуждение его стоимости, а Венгрия демонстрирует определённые успехи в реализации соответствующих шагов. Можно отметить и мнение Гундузели, согласно которому газ не является «переходным ресурсом» на пути к возобновляемой энергии.

Часть работ «Политического капитала» посвящена атомной энергии. В статье «Энергетическая безопасность V4: земля атомной энергетики и угля»³ вновь анализируются все страны вышеградской группы, а также выдвигается тезис о том, что сочетание газа и возобновляемых источников энергии позволит ЕС достичь идеального энергетического баланса. В отношении Венгрии имела место критика не только её пренебрежения к зелёной энергетике, но и её сотрудничества с Российской Федерацией в рамках проекта АЭС «Пакш-2», которое, как предполагают авторы, приведёт к энергетической и политической зависимости государства от РФ. Исходя из используемой риторики становится ясно, что основным раздражителем в этом случае является именно «русский фактор». Все эти моменты также нашли своё отражение в материале «Русское влияние в Венгрии: пример «Пакш-2» и влияние Кремля посредством атомной энергетики» [Istrate, 2021], который был разработан при поддержке ранее упомянутой организации «Европейские ценности». В нём в качестве причины роста влияния Российской Федерации в Венгрии, помимо упомянутого проекта и закупок газа из РФ, называется усиление авторитарных тенденций в венгерском руководстве.

«Новое равенство», в свою очередь, вообще не касается энергетической тематики в ходе своей работы. «Зелёное равенство» — подкаст, в рамках ко-

¹ People Power vs. the Climate Crisis // https://www.politicalcapital.hu/search.php?article_read=1&article_id=2906, дата обращения 01.06.2022.

² Elif Gunduzelyi: Regarding climate protection, things are changing quickly even in the V4 // https://www.politicalcapital.hu/search.php?article_read=1&article_id=2737, дата обращения 01.06.2022.

³ A V4 energiabiztonsága: a nukleáris energia és a szén földje // https://www.politicalcapital.hu/search.php?article_read=1&article_id=422, дата обращения 01.06.2022.

торого она могла рассматриваться с климатических и/или экологических позиций, скорее ориентирован на обсуждение более общих вопросов устойчивого развития¹. Следовательно, данное объединение затрагивает область энергетики исключительно в проектах фонда Эберта.

Переходя к деятельности самого *FES*, в качестве примера совместных материалов мы можем привести публикацию «Возможности зелёной левой политики в Венгрии» [*A zöld...*, 2020]. В ней обозначается, что, несмотря на крайне высокую степень поддержки зелёного перехода среди венгерского населения, оно пока не готово отказаться от использования «грязных» энергоресурсов. К этому добавляется и общая индифферентность к проблемам климата и экологии. Основная поддержка зелёного курса исходит от молодёжи и жителей городов, что вкупе с широкой популярностью идей государственного регулирования экономики, по мнению авторов, демонстрирует серьёзный потенциал взаимодействия зелёных и левых, прежде всего социал-демократов.

Схожие и смежные результаты демонстрируются в других работах отделения фонда Эберта в Венгрии. Выводы о том, что молодое поколение в наибольшей степени ориентировано на Европейский союз и опасается климатического кризиса, вместе с положениями о том, что повышенная тревожность наблюдается у людей с высшим образованием, содержатся в материале «Венгерская молодёжь — 2021: неудовлетворённость, поляризация, проевропейскость» [*Bíró-Nagy, Szabó, 2021*]. Критическая оценка нынешних действий Венгрии в энергетической сфере даётся в публикации «Новая модель роста в ЕС — ЦВЕ»², а также в ежегодном материале «Венгерская политика», а именно в его изданиях за 2017 г. [*Györi, 2017*], 2018 г. [*Györi, 2018*] и 2021 г. [*Györi, 2021*]. Обособленной в этом отношении является работа «Путь Будапешта в зелёное будущее» [*Ámon, Fülöp, 2021*]. Делая акцент на положительной динамике внедрения зелёных мер в венгерской столице, она предлагает и дальше следовать выбранному курсу посредством реформ транспортного сектора и предоставления дополнительных ресурсов местным органам власти.

Мероприятия фонда Эберта достаточно часто затрагивают энергетическую сферу. Представленные разного рода обсуждениями, они, однако, почти никогда не выходят за границы климатической и экологической тематик. В ходе дискуссий «Первый зелёный пикник профсоюзов»³, «Успешные экологические движения в ЕС: политическая идентичность зелёных

¹ Zöld Egyenlőség // <https://ujegyenloseg.hu/category/podcast/zold-egyenloseg/>, дата обращения 01.06.2022.

² Az EU-KKE új növekedési modellje // <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/budapest/17905.pdf>, дата обращения 01.06.2022.

³ Erstes grünes Gewerkschafts-Picknick // <https://budapest.fes.de/veranstaltung-detail/erstes-gruenes-gewerkschafts-picknick>, дата обращения 01.06.2022.

движений»¹, «Зелёная трансформация Европы. Можем ли мы победить жару и спасти нашу планету?»², «Глобальная климатическая справедливость»³, «Политика «арбуза»: насколько она популярна?»⁴ и «Энергетическое неравенство Европы»⁵ рассматривались различные теоретические и практические аспекты зелёной политики.

В свою очередь, во время онлайн-встречи «Суверенная Европа – миф или реальность?»⁶, помимо всего прочего, поднимались вопросы политики ЕС в области окружающей среды. Снова не был проигнорирован региональный аспект: обсуждение «Видение Европы: Европа граждан и регионов или Европа наций?»⁷ не только определяет эти два взгляда в качестве несовместимых, но и уже на уровне формулировок обозначает «правильность» именно первой точки зрения. Одновременно с этим во всех мероприятиях и в большинстве материалов *FES* делается акцент именно на общеевропейской составляющей, что, например, достаточно сильно контрастирует с ранее рассмотренной деятельностью фонда Аденауэра.

Заключение

В итоге мы можем сделать следующие выводы о работе немецких политических фондов в сфере энергетики в странах Центрально-Восточной Европы. Начиная с аспектов более общего характера, которые в т. ч. касаются и их деятельности в области энергетики, мы можем обозначить следующее. И фонд Аденауэра, и фонд Эберта в основном обладают сформированными и функционирующими сетями влияния, которые включают в себя аналитические, образовательные и гуманитарные форматы, а также контакты на государственном и частном уровнях. Вместе с тем более национально-ори-

¹ Erfolgreiche Umweltbewegungen in der EU – Politische Identität der grünen Bewegungen // <https://budapest.fes.de/veranstaltung-detail/erfolgreiche-umweltbewegungen-in-der-eu-politische-identitaet-der-gruenen-bewegungen>, дата обращения 01.06.2022.

² Europe's green transformation – Can we beat the heat and save our planet? // <https://budapest.fes.de/veranstaltung-detail/europes-green-transformation-can-we-beat-the-heat-and-save-our-planet>, дата обращения 01.06.2022.

³ Global climatic justice // <https://budapest.fes.de/veranstaltung-detail/global-climatic-justice>, дата обращения 01.06.2022.

⁴ The Politics of "Watermelon": How Popular is it // <https://budapest.fes.de/veranstaltung-detail/the-politics-of-watermelon-how-popular-is-it>, дата обращения 01.06.2022.

⁵ Europe's energy inequalities // <https://budapest.fes.de/veranstaltung-detail/europes-energy-inequalities>, дата обращения 01.06.2022.

⁶ A sovereign Europe – Fiction or reality? // <https://budapest.fes.de/veranstaltung-detail/a-sovereign-europe-fiction-or-reality>, дата обращения 01.06.2022.

⁷ Visions for Europe: "Europe of Citizens and Regions or Europe of Nations?" // <https://budapest.fes.de/veranstaltung-detail/visions-for-europe-europe-of-citizens-and-regions-or-europe-of-nations>, дата обращения 01.06.2022.

ентированный *KAS* в общем и целом ведёт в ЦВЕ более активную деятельность, нежели более европоориентированный *FES*. Само собой, это не в последнюю очередь обусловлено тем, что организации, аффилированной с правоцентристской ХДС, куда проще наладить свою работу в странах, в которых на сегодняшний день доминируют правоконсервативные партии, нежели организации, связанной с социал-демократами.

В тех же случаях, когда у немецких фондов возникает необходимость в перераспределении своих ресурсов на работу в более приоритетных государствах (о чём будет подробно сказано ниже), они используют другие, идеологически близкие, но менее влиятельные политические фонды для сохранения уже достигнутых ими успехов. Ярче всего этот момент проявляется на примере фондов Аденауэра и Зайдля, особенно в Чехии. В куда менее заметной степени этот метод использует и фонд Эберта, применяющий для этих целей фонды Бёлля и Науманна.

Нельзя проигнорировать и изредка упоминавшийся региональный аспект. Его можно рассматривать в качестве осторожных попыток продвижения концепции «Европы регионов». Она представляет собой идею налаживания прямых связей и взаимодействия между Европейским союзом и регионами его стран-участниц, тем самым позволяя игнорировать до того обязательного посредника в лице национальных правительств и ослабляя их роль в процессе принятия решений на уровне ЕС.

В свою очередь, если говорить об особенностях деятельности *KAS* и *FES* в конкретных государствах, то можно выделить следующие характерные черты. В Польше имеет место, во-первых, сотрудничество с католическими и смежными объединениями, а во-вторых, увязывание основного нарратива с идеей евро-атлантического единства. На чешском направлении активнее всего продвигается «общиноевропейская» повестка.

В Венгрии, в свою очередь, наблюдается менее однозначная обстановка. Наряду с достаточно сильной критикой нынешнего состояния ЕС в ней отсутствуют другие, достаточно сильные настроения, которые могли бы использоваться немецкими форматами по примеру евроатлантизма в Польше. В результате фонды вынуждены концентрироваться на взаимодействии с образовательными и гуманитарными организациями, тем самым формируя общественное мнение, особенно среди молодёжи, и закладывая фундамент для будущего роста пронемецких и/или проевропейских настроений. Кроме того, деятельность фондов Аденауэра и Эберта и их партнёров в Венгрии куда чаще носит ту или иную идеологическую окраску, а также в значительной мере концентрируется на венгерских национальных интересах. В отличие от той же Польши, обозначается это открыто.

Что касается непосредственно энергетической тематики, то она не является приоритетным направлением работы *KAS* и *FES* и сотрудничающих с ними организаций и рассматривается преимущественно в рамках клима-

тических и экологических вопросов. Помимо этого, польские, чешские и венгерские партнёры немецких политических фондов затрагивают сферу энергетики либо чаще последних, либо наравне с ними, что позволяет говорить о том, что основная часть соответствующих работ осуществляется посредством местных объединений.

В тех же случаях, когда данные вопросы всё же затрагиваются фондами Аденауэра и Эберта, можно увидеть определённые различия между их подходами. В то время как первый рассматривает данную тематику преимущественно в контексте международных отношений, второй делает акцент на ней как показателе внутристранового развития, климатической сознательности и общеевропейской солидарности. *KAS*, в материалах и мероприятиях которого идеологическая составляющая скрыта или находится на втором плане, демонстрирует в них более выраженную склонность к компромиссным вариантам касательно использования газа и атомной энергии в качестве переходной ступени к зелёной энергетике. Аналогичную гибкость зачастую нельзя обнаружить у *FES*, который сотрудничает с различными зелёными объединениями, занимает более непримиримую позицию и является в среднем более идеологически мотивированным.

Таким образом, исходя из общего масштаба деятельности немецких политических фондов в странах Центрально-Восточной Европы и места энергетической тематики в её рамках, мы можем определить, что для первых наиболее приоритетными государствами являются Польша и Венгрия. Чехия, в свою очередь, рассматривается как направление, на котором уже достигнуты краткосрочные цели и задачи по обеспечению национальных интересов ФРГ, в т. ч. области энергетики. Однако нераскрытыми остаются причины подобного распределения.

На основе вышеизложенного материала мы можем выделить два критерия, на основе которых немецкими политическими фондами определяется приоритетность работы в той или иной стране. Ими являются, во-первых, перспективность государства в плане продвижения повестки европейского сотрудничества (в её «общеевропейском» или национальном варианте), под которым в первую очередь понимается сближение с Германией, и его стратегическая важность для самой ФРГ. Эти критерии могут применяться к любой сфере, включая энергетическую.

Рассматривая активность фондов Аденауэра и Эберта с этих позиций, мы вполне легко можем обозначить основные предпосылки столь пристального внимания с их стороны в отношении Польши и Венгрии. Как мы указали в самом начале исследования, помимо общего влияния этих стран на формирование повестки дня в регионе ЦВЕ, на их территории расположены наиболее крупные объекты энергетической инфраструктуры (нефте- и газопроводы), соединяющие государства Европейского союза с Российской Федерацией, их основным поставщиком энергоресурсов. Конкретно для

Германии они представляют важность не только в качестве возможности доступа к российским нефти и газу, но и как инструмент поддержания статус-кво, сложившегося после 1991 г., и его медленной, но постепенной адаптации к немецким национальным интересам.

Возвращаясь к упомянутым ранее критериям, мы, таким образом, видим, что Польша и Венгрия имеют средний потенциал в плане продвижения европейской повестки, что не в последнюю очередь связано с особенностями продвижения соответствующих нарративов в данных странах. Со стратегической же точки зрения они представляют немалую важность не только сами по себе, но и как «точки входа» на постсоветское пространство, прежде всего в Белоруссию и на Украину. Соответственно, активная деятельность *KAS* и *FES* в этих государствах более чем обусловлена.

Иным образом обстоит ситуация с Чехией. Она уже является одной из наиболее проевропейских стран вышеградской группы и не только находится в фарватере энергетической политики ЕС, но и не обладает ни ныне существующими, ни потенциальными возможностями повлиять на неё. Это и обуславливает характер деятельности немецких политических фондов в области энергетики на чешском направлении, состоящий в поддержании накопленного влияния без его дальнейшего увеличения. Кроме того, в средне- и долгосрочной перспективах можно говорить о создании предпосылок для оказания через Чехию воздействия на более евроскептических членов *V4* с её последующим фактическим «выбиванием» из деятельности «четвёрки». В пользу данной версии говорит и то, что подобный трюк с нейтралитетом неоднократно и успешно применялся и применяется европейским сообществом, включая ФРГ, во внешней политике.

Следовательно, мы приходим к заключительным и наиболее важным результатам данного исследования. Идеи, продвигаемые фондами Аденауэра и Эберта и их партнёрами в Центрально-Восточной Европе в сфере энергетики, несмотря на свои формальные и содержательные различия, сосредоточены на максимальной политизации вопросов, связанных с этой областью. Используя сформированные на протяжении многих лет сети влияния и контакты с представителями самых разных сфер, они продвигают два главных и взаимосвязанных нарратива. Первый из них сконцентрирован на необходимости дальнейших усилий по переходу на возобновляемые источники энергии. Он скорее обращён на положение внутри стран, а его реализация осуществляется в первую очередь силами *FES*. Второй же нарратив представлен необходимостью обеспечения энергетической независимости и энергетической безопасности Европейского союза в целом и всех его членов в частности. Он, наоборот, обращён вовне (прежде всего против РФ), а его продвижением в основном занимается *KAS*.

Успешность же деятельности немецких политических фондов в этой связи можно оценить, во-первых, по той поддержке, которую имеют вво-

димые с начала 2022 г. новые ограничительные меры против Российской Федерации среди стран ЦВЕ, в том числе в энергетической области, а во-вторых, по отсутствию сколь-либо консолидированных и влиятельных акторов, представляющих кардинально иную позицию. Кроме того, представление на одном из мероприятий фонда Эберта польского плана *PEP2040*, который был впоследствии принят на государственном уровне, является наиболее ярким показателем степени влияния фондов на принятие тех или иных решений в сфере энергетики. Несмотря на периодически возникающие возражения отдельных акторов и вне зависимости от сценария дальнейшего развития нынешних событий, можно ожидать продолжения политизации энергетической области со стороны немецких политических фондов и, как следствие, ослабления позиций тех государств, которые сохраняют приверженность неполитическому характеру своей деятельности в сфере энергетики.

Список литературы

Polityka energetyczna Polski do 2040 r. // <https://www.gov.pl/web/klimat/polityka-energetyczna-polski>, дата обращения 01.06.2022.

Czech Journal of Political Science // <https://www.politologickycasopis.cz/en/archive/2022/1/>, дата обращения 01.06.2022.

Elif Gunduzeli: Regarding climate protection, things are changing quickly even in the V4 // https://www.politicalcapital.hu/search.php?article_read=1&article_id=2737, дата обращения 01.06.2022.

European Green Path – the Future of the Czech Republic? // https://en.ikdp.cz/wp-content/uploads/sites/2/2020/09/European-Green-Path_EN.pdf, дата обращения 01.06.2022.

Europes green transformation. Can we beat the heat and save our planet? // <https://www.andrassyuni.eu/veranstaltungen/europes-green-transformation-can-we-beat-the-heat-and-save-our-planet.html>, дата обращения 01.06.2022.

Green energy in Focus – Investment incentives in Poland and Hungary // <https://kki.hu/event/green-energy-in-focus-investment-incentives-in-poland-and-hungary/>, дата обращения 01.06.2022.

How are our political systems and their deficits causing a lack of efforts to fight climate change? // <https://www.andrassyuni.eu/nachrichten/how-are-our-political-systems-and-their-deficits-causing-a-lack-of-efforts-to-fight-climate-change.html>, дата обращения 01.06.2022.

People Power vs. the Climate Crisis // https://www.politicalcapital.hu/search.php?article_read=1&article_id=2906, дата обращения 01.06.2022.

The European Unions energy taxonomy saga. Beitrag vom AUB-Doktorand Rafal Fabianowicz im ECPR-Blog The Loop // <https://www.andrassyuni.eu/nachrichten/the-european-unions-energy-taxonomy-saga-beitrag-vom-aub-doktorand-rafal-fabianowicz-im-ecpr-blog-the-loop.html>, дата обращения 01.06.2022.

V4 + Germany // <https://www.andrassyuni.eu/projekt/v4-germany.html>, дата обращения 01.06.2022.

Visions for Europe: “Europe of Citizens and Regions or Europe of Nations?” // <https://budapest.fes.de/veranstaltung-detail/visions-for-europe-europe-of-citizens-and-regions-or-europe-of-nations>, дата обращения 01.06.2022.

A V4 energiabiztonsága: a nukleáris energia és a szén földje // https://www.politicalcapital.hu/search.php?article_read=1&article_id=422, дата обращения 01.06.2022.

Czy możliwa jest eko-Rzeczpospolita? // https://www.batory.org.pl/wp-content/uploads/2021/10/Czy.mozliwa.jest_.eko_Rzeczpospolita.pdf, дата обращения 01.06.2022.

Nový růstový model pro střední Evropu // <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/prag/18317-20211026.pdf>, дата обращения 01.06.2022.

Nyersanyagstratégia nélkül nagy baj lesz // <https://mcc.hu/hir/nyersanyagstrategia-nelkul-nagy-baj-lesz>, дата обращения 01.06.2022.

Partner // <https://www.kas.de/de/web/polen/partner>, дата обращения 01.06.2022.

Partner // <https://www.kas.de/de/web/tschechien/partner>, дата обращения 01.06.2022.

Partner // <https://www.kas.de/de/web/ungarn/partner>, дата обращения 01.06.2022.

Ungarisch-deutsches Barometer 2017–2021 // <https://www.kas.de/documents/264621/16298146/Ungarisch-deutsches+Barometer+2017-2021.pdf/4997be50-f2ea-4fd5-71ff-a6be002c3469?version=1.0&t=1642064377148>, дата обращения 01.06.2022.

Unia energetyczna – solidarna i niezależna Europa // <https://www.kas.de/documents/279510/5413037/Unia+Energetyczna.pdf/0fe48e31-e639-c013-3262-86639bb07826?version=1.0&t=1561647265725>, дата обращения 01.06.2022.

V4 + Deutschland im Dialog – Konferenz der Andrassy Universität Budapest // <https://www.kas.de/de/web/ungarn/veranstaltungsberichte/detail/-/content/-v4-deutschland-im-dialog-konferenz-der-andrassy-universitaet-budapest>, дата обращения 01.06.2022.

Veranstaltungsbericht zur Diskussion „Die Gewerkschaften und Energiepolitik: deutsche und polnische Erfahrungen. Zwei Länder, zwei Visionen – ein gemeinsames Ziel“ // <https://polska.fes.de/e/veranstaltungsbericht-zur-diskussion-die-gewerkschaften-und-energiepolitik-deutsche-und-polnische-erfahrungen-zwei-laender-zwei-visionen-ein-gemeinsames-ziel>, дата обращения 01.06.2022.

Zelená dohoda pro Evropu a střední třída // <https://top-az.eu/wp-content/uploads/2021/09/zelena-dohoda-pro-evropu-WEB.pdf>, дата обращения 01.06.2022.

Zwischen Green Deal und Nord Stream II – Die Geopolitik der europäischen Energiesicherheit (Zoom) // <https://www.andrassyuni.eu/veranstaltungen/zwischen-green-deal-und-nord-stream-ii-die-geopolitik-der-europaischen-energiesicherheit-zoom.html>, дата обращения 01.06.2022.

Balcer A., Blusz K., Schmiege E., 2018. Germany, Poland and the future of transatlantic community // https://www.kas.de/documents/252038/253252/7_dokument_dok_pdf_52983_1.pdf/1284bc5c-5d7c-6a7e-cee6-af229f756297?version=1.0&t=1539647233918, дата обращения 01.06.2022.

Bíró-Nagy A., Szászi Á., Varga A., 2022. How much EU do Hungarians want? Pro-EU and Eurosceptic attitudes in Hungary // https://www.policysolutions.hu/userfiles/Policy_Solutions_How_much_EU_do_Hungarians_want_EN_summary.pdf, дата обращения 01.06.2022.

Borčany V., Dostál V., 2018. Agenda for Czech Foreign Policy 2018 // https://www.amo.cz/wp-content/uploads/2019/01/Amo_EN_web.pdf, дата обращения 01.06.2022.

Borčany V., Janebová P., 2019. Agenda for Czech Foreign Policy 2019 // https://www.amo.cz/wp-content/uploads/2019/12/agenda2019_ENG_final.pdf, дата обращения 01.06.2022.

Březovská R., 2022. Worth high-quality EU-wide citizens' panels: The upfront case for (climate) change // https://www.amo.cz/wp-content/uploads/2022/05/AMO_Worth_high%E2%80%93quality_EU-wide_citizens_panels_The_upfront_case_for_climate_change.pdf, дата обращения 01.06.2022.

Dostál V., Havlíček P., Janebová P., 2020. Agenda for Czech Foreign Policy 2020 // https://www.amo.cz/wp-content/uploads/2020/09/agenda2020_ENG.pdf, дата обращения 01.06.2022.

Dostál V., Végh Z., 2017. Trends of Visegrad European Policy // https://www.kas.de/c/document_library/get_file?uuid=7284c822-fdb1-ba52-3c58-d75dbb89dad0&groupId=252038, дата обращения 01.06.2022.

Fuchsová A., Janebová P., 2020. An East-West divide in the European Union? Analysis of selected policy areas // https://www.amo.cz/wp-content/uploads/2020/11/AMO-KAS_East-West-divide_paper.pdf, дата обращения 01.06.2022.

Györi G., 2017. Hungarian Politics in 2017 // <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/budapest/14032.pdf>, дата обращения 01.06.2022.

Györi G., 2018. Hungarian Politics in 2018 // <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/budapest/15092.pdf>, дата обращения 01.06.2022.

Györi G., 2021. Hungarian Politics in 2021 // <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/budapest/18772.pdf>, дата обращения 01.06.2022.

Havlíček P., 2022. Czech-Russian Escalation as a Case of Deeper EU-Russia Crisis: Time for a United and Credible Action <https://www.amo.cz/wp-content/uploads/2022/01/pavel-havlicek.pdf>, дата обращения 01.06.2022.

Havlíček P., Lang K.-O., 2022. Czech–German Dialogue on Russia: In Need of Reinforced Cooperation // https://www.amo.cz/wp-content/uploads/2022/04/AMO_Czech-German_Dialogue_on_Russia.pdf, дата обращения 01.06.2022.

Istrate D., 2021. Russian influence in Hungary: The case of Paks 2 and the Kremlin's influence – seeking efforts through nuclear energy // https://www.politicalcapital.hu/wp-admin/source/documents/PC_EVC_Paks2_Report_210323.pdf, дата обращения 01.06.2022.

Janebová P., Dostál V., Havlíček P., 2021. Agenda for Czech Foreign Policy 2021 // https://www.amo.cz/wp-content/uploads/2021/11/AMO_Agenda_2021_EN.pdf, дата обращения 01.06.2022

Janebová P., Véghe Z., 2019. Trends of Visegrad Foreign Policy // <https://www.kas.de/documents/268176/7349152/Trends+of+Visegrad+Foreign+Policy+2019.pdf/512fe9ca-0a3b-2c15-ed67-23f527bd1938?version=1.1&t=1571833439839>, дата обращения 01.06.2022.

Janebová P., Véghe Z., 2021. Trends of Visegrad European Policy // <https://www.kas.de/documents/268176/15193537/Trends+of+Visegrad+European+Policy+2021.pdf/fea8ba93-6b25-98ac-a2b7-b257d7c6c471?version=1.0&t=1638458571388>, дата обращения 01.06.2022.

Kucharczyk J., 2021. Respect the past but look towards the future. Polish, French and German perceptions of the Weimar Triangle and its role in the EU // <https://www.isp.org.pl/pl/publikacje/respect-the-past-but-look-towards-the-future-polish-french-and-german-perceptions-of-the-weimar-triangle-and-its-role-in-the-eu-1186>, дата обращения 01.06.2022.

Przybyło P., 2019. The real financial cost of NORD Stream 2. Economic sensitivity analysis of the alternatives to the offshore pipeline // https://pulaski.pl/wp-content/uploads/2019/05/Raport_NordStream_TS.pdf, дата обращения 01.06.2022.

Przybyło P., 2020. The last oil peak in the history of the world – geopolitical, sociological, and economic factors that shape the future of the Energy sector // <https://pulaski.pl/en/18699-2/>, дата обращения 01.06.2022.

Wientzek O., Rieck C. E., 2018. Brussels' new telephone number? – How a European Security Council could strengthen EU foreign policy // https://www.kas.de/documents/252038/253252/7_dokument_dok_pdf_53537_2.pdf/c02761f3-40a6-3f41-5855-3b158dbab5a4?version=1.0&t=1539646981687, дата обращения 01.06.2022.

Ámon A., Fülöp O., 2021. Budapests Weg in eine grüne Zukunft // <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/budapest/17880.pdf>, дата обращения 01.06.2022.

Barabás T. J., 2020. 2019 végének kelet-európai energiapolitikai fejleményei // https://kki.hu/wp-content/uploads/2020/02/13_KKI-elemzes_EE_Energy_Barabas_20200205.pdf, дата обращения 01.06.2022.

Vence B., 2022a. Energieembargo um jeden Preis? Perspektiven aus Ungarn // <https://magyarnemetintezet.hu/de/forschung/energieembargo-um-jeden-preis-perspektiven-aus-ungarn>, дата обращения 01.06.2022.

Bence B., 2022b. Die ersten 100 Tage der deutschen Bundesregierung: Wie lange reicht die Energie? // <https://magyarnemetintezet.hu/de/forschung/die-ersten-100-tage-der-deutschen-bundesregierung-wie-lange-reicht-die-energie>, дата обращения 01.06.2022.

Bendyk E., 2021. W stronę Eko-Rzeczpospolitej. Zielona transformacja i przyszłość demokracji // <https://www.batory.org.pl/wp-content/uploads/2021/07/W-strone-Eko-Rzeczpospolitej.pdf>, дата обращения 01.06.2022.

Beribes A., 2021. Die Missverständenen? Die Visegrád-Staaten und die Konferenz zur Zukunft Europas // <https://www.kas.de/documents/268176/13453828/Die+Visegr%C3%A1d-Staaten+und+die+Konferenz+zur+Zukunft+Europas.pdf/98d4aa1a-60bd-e7e4-c6ae-6d35ba44c49b?version=1.1&t=1625238755712>, дата обращения 01.06.2022.

Bíró-Nagy A., Laki G., Szászi Á., 2020. A zöld baloldali politika lehetőségei Magyarországon // <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/budapest/16636.pdf>, дата обращения 01.06.2022.

Bíró-Nagy A., Szabó A., 2021. Magyar fiatalok 2021 – Elégedetlenség, EU-pártiság // <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/budapest/18607.pdf>, дата обращения 01.06.2022.

Csaplár T., Rasthofer A., 2022. Faktenwissen Ungarn: Energiepolitik in Ungarn // <https://magyarnemetintezet.hu/de/forschung/faktenwissen-ungarn-energiepolitik-in-ungarn-1>, дата обращения 01.06.2022.

Dörstelmann F., 2021. Grünes Deutschland – Für wen ist alles drin? // <https://magyarnemetintezet.hu/de/forschung/grunes-deutschland-fur-wen-ist-alles-drin>, дата обращения 01.06.2022.

Gregosz D., Lemmen D. J., 2021. Raus aus der Kohle, rein ins Nuklearzeitalter? // <https://www.kas.de/documents/252038/10987758/Polens+Einstieg+in+die+Kernkraft+entscheidet+sich+m%C3%B6glicherweise+in+den+n%C3%A4chsten+Monaten.pdf/8f578973-5e6d-db76-a721-976b44b7a49a?version=1.0&t=1619518234622>, дата обращения 01.06.2022.

Huszár A., 2020. Zöld Megállapodás az Európai Bizottság új agendáján // https://kki.hu/wp-content/uploads/2020/07/E-2020_65_zold.pdf, дата обращения 01.06.2022.

Huszi V., 2018. A geotermikus energia hasznosítási lehetőségei Magyarországon és Izlandon // https://kki.hu/assets/upload/27_KKI-elemzes_HU_ISL_Huszi_20180815.pdf, дата обращения 01.06.2022.

Kucharczyk J., Łada-Konefal A., 2022. Polacy i Niemcy o rosyjskiej agresji na Ukrainę. Barometr Polska-Niemcy 2022 (wydanie specjalne) // <https://www.isp.org.pl/pl/publikacje/polacy-i-niemcy-o-rosyjskiej-agresji-na-ukraine-barometr-polska-niemcy-2022-wydanie-specjalne>, дата обращения 01.06.2022.

Majmurek J., 2022. Polskie embargo na surowce z Rosji to krok w dobrą stronę, ale to wciąż za mało // <https://krytykapolityczna.pl/gospodarka/embargo-na-surowce-z-rosji/>, дата обращения 01.06.2022.

Palata L., 2021. V4 potrebuje jit k Zelené dohodě svým tempem i stylem // https://top-az.eu/wp-content/uploads/2021/07/PP-Palata_po-kor.-1.pdf, дата обращения 01.06.2022.

Pöttering H.-G., 2017. Mut zur Gestaltung: Impulse für eine starke und zukunftsfähige Europäische Union // https://www.kas.de/documents/252038/253252/7_dokument_dok_pdf_50608_1.pdf/1cfd69ed-8796-659b-e516-9993e18c1b34?version=1.0&t=1539648362792, дата обращения 01.06.2022.

Smoleńska A., Buras P., Ananicz S., 2021. Nowy rozdział. Transformacja Unii Europejskiej a Polska // https://www.batory.org.pl/wp-content/uploads/2021/04/Nowy-rozdzial_Transformacja-UE-a-Polska.pdf, дата обращения 01.06.2022.

Stainforth T., Gore T., Urios Culiñez J., 2021. The socioeconomic impacts of renewable energy in EU regions // <https://www.amo.cz/wp-content/uploads/2021/12/5b454d4c4e7808f3d95464dabe24374a.pdf>, дата обращения 01.06.2022.

Szóke D., 2019. Vihar egy vezetőék körül – Az Északi Áramlat 2 gázvezetékprojekt geopolitikai összefüggései és aktualitásai // https://kki.hu/wp-content/uploads/2019/06/28_KKI-elemzes_NS2_Szoke_20190611.pdf, дата обращения 01.06.2022.

Tungul L., 2021. Nastupující systémové změny domácí a zahraniční politiky. Pravicová řešení politických výzev pro rok 2022 // <https://top-az.eu/wp-content/uploads/2021/10/topaz-2022-WEB.pdf>, дата обращения 01.06.2022.

Welge A., 2019. Komunální politika životního prostředí // <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/prag/15900.pdf>, дата обращения 01.06.2022.

Wójcik P., 2022. Czas pożegnać się z Rosją. Na dobre // <https://krytykapolityczna.pl/gospodarka/czas-pozegnac-sie-z-rosja-na-dobre/>, дата обращения 01.06.2022.

VYSHEGORODTSEV Daniil D., Researcher at the Department of Economic Research of the Institute of CIS.

Address: Russian Federation, Moscow, 119180, Bolshaya Polyanka str., 7/10, build. 3.

E-mail: hightownhochstadt@mail.ru

SPIN-code: 2257-4189

GERMAN POLITICAL FOUNDATIONS AS AN INSTRUMENT OF GERMANY'S ENERGY POLICY IN CENTRAL-EASTERN EUROPE

DOI: 10.48137/2687-0703_2022_18_2_80

Received: 06.06.2022.

For citation: *Vyshegorodtsev D. D.*, 2021. German political foundations as an instrument of Germany's energy policy in Central-Eastern Europe – *Geoeconomics of Energetics*. № 2 (18). P. 80–119. DOI: 10.48137/2687-0703_2022_18_2_80

Keywords: Germany, energy, political foundations, Adenauer Foundation, Ebert Foundation, Central-Eastern Europe, Poland, Czech Republic, Hungary, green energy.

Abstract

This article is dedicated to the study of the role of German political foundations in the framework of the energy policy of the Federal Republic of Germany (FRG) in Central and Eastern Europe. The activities of German political foundations and their local partners in the energy field in Poland, the Czech Republic and Hungary are analyzed using the examples of the Konrad-Adenauer and Friedrich-Ebert foundations. It was found that Germany's interests in the energy sector are focused on intensifying efforts to switch to renewable energy sources and ensure energy independence and security. In practical terms, this is expressed in the politicization of all energy-connected issues.

The author concludes that the German political foundations are quite effective in promoting the mentioned national interests of the FRG in the relevant area at the private and state levels. This is due to their many years of work on building a "influence networks", adapting their main narratives to the vision and interests of specific countries without losing their original content and competent prioritization and distribution of available resources. The most active work is being carried out in Poland and Hungary, both in countries of particular importance for Germany as "access points" to the post-Soviet space, as well as in terms of the location of the main part of oil and gas pipelines from the Russian Federation on their territory. In the Czech Republic the main emphasis is made on maintaining the current level of Germany's influence with the possibility of separating the country from the Visegrad Group format in the medium-long term.

References

Polityka energetyczna Polski do 2040 r. // <https://www.gov.pl/web/klimat/polityka-energetyczna-polski>, accessed 01.06.2022. (In Pol.)

Czech Journal of Political Science // <https://www.politologickycasopis.cz/en/archive/2022/1/>, accessed 01.06.2022. (In Eng.)

Elif Gunduzelyi: Regarding climate protection, things are changing quickly even in the V4 // https://www.politicalcapital.hu/search.php?article_read=1&article_id=2737, accessed 01.06.2022. (In Eng.)

European Green Path – the Future of the Czech Republic? // https://en.ikdp.cz/wp-content/uploads/sites/2/2020/09/European-Green-Path_EN.pdf, accessed 01.06.2022. (In Eng.)

Europes green transformation. Can we beat the heat and save our planet? // <https://www.andrassyuni.eu/veranstaltungen/europes-green-transformation-can-we-beat-the-heat-and-save-our-planet.html>, accessed 01.06.2022. (In Eng.)

Green energy in Focus – Investment incentives in Poland and Hungary // <https://kki.hu/event/green-energy-in-focus-investment-incentives-in-poland-and-hungary/>, accessed 01.06.2022. (In Eng.)

How are our political systems and their deficits causing a lack of efforts to fight climate change? // <https://www.andrassyuni.eu/nachrichten/how-are-our-political-systems-and-their-deficits-causing-a-lack-of-efforts-to-fight-climate-change.html>, accessed 01.06.2022. (In Eng.)

People Power vs. the Climate Crisis // https://www.politicalcapital.hu/search.php?article_read=1&article_id=2906, accessed 01.06.2022. (In Eng.)

The European Unions energy taxonomy saga. Beitrag vom AUB-Doktorand Rafal Fabianowicz im ECPR-Blog The Loop // <https://www.andrassyuni.eu/nachrichten/the-european-unions-energy-taxonomy-saga-beitrag-vom-aub-doktorand-rafal-fabianowicz-im-ecpr-blog-the-loop.html>, accessed 01.06.2022. (In Eng.)

V4 + Germany // <https://www.andrassyuni.eu/projekt/v4-germany.html>, accessed 01.06.2022. (In Eng.)

Visions for Europe: “Europe of Citizens and Regions or Europe of Nations?” // <https://budapest.fes.de/veranstaltung-detail/visions-for-europe-europe-of-citizens-and-regions-or-europe-of-nations>, accessed 01.06.2022. (In Eng.)

A V4 energiabiztonsága: a nukleáris energia és a szén földje // https://www.politicalcapital.hu/search.php?article_read=1&article_id=422, accessed 01.06.2022. (In Hung.)

Czy możliwa jest eko-Rzeczpospolita? // https://www.batory.org.pl/wp-content/uploads/2021/10/Czy.możliwa.jest_eko_Rzeczpospolita.pdf, accessed 01.06.2022. (In Pol.)

Nový růstový model pro střední Evropu // <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/prag/18317-20211026.pdf>, accessed 01.06.2022. (In Czech.)

Nyersanyagstratégia nélkül nagy baj lesz // <https://mcc.hu/hir/nyersanyagstrategia-nelkul-nagy-baj-lesz>, accessed 01.06.2022. (In Hung.)

Partner // <https://www.kas.de/de/web/polen/partner>, accessed 01.06.2022. (In Germ.)

Partner // <https://www.kas.de/de/web/tschechien/partner>, accessed 01.06.2022. (In Germ.)

Partner // <https://www.kas.de/de/web/ungarn/partner>, accessed 01.06.2022. (In Germ.)

Ungarisch-deutsches Barometer 2017–2021 // <https://www.kas.de/documents/264621/16298146/Ungarisch-deutsches+Barometer+2017-2021.pdf/4997be50-f2ea-4fd5-71ff-a6be002c3469?version=1.0&t=1642064377148>, accessed 01.06.2022. (In Germ.)

Unia energetyczna – solidarna i niezależna Europa // <https://www.kas.de/documents/279510/5413037/Unia+Energetyczna.pdf/0fe48e31-e639-c013-3262-86639bb07826?version=1.0&t=1561647265725>, accessed 01.06.2022. (In Pol.)

V4 + Deutschland im Dialog – Konferenz der Andrassy Universität Budapest // <https://www.kas.de/de/web/ungarn/veranstaltungsberichte/detail/-/content/v4-deutschland-im-dialog-konferenz-der-andrassy-universitaet-budapest>, accessed 01.06.2022. (In Germ.)

Veranstaltungsbericht zur Diskussion „Die Gewerkschaften und Energiepolitik: deutsche und polnische Erfahrungen. Zwei Länder, zwei Visionen – ein gemeinsames Ziel“ // <https://polska.fes.de/e/veranstaltungsbericht-zur-diskussion-die-gewerkschaften-und-energiepolitik-deutsche-und-polnische-erfahrungen-zwei-laender-zwei-visionen-ein-gemeinsames-ziel>, accessed 01.06.2022. (In Germ.)

Zelená dohoda pro Evropu a střední třída // <https://top-az.eu/wp-content/uploads/2021/09/zelena-dohoda-pro-evropu-WEB.pdf>, accessed 01.06.2022. (In Czech.)

Zwischen Green Deal und Nord Stream II – Die Geopolitik der europäischen Energiesicherheit (Zoom) // <https://www.andrassyuni.eu/veranstaltungen/zwischen-green-deal-und-nord-stream-ii-die-geopolitik-der-europaischen-energiesicherheit-zoom.html>, accessed 01.06.2022. (In Germ.)

Balcer A., Blusz K., Schmieg E., 2018. Germany, Poland and the future of transatlantic community // https://www.kas.de/documents/252038/253252/7_dokument_dok_pdf_52983_1.pdf/1284bc5c-5d7c-6a7e-cee6-af229f756297?version=1.0&t=1539647233918, accessed 01.06.2022. (In Eng.)

Bíró-Nagy A., Szászi Á., Varga A., 2022. How much EU do Hungarians want? Pro-EU and Eurosceptic attitudes in Hungary // https://www.policysolutions.hu/userfiles/Policy_Solutions_How_much_EU_do_Hungarians_want_EN_summary.pdf, accessed 01.06.2022. (In Eng.)

Borčany V., Dostál V., 2018. Agenda for Czech Foreign Policy 2018 // https://www.amo.cz/wp-content/uploads/2019/01/Amo_EN_web.pdf, accessed 01.06.2022. (In Eng.)

Borčany V., Janebová P., 2019. Agenda for Czech Foreign Policy 2019 // https://www.amo.cz/wp-content/uploads/2019/12/agenda2019_ENG_final.pdf, accessed 01.06.2022. (In Eng.)

Březovská R., 2022. Worth high-quality EU-wide citizens' panels: The upfront case for (climate) change // https://www.amo.cz/wp-content/uploads/2022/05/AMO_Worth_high%E2%80%93quality_EU-wide_citizens_panels_The_upfront_case_for_climate_change.pdf, accessed 01.06.2022. (In Eng.)

Dostál V., Havlíček P., Janebová P., 2020. Agenda for Czech Foreign Policy 2020 // https://www.amo.cz/wp-content/uploads/2020/09/agenda2020_ENG.pdf, accessed 01.06.2022. (In Eng.)

Dostál V., Végh Z., 2017. Trends of Visegrad European Policy // https://www.kas.de/c/document_library/get_file?uuid=7284c822-fdb1-ba52-3c58-d75dbb89dad0&groupId=252038, accessed 01.06.2022. (In Eng.)

Fuchsová A., Janebová P., 2020. An East-West divide in the European Union? Analysis of selected policy areas // https://www.amo.cz/wp-content/uploads/2020/11/AMO-KAS_East-West-divide_paper.pdf, accessed 01.06.2022. (In Eng.)

Györi G., 2017. Hungarian Politics in 2017 // <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/budapest/14032.pdf>, accessed 01.06.2022. (In Eng.)

Györi G., 2018. Hungarian Politics in 2018 // <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/budapest/15092.pdf>, accessed 01.06.2022. (In Eng.)

Györi G., 2021. Hungarian Politics in 2021 // <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/budapest/18772.pdf>, accessed 01.06.2022. (In Eng.)

Havlíček P., 2022. Czech-Russian Escalation as a Case of Deeper EU-Russia Crisis: Time for a United and Credible Action // <https://www.amo.cz/wp-content/uploads/2022/01/pavel-havlicek.pdf>, accessed 01.06.2022. (In Eng.)

Havlíček P., Lang K.-O., 2022. Czech-German Dialogue on Russia: In Need of Reinforced Cooperation // https://www.amo.cz/wp-content/uploads/2022/04/AMO_Czech-German_Dialogue_on_Russia.pdf, accessed 01.06.2022. (In Eng.)

Istrate D., 2021. Russian influence in Hungary: The case of Paks 2 and the Kremlin's influence – seeking efforts through nuclear energy // https://www.politicalcapital.hu/pc-admin/source/documents/PC_EVC_Paks2_Report_210323.pdf, accessed 01.06.2022. (In Eng.)

Janebová P., Dostál V., Havlíček P., 2021. Agenda for Czech Foreign Policy 2021 // https://www.amo.cz/wp-content/uploads/2021/11/AMO_Agenda_2021_EN.pdf, accessed 01.06.2022. (In Eng.)

Janebová P., Végh Z., 2019. Trends of Visegrad Foreign Policy // <https://www.kas.de/documents/268176/7349152/Trends+of+Visegrad+Foreign+Policy+2019.pdf/512fe9ca-0a3b-2c15-ed67-23f527bd1938?version=1.1&t=1571833439839>, accessed 01.06.2022. (In Eng.)

Janebová P., Végh Z., 2021. Trends of Visegrad European Policy // <https://www.kas.de/documents/268176/15193537/Trends+of+Visegrad+European+Policy+2021.pdf/>

fea8ba93-6b25-98ac-a2b7-b257d7c6c471?version=1.0&t=1638458571388, accessed 01.06.2022. (In Eng.)

Kucharczyk J., 2021. Respect the past but look towards the future. Polish, French and German perceptions of the Weimar Triangle and its role in the EU // <https://www.isp.org.pl/pl/publikacje/respect-the-past-but-look-towards-the-future-polish-french-and-german-perceptions-of-the-weimar-triangle-and-its-role-in-the-eu-1186>, accessed 01.06.2022. (In Eng.)

Przybyło P., 2019. The real financial cost of NORD Stream 2. Economic sensitivity analysis of the alternatives to the offshore pipeline // https://pulaski.pl/wp-content/uploads/2019/05/Raport_NordStream_TS.pdf, accessed 01.06.2022. (In Eng.)

Przybyło P., 2020. The last oil peak in the history of the world – geopolitical, sociological, and economic factors that shape the future of the Energy sector // <https://pulaski.pl/en/18699-2/>, accessed 01.06.2022. (In Eng.)

Stainforth T., Gore T., Urios Culiñez J., 2021. The socioeconomic impacts of renewable energy in EU regions // <https://www.amo.cz/wp-content/uploads/2021/12/5b454d4c4e7808f3d95464dabe24374a.pdf>, accessed 01.06.2022. (In Eng.)

Wientzek O., Rieck C. E., 2018. Brussels' new telephone number? – How a European Security Council could strengthen EU foreign policy // https://www.kas.de/documents/252038/253252/7_dokument_dok_pdf_53537_2.pdf/c02761f3-40a6-3f41-5855-3b158dbab5a4?version=1.0&t=1539646981687, accessed 01.06.2022. (In Eng.)

Ámon A., Fülöp O., 2021. Budapests Weg in eine grüne Zukunft // <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/budapest/17880.pdf>, accessed 01.06.2022. (In Germ.)

Barabás T. J., 2020. 2019 végének kelet-európai energiapolitikai fejleményei // https://kki.hu/wp-content/uploads/2020/02/13_KKI-elemzes_EE_Energy_Barabas_20200205.pdf, accessed 01.06.2022. (In Hung.)

Bence B., 2022a. Energieembargo um jeden Preis? Perspektiven aus Ungarn // <https://magyarnemetintezet.hu/de/forschung/energieembargo-um-jeden-preis-perspektiven-aus-ungarn>, accessed 01.06.2022. (In Germ.)

Bence B., 2022b. Die ersten 100 Tage der deutschen Bundesregierung: Wie lange reicht die Energie? // <https://magyarnemetintezet.hu/de/forschung/die-ersten-100-tage-der-deutschen-bundesregierung-wie-lange-reicht-die-energie>, accessed 01.06.2022. (In Germ.)

Bendyk E., 2021. W stronę Eko-Rzeczpospolitej. Zielona transformacja i przyszłość demokracji // <https://www.batory.org.pl/wp-content/uploads/2021/07/W-strone-Eko-Rzeczpospolitej.pdf>, accessed 01.06.2022. (In Pol.)

Beribes A., 2021. Die Missverständenen? Die Visegrád-Staaten und die Konferenz zur Zukunft Europas // <https://www.kas.de/documents/268176/13453828/Die+Visegr%C3%A4d-Staaten+und+die+Konferenz+zur+Zukunft+Europas.pdf/98d4aa1a-60bd-e7e4-c6ae-6d35ba44c49b?version=1.1&t=1625238755712>, accessed 01.06.2022. (In Germ.)

Bíró-Nagy A., Laki G., Szászi Á., 2020. A zöld baloldali politika lehetőségei Magyarországon // <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/budapest/16636.pdf>, accessed 01.06.2022. (In Hung.)

Bíró-Nagy A., Szabó A., 2021. Magyar fiatalok 2021 – Elégedetlenség, EU-pártiság // <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/budapest/18607.pdf>, accessed 01.06.2022. (In Hung.)

Csaplár T., Rasthofer A., 2022. Faktenwissen Ungarn: Energiepolitik in Ungarn // <https://magyarnemetintezet.hu/de/forschung/faktenwissen-ungarn-energiepolitik-in-ungarn-1>, accessed 01.06.2022. (In Germ.)

Dörstelmann F., 2021. Grünes Deutschland – Für wen ist alles drin? // <https://magyarnemetintezet.hu/de/forschung/grunes-deutschland-fur-wen-ist-alles-drin>, accessed 01.06.2022. (In Germ.)

Gregosz D., Lemmen D. J., 2021. Raus aus der Kohle, rein ins Nuklearzeitalter? // <https://www.kas.de/documents/252038/10987758/Polens+Einstieg+in+die+Kernkraft+entscheidet+sich+m%C3%B6glicherweise+in+den+n%C3%A4chsten+Monaten.pdf/8f578973-5e6d-db76-a721-976b44b7a49a?version=1.0&t=1619518234622>, accessed 01.06.2022. (In Germ.)

Huszár A., 2020. Zöld Megállapodás az Európai Bizottság új agendáján // https://kki.hu/wp-content/uploads/2020/07/E-2020_65_zold.pdf, accessed 01.06.2022. (In Hung.)

Huszi V., 2018. A geotermikus energia hasznosítási lehetőségei Magyarországon és Izlandon // https://kki.hu/assets/upload/27_KKI-elemzes_HU_ISL_Huszi_20180815.pdf, accessed 01.06.2022. (In Hung.)

Kucharczyk J., Łada-Konefał A., 2022. Polacy i Niemcy o rosyjskiej agresji na Ukrainę. Barometr Polska-Niemcy 2022 (wydanie specjalne) // <https://www.isp.org.pl/pl/publikacje/polacy-i-niemcy-o-rosyjskiej-agresji-na-ukraine-barometr-polska-niemcy-2022-wydanie-specjalne>, accessed 01.06.2022. (In Pol.)

Majmurek J., 2022. Polskie embargo na surowce z Rosji to krok w dobrą stronę, ale to wciąż za mało // <https://krytykapolityczna.pl/gospodarka/embargo-na-surowce-z-rosji/>, accessed 01.06.2022. (In Pol.)

Palata L., 2021. V4 potřebuje jít k Zelené dohodě svým tempem i stylem // https://top-az.eu/wp-content/uploads/2021/07/PP-Palata_po-kor.-1.pdf, accessed 01.06.2022. (In Czech.)

Pöttering H.-G., 2017. Mut zur Gestaltung: Impulse für eine starke und zukunftsfähige Europäische Union // https://www.kas.de/documents/252038/253252/7_dokument_dok_pdf_50608_1.pdf/1cfd69ed-8796-659b-e516-9993e18c1b34?version=1.0&t=1539648362792, accessed 01.06.2022. (In Germ.)

Smoleńska A., Buras P., Ananicz S., 2021. Nowy rozdział. Transformacja Unii Europejskiej a Polska // https://www.batory.org.pl/wp-content/uploads/2021/04/Nowy-rozdzial_Transformacja-UE-a-Polska.pdf, accessed 01.06.2022. (In Pol.)

Szóke D., 2019. Vihar egy vezető körül – Az Északi Áramlat 2 gázvezetékprojekt geopolitikai összefüggései és aktualitásai // https://kki.hu/wp-content/uploads/2019/06/28_KKI-elemzes_NS2_Szoke_20190611.pdf, accessed 01.06.2022. (In Hung.)

Tungul L., 2021. Nastupující systémové změny domácí a zahraniční politiky. Pravicová řešení politických výzev pro rok 2022 // <https://top-az.eu/wp-content/uploads/2021/10/topaz-2022-WEB.pdf>, accessed 01.06.2022. (In Czech.)

Welge A., 2019. Komunální politika životního prostředí // <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/prag/15900.pdf>, accessed 01.06.2022. (In Czech.)

Wójcik P., 2022. Czas pożegnać się z Rosją. Na dobre // <https://krytykapolityczna.pl/gospodarka/czas-pozegnac-sie-z-rosja-na-dobre/>, accessed 01.06.2022. (In Pol.)

Игорь КРИШТАЛЬ

РЫНОК ТРУДА НА ПРОСТРАНСТВЕ СНГ И РЕГИОНАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ: НОВЫЕ ТРЕНДЫ И СТАРЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Дата поступления в редакцию: 30.05.2022.

Для цитирования: Кришталь И. С., 2022. Рынок труда на пространстве СНГ и региональная миграция: новые тренды и старые тенденции. – Геоэкономика энергетики. № 2 (18). С. 120–136. DOI: 10.48137/26870703_2022_18_2_120

В статье дан краткий обзор распределения основных миграционных потоков в глобальном разрезе и факторов, влияющих на формирование мировой миграционной картины. Проанализированы ключевые тенденции, характерные для евразийской миграционной системы, и данные, свидетельствующие о наличии системной взаимосвязи между её ключевыми участниками. Отмечается, что устойчивости евразийской миграционной системы способствовали целенаправленные усилия в рамках региональных интеграционных структур по регулированию трудовой миграции, созданию условий для проведения согласованной миграционной политики и формирования общего рынка труда, защите прав трудовых мигрантов и членов их семей. Большое значение имело и последовательное развитие двустороннего межгосударственного взаимодействия на данном направлении, совершенствование соответствующей договорно-правовой базы, а также российского миграционного законодательства. Рассмотрены отдельные направления совершенствования системы администрирования миграционных процессов и продвижения по пути создания общего рынка труда в регионе.

КРИШТАЛЬ Игорь Семёнович, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры политической экономики и истории экономической науки ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова». Адрес: Российская Федерация, г. Москва, 117997, Стремянный пер., 36. E-mail: krishtal.is@rea.ru. SPIN: 3967-0616. ORCID: 0000-0003-1720-0132.

Ключевые слова: рынок труда, миграция, распределение миграционных потоков, СНГ, ЕАЭС, евразийская миграционная система, трансграничные переводы, COVID-19.

Среди многочисленных факторов, выступающих движущей силой миграционных процессов, ключевую роль по-прежнему играют экономические предпосылки. Масштабные статистические данные, собранные за десятилетия различными международными структурами, занимающимися вопросами миграции, в том числе учреждениями системы ООН, подтверждают, что страны с более высоким уровнем дохода на душу населения являются более активными реципиентами трудовых мигрантов. Страны с более низким уровнем подушевого дохода, в свою очередь, демонстрируют более высокие темпы эмиграции [Крамаренко, Кузнецова, 2022].

Растущая необходимость управления миграционными потоками в интересах заинтересованных сторон обусловила важность многочисленных исследований данной темы в глобальном, региональном и страновом разрезах. Ряд исследований показал, в частности, что различия в уровне оплаты труда являются одним из ключевых, хотя и не единственным фактором, определяющим характер глобальной миграционной картины. В противном случае страны с низким уровнем дохода на душу населения демонстрировали бы рекордные показатели численности своей диаспоры по отношению к численности населения. Однако, по данным Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, для стран с высоким уровнем дохода процент граждан, рождённых внутри страны и проживающих за рубежом, составляет в среднем 5 %, для стран с низким уровнем дохода – 5,6 %, а для стран со средним уровнем дохода – 3 % [International Migration 2020 Highlights..., 2020]. По подсчётам МВФ, в группе государств с уровнем дохода на душу населения ниже 7 тыс. долл. в год более низкие показатели миграции в страны с развитой экономикой демонстрировали государства с более низким уровнем дохода [Миграция в страны с развитой экономикой..., 2020]. В этом контексте интерес представляет и распределение миграционных потоков между странами с различным уровнем дохода [Миграция в страны с развитой экономикой..., 2020].

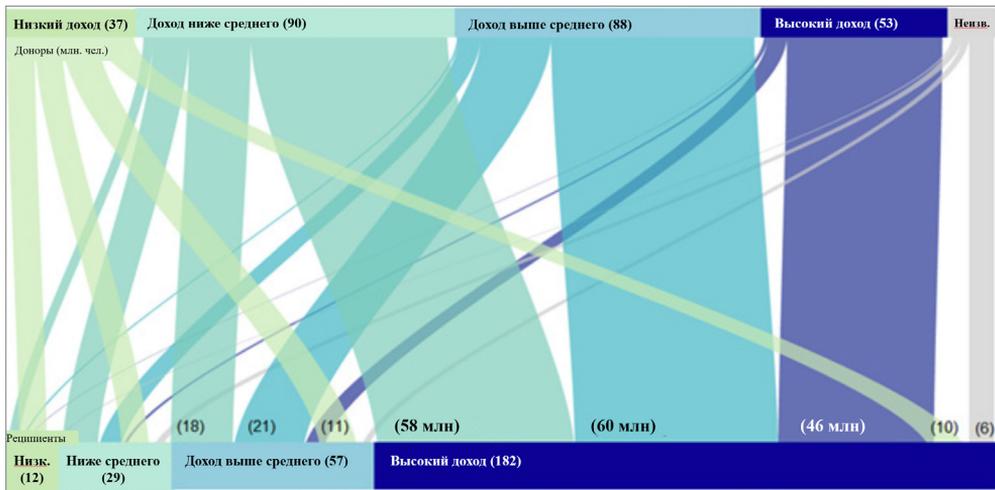

Рис. 1. Распределение миграционных потоков (классификация стран Всемирного банка)

Источник: World Migration Report 2022.

Поскольку эмиграция связана с существенными издержками и барьерами, в том числе финансовыми, языковыми, образовательными, географическими и другими, количество мигрантов в глобальном масштабе относительно невелико и составляет всего 3,6 % населения планеты [World Migration Report, 2022].

При этом в распределении миграционных потоков прослеживаются устойчивые региональные тенденции. Крупнейшим реципиентом мигрантов выступает Евросоюз, на который приходится 30,9 % общемирового количества мигрантов, или 87 млн чел. Внутри ЕС наибольшее количество мигрантов (порядка 16 млн чел.) приходится на Германию. Среди отдельно взятых государств лидирующие позиции более 50 лет удерживают Соединённые Штаты Америки, где насчитывается свыше 51 млн мигрантов [World Migration Report, 2022].

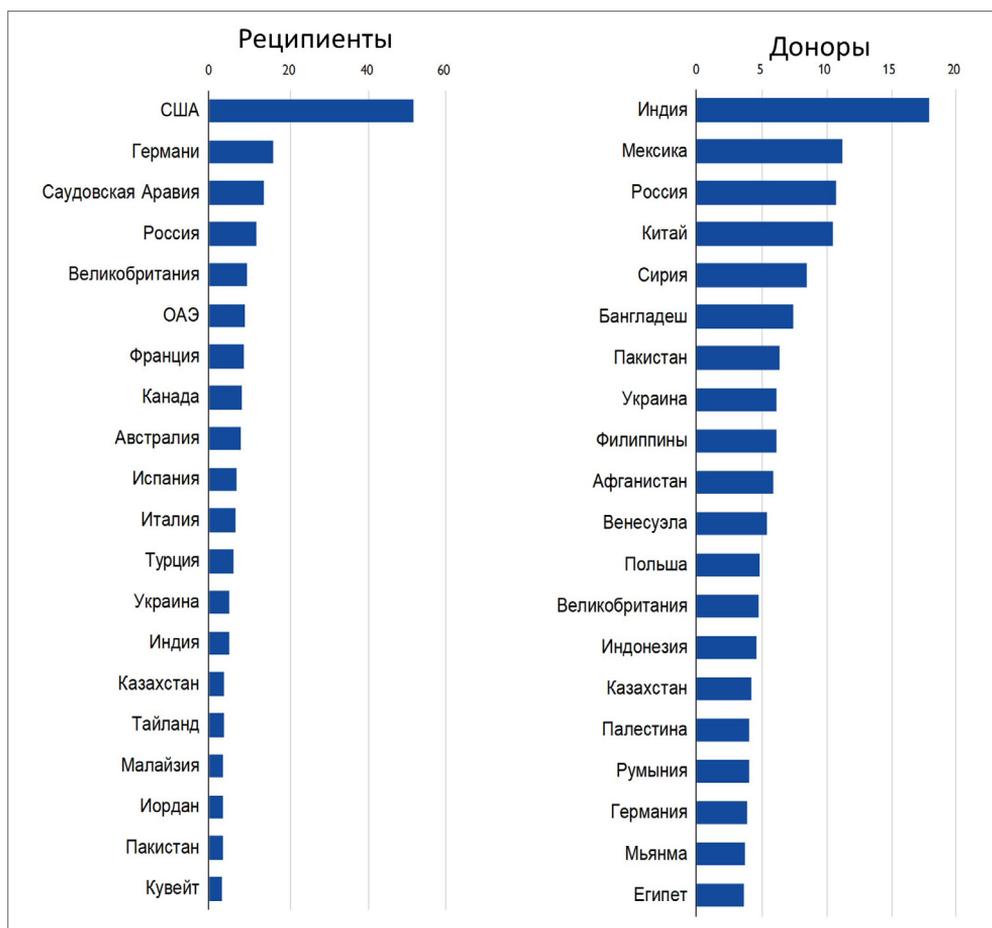

Рис. 2. Топ-20 стран по объёмам миграции в 2020 г. (млн чел.)

Источник: World Migration Report 2022.

Россия является единственной страной, которая входит одновременно в пятёрку крупнейших государств происхождения и назначения мигрантов.

Основа для формирования на постсоветском пространстве региональной миграционной системы, в которой Россия выступает в качестве центрального элемента – ключевого реципиента и отчасти транзитёра, – была заложена в 90-х годах прошлого века с распадом СССР. Несмотря на широкие возможности для международной миграции, основные региональные миграционные потоки распределились между странами постсоветского пространства, за исключением государств Прибалтики, вошедших в состав ЕС. Несколько особняком держится Туркменистан, сохраняющий визовый режим с остальными странами региона.

Существование значительных по объёму устойчивых миграционных потоков, основанных на политической, экономической, культурной и географической близости стран постсоветского пространства, обусловило их выделение в самостоятельную миграционную систему, в отношении которой в 2003 году был предложен термин «евразийская миграционная система» [Ивахнюк, 2008: 21].

Некоторые исследователи в рамках евразийской миграционной системы также выделяют центральноазиатскую подсистему, где принимающей стороной выступает преимущественно Казахстан [Садовская, 2009: 279–321].

Ключевые тенденции, характерные для евразийской миграционной системы и её центральноазиатской подсистемы, изучены в целом довольно неплохо. Основными поставщиками рабочей силы для российского рынка выступают государства Центральной Азии, не завершившие процесс демографического перехода и отличающиеся высокими показателями воспроизводства населения и его низким медианным возрастом.

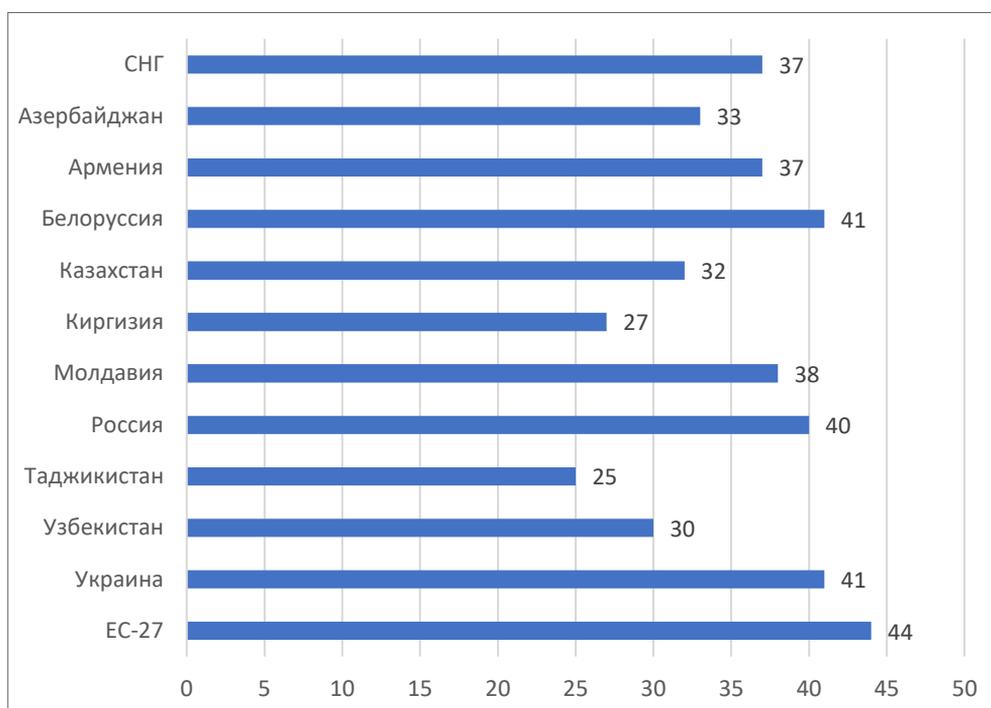

Рис. 3. Медианный возраст населения (число лет)

Источник: О демографической ситуации в странах содружества в 2020 г. Статкомитет СНГ.

По данным МВД России, в 2021 г. из числа иностранных граждан, въехавших на территорию Российской Федерации с целью работы, 84 % составили граждане стран Центральной Азии.

Как видно из графика на рисунке 4, из-за введённых ограничений, связанных с коронавирусной инфекцией *COVID-19*, количество граждан стран СНГ, Абхазии, Южной Осетии и Грузии, въехавших в Россию с целью работы, в 2020 г. сократилось в 2,3 раза, а в 2021 г. выросло в 4,2 раза. В тот же период число людей, въехавших в Россию из государств региона с целью учёбы, увеличилось в 3 раза.

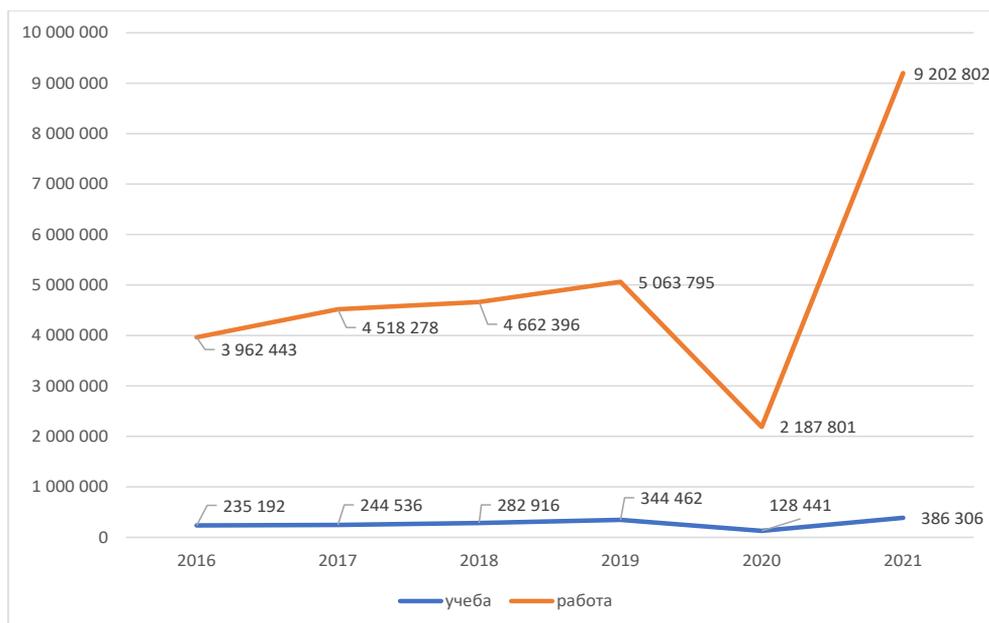

Рис. 4. Количество граждан стран СНГ, Абхазии, Южной Осетии и Грузии, въехавших в Россию с целью работы и учёбы (чел.)

Источник: составлено автором по данным МВД РФ.

Наибольший прирост в обеих категориях, как видно из графика на рисунке 5, продемонстрировали Узбекистан, Таджикистан и Киргизия.

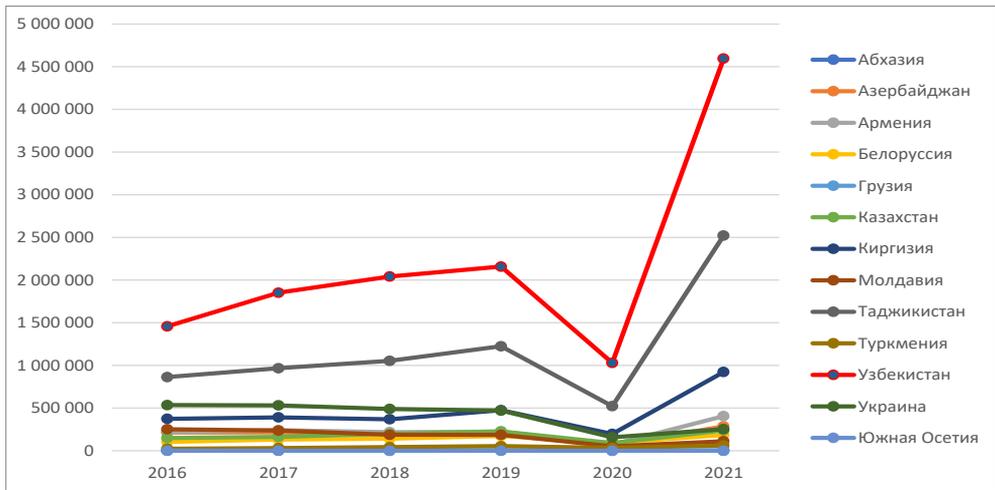

Рис. 5. Количество граждан, въехавших в Россию с целью работы, с разбивкой по странам
 Источник: составлено автором по данным МВД РФ.

Примерно 80 % всех мигрантов составляют люди трудоспособного возраста. При этом любопытно, что, по данным Статкомитета СНГ, на фоне пандемии COVID-19 более половины мигрантов, выбывших из Узбекистана в 2020 г., были представлены гражданами старше трудоспособного возраста [О демографической ситуации в СНГ..., 2020].

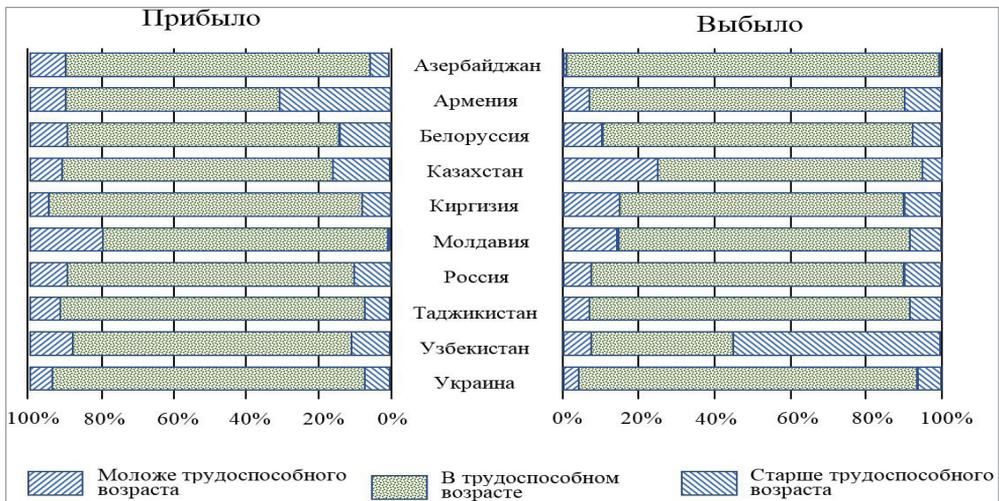

Рис. 6. Возрастной состав международных мигрантов (удельный вес основных возрастных групп в численности прибывших и выбывших в 2020 г., в процентах)

Источник: Статкомитет СНГ.

Занимая четвёртое место в мире по количеству принимаемых мигрантов, большую часть которых составляют трудовые мигранты из стран Центральной Азии, Российская Федерация входит в число крупнейших источников денежных переводов как в регионе, так и в глобальном масштабе. Объём трансграничных денежных переводов физических лиц (резидентов и нерезидентов) из Российской Федерации в 2020 г. составил 40,1 млрд долл. Из них на страны СНГ, Абхазию, Южную Осетию и Грузию приходилось 11,6 млрд долл. против 13,6 млрд долл. в 2019 г. По итогам 2021 г. объём трансграничных денежных переводов физических лиц в страны СНГ, Абхазию, Южную Осетию и Грузию вернулся практически к допандемийному уровню и составил 13,5 млрд долл. [Статистика внешнего сектора. Банк России].

Основными получателями денежных средств традиционно выступают страны – поставщики трудовых ресурсов, главным образом Киргизия, Таджикистан и Узбекистан. Суммарный объём отправлений в эти государства в 2020 г. составил 7,9 млрд долл., в 2021 г. – 9,5 млрд долл. [Максимов, 2021].

Денежные переводы трудовых мигрантов на родину могут составлять существенную часть ВВП стран – поставщиков трудовых ресурсов, превышая суммарные объёмы официальной помощи развитию и прямых иностранных инвестиций и демонстрируя серьёзную устойчивость даже в периоды кризиса.

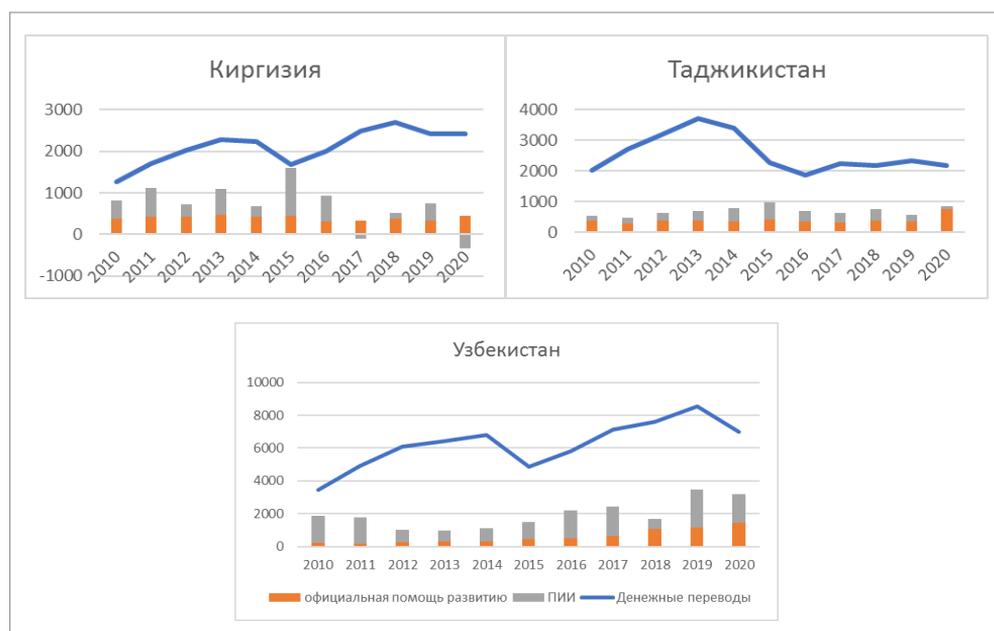

Рис. 7. Соотношение объёмов денежных переводов с ОПР и ПИИ

Источник: составлено автором на основе данных Всемирного банка, ЮНКТАД и ОЭСР.

По оценкам Всемирного банка, в 2020 г. Киргизия и Таджикистан занимали второе и третье места в мире по отношению поступивших денежных переводов физических лиц к ВВП (31,3 и 26,7 % ВВП соответственно), Узбекистан – 26-е (11,6 % ВВП), причём из трёх стран рост данного показателя по сравнению с 2019 г. наблюдался только в Киргизии. Для сравнения: доля нефтегазового сектора в ВВП России в 2020 г. оценивалась в 15,2 %, снизившись с 19,2 % в 2019 г. [Статкомитет СНГ; Максимов, 2021]. В целом по миру в 2020 г. насчитывалось порядка 30 государств, где соотношение поступивших денежных переводов физических лиц к ВВП превышало 10 %.

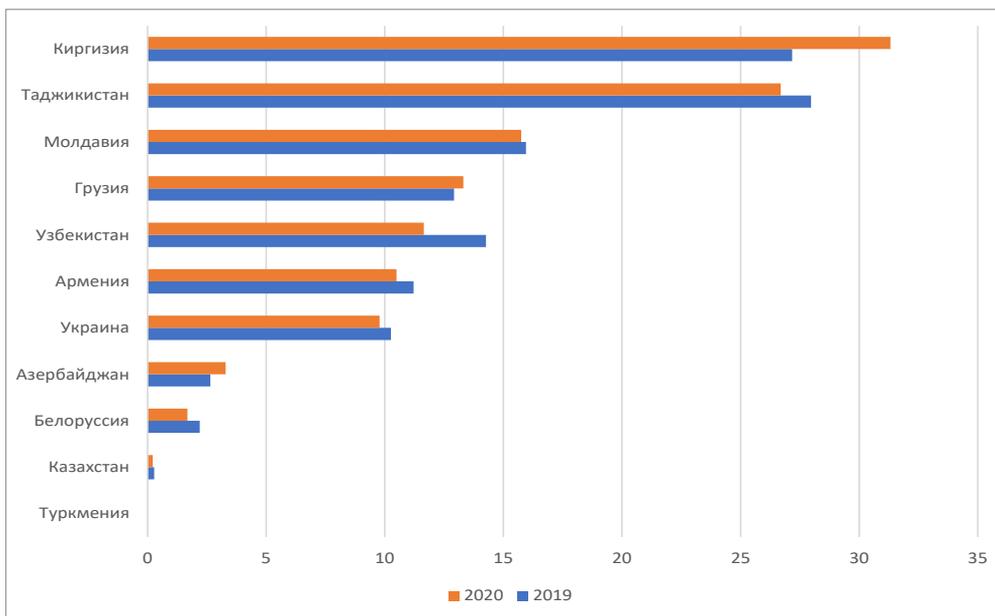

Рис. 8. Поступившие денежные переводы физических лиц (процент ВВП)

Источник: Всемирный банк.

Необходимо отметить наличие существенных расхождений в данных, полученных из различных источников, по объёмам трансграничных денежных переводов физических лиц. Так, например, по данным Центрального банка Узбекистана, трансграничные денежные переводы физических лиц в страну в 2020 г. составили 6,03 млрд долл. В статистике Всемирного банка этот показатель приближается к 7 млрд долл. При этом данные ЦБ РФ и ЦБ Узбекистана по объёму трансграничных денежных переводов физических лиц из Российской Федерации в Узбекистан в целом сопоставимы.

Аналогичным образом варьируются данные, касающиеся доли трансфертов из России в общем объёме полученных трансграничных денежных переводов физических лиц, оставаясь, тем не менее, в диапазоне от 80 до 97 % для Киргизии, Таджикистана и Узбекистана.

Всё это свидетельствует о наличии системной взаимосвязи между ключевыми донорами и реципиентами рабочей силы в рамках евразийской миграционной системы. Ёмкий российский рынок труда поглощает излишки рабочей силы в странах-донорах, способствуя снижению в них уровня безработицы и связанной с этим социальной напряжённости, повышению платёжеспособного спроса за счёт денежных переводов трудовых мигрантов и, как следствие, стабилизации экономической ситуации. Обеспечению устойчивости евразийской миграционной системы на основе баланса интересов всех вовлечённых сторон способствовали целенаправленные усилия в рамках региональных интеграционных структур по регулированию трудовой миграции, созданию условий для проведения согласованной миграционной политики и формирования общего рынка труда, защите прав трудовых мигрантов и членов их семей.

В формате СНГ наработана обширная договорно-правовая база по всему спектру социально-трудовых отношений, действует Совет руководителей миграционных органов государств – участников СНГ. Основопологающим документом, определяющим положение мигрантов, выступает Соглашение о сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся-мигрантов от 15 апреля 1994 г. С 2010 г. действует Конвенция о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей – участников СНГ от 14 ноября 2008 г. 28 января 2022 г. вступило в силу Соглашение о сотрудничестве в сфере содействия занятости населения государств – участников СНГ от 28 мая 2021 г.

В рамках Евразийского экономического союза, договор о создании которого предусматривает обеспечение «четырёх свобод» – движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы [Договор о ЕАЭС, 2014], – сотрудничество в сфере трудовой миграции вышло на качественно новый уровень. Право ЕАЭС в данной сфере постоянно совершенствуется. Так, с 1 января 2021 г. применяется Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств – членов Евразийского экономического союза от 20 декабря 2019 г. [Соглашение о пенсионном обеспечении..., 2019]. Ожидается вступление в силу до конца 2022 г. поправок в статью 97 «Трудовая деятельность трудящихся государств-членов» Договора о ЕАЭС от 29 мая 2014 г. В числе изменений, на которые нацелены эти поправки, – обеспечение прямого признания документов об образовании в сфере педагогики и юриспруденции, возможность изменения цели въезда без выезда с территории государства трудоустройства.

Большое значение имело и последовательное развитие двустороннего межгосударственного взаимодействия на данном направлении, совершенствование соответствующей договорно-правовой базы, а также российского миграционного законодательства.

Так, например, с декабря 2017 г. действует двустороннее межправительственное соглашение с Узбекистаном об организованном наборе и привлечении граждан Республики Узбекистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации от 5 апреля 2017 г. [Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан..., 2017]. В январе 2020 г. вступил в силу аналогичный документ с Таджикистаном, заключённый 17 апреля 2019 г. [Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан..., 2019].

В период пандемии механизмы организованного набора получили дополнительный импульс. Дан старт пилотному проекту по набору 10 тыс. трудящихся граждан Узбекистана для осуществления временной трудовой деятельности у российских юридических лиц, осуществляющих хозяйственную деятельность в сфере строительства. 6 октября 2021 г. принято соответствующее постановление Правительства Российской Федерации № 1694 [Постановление Правительства Российской Федерации..., 2021]. В случае успешности вероятно, что проект будет масштабирован.

Важность соблюдения эпидемических ограничений способствовала поиску новых решений для обеспечения свободного и безопасного перемещения граждан между странами региона. В частности, оперативно запущен проект фонда цифровых инициатив ЕАБР «Путешествую без COVID-19», расширены его функционал и география.

В территориальном плане основными «центрами притяжения» для трудовых мигрантов по-прежнему выступают Москва, Санкт-Петербург, а также Московская и Ленинградская области, на которые приходится более половины соответствующего входящего потока (в 2021 г. — 53,6 %, в 2020 г. — 65 %, в 2019 г. — 62 %, в 2018 г. — 61 %) [Отдельные показатели миграционной ситуации в РФ..., 2021].

В отличие от Программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом [Государственная программа по оказанию содействия..., 2012], которая содержит механизмы территориального распределения, создание безбарьерной среды для перемещения рабочей силы таких инструментов не предполагает. В этой связи большинству российских регионов достаточно сложно конкурировать с Москвой, Санкт-Петербургом, а также Московской и Ленинградской областями как по уровню заработной платы, так и по доступности и развитости различного рода услуг.

Обеспечение потребностей российских регионов в трудовых мигрантах может потребовать дополнительных мер по повышению их привлекательности. Этому мог бы способствовать и выход в перспективе на создание полноценной региональной цифровой экосистемы в сфере занятости. Шагом в данном направлении стал ввод в эксплуатацию с 1 июля 2021 г. сервиса «Работа без границ», позволяющего работодателям и соискателям получить доступ к национальным базам вакансий на территории ЕАЭС.

Сохраняет свою актуальность реализация ряда целей и задач, содержащихся в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг., в том числе по развитию организованного набора мигрантов, созданию условий для их адаптации, обеспечению доступности и прозрачности государственных услуг в сфере миграции, совершенствованию соответствующего информационного сопровождения.

В плане совершенствования системы администрирования миграционных процессов и продвижения по пути создания общего рынка труда в регионе важное значение имеет продолжение работы по гармонизации национального законодательства в области миграции, а также в социальной и трудовой сферах, унификации статистической отчётности и обеспечению её сопоставимости.

Так, например, в первом статистическом исследовании о рынке труда в ЕАЭС за 2016–2020 гг., представленном Департаментом статистики ЕЭК в декабре 2021 г., содержится ссылка на особенности формирования показателей трудовой миграции в государствах – членах союза. В частности, они заключаются в том, что в Армении не проводится учёт трудовой миграции, в Казахстане не ведётся учёт граждан, выехавших за рубеж с целью работы, в Киргизии не ведётся учёт граждан, привлечённых на работу из других стран [Рынок труда. Статистика 2021].

Список литературы

Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, 2012 // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_, дата обращения 19.04.2022.

Договор о Евразийском экономическом союзе, 2014 // https://www.economy.gov.ru/material/file/2bbbf9ae33443d533d855bf2225707e/Dogovor_ees.pdf, дата обращения 14.05.2022.

Постановление Правительства Российской Федерации от 06.10.2021 № 1694 «О реализации пилотного проекта по привлечению граждан Республики Узбекистан

для осуществления временной трудовой деятельности у российских юридических лиц, осуществляющих хозяйственную деятельность в сфере строительства, и о внесении изменения в распоряжение Правительства Российской Федерации», 2021 // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202110070024>, дата обращения 14.05.2022.

Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан об организованном наборе и привлечении граждан Республики Узбекистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201712270024?index=0&rangeSize=1>, дата обращения 14.05.2022.

Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан об организованном наборе граждан Республики Таджикистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации, 2017 // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202002260045>, дата обращения 14.05.2022.

Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств – членов Евразийского экономического союза, 2019 // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202101190008>, дата обращения 14.05.2022.

База данных Всемирного банка // <https://data.worldbank.org/>, дата обращения 21.04.2022.

База данных ОЭСР // <https://data.oecd.org/>, дата обращения 19.04.2022.

База данных ЮНКТАД // <https://unctadstat.unctad.org/>, дата обращения 21.04.2022.

Миграция в страны с развитой экономикой может повысить темпы экономического роста // <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2020/06/19/blog-weo-chapter4-migration-to-advanced-economies-can-raise-growth>, дата обращения 20.04.2022.

О демографической ситуации в странах Содружества в 2020 году // [http://www.cisstat.com/migration/demographic %20situation %20in %202020.pdf](http://www.cisstat.com/migration/demographic%20situation%20in%202020.pdf), дата обращения 20.04.2022.

Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь – декабрь 2021 года с распределением по странам и регионам // <https://xn--b1aew.xn--plai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/28104344/>, дата обращения 19.04.2022.

Рынок труда. Статистика Евразийского экономического союза. Евразийская экономическая комиссия // http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/LabourMarketYearbook2016-2020.pdf, дата обращения 19.04.2022.

Статистика внешнего сектора. Банк России // http://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/, дата обращения 21.04.2022.

Статистические сведения по миграционной ситуации. МВД РФ // <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya>, дата обращения 20.04.2022.

Статистический комитет стран СНГ // <http://www.cisstat.com/>, дата обращения 20.04.2022.

Федеральная таможенная служба России // <https://customs.gov.ru/>, дата обращения 20.04.2022.

McAuliffe M., Triandafyllidou A. (eds.), 2021. World Migration Report 2022. International Organization for Migration (IOM), Geneva // <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2022>, дата обращения 20.04.2022.

United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2020). International Migration 2020 Highlights // <https://www.un.org/development/desa/pd/news/international-migration-2020>, дата обращения 20.04.2022.

Ивахнюк И. В., 2008. Евразийская миграционная система: теория и политика // Вестник РУДН. Сер.: Международные отношения. 2008. № 2. С. 21–28.

Максимов П. Н., 2021. Определение доли нефтегазового сектора в валовом внутреннем продукте Российской Федерации: Тез. докл. на заседании секции статистики ЦДУ РАН 21.05.2021 // <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1b5RpebS/Maximov-tezisy.pdf>, дата обращения 20.04.2022.

Крамаренко А. С., Кузнецова Ю. Ю., 2022. Нефтегазовая политика России и миграция: влияние на социально-экономическое положение постсоветских стран в условиях коронавирусного кризиса 2020 года // Геоэкономика энергетики. № 1 (17). С. 97–131. DOI: 10.48137/2687-0703_2022_17_1_97.

Садовская Е., 2009. Казахстан в Центральноазиатской миграционной подсистеме // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях. М.: АдамантЪ. 412 с.

KRISHTAL Igor S., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Political Economy and History, Plekhanov Russian University of Economics.

Address: 36, Stremyanny lane, Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: krishtal.is@rea.ru

SPIN-code: 3967-0616

ORCID: 0000-0003-1720-0132

LABOR MARKET IN THE CIS AND REGIONAL MIGRATION: NEW TRENDS AND OLD PATTERNS

DOI: 10.48137/26870703_2022_18_2_120

Received: 30.05.2022.

For citation: *Krishtal I. S.*, 2021. Labor Market in the CIS and Regional Migration: New Trends and Old Patterns. – *Geoeconomics of Energetics*. № 2 (18). P. 120–136. DOI: 10.48137/26870703_2022_18_2_120

Keywords: labor market, migration, distribution of migration flows, CIS, EAEU, Eurasian migration system, cross-border transfers, COVID-19.

Abstract

The article provides a brief overview of the distribution of the main migration flows in a global context and the factors influencing the formation of the global migration pattern. The author analyzes main trends characteristic of the Eurasian migration system and the data that indicates the presence of a systemic relationship between its key participants. It is noted that the stability of the Eurasian migration system was facilitated by targeted efforts within the framework of regional integration structures to regulate labor migration, create conditions for a coordinated migration policy and the formation of a common labor market, and protect the rights of labor migrants and their families. The consistent development of bilateral cooperation in this area, the improvement of the relevant contractual and legal framework, as well as Russian migration legislation played a significant role for better distribution of migration flows. The article also studies specific directions for improving the system of administration of migration processes and moving towards the creation of a common labor market in the region.

References

State program to assist voluntary resettlement to the Russian Federation of compatriots living abroad, 2012 // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_, accessed 04.19.2022. (In Russ.)

Epy Treaty on the Eurasian Economic Union, 2014 // https://www.economy.gov.ru/material/file/2bbbf9ae33443d533d855bf2225707e/Dogovor_ees.pdf, accessed 05.14.2022. (In Russ.)

Decree of the Government of the Russian Federation dated 06.10.2021 No. 1694 "On the implementation of a pilot project to attract citizens of the Republic of Uzbekistan to carry out temporary labor activities with Russian legal entities engaged in economic activities in the construction sector, and on amending the order of the Government of the Russian Federation", 2021 // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202110070024>, accessed 05.14.2022. (In Russ.)

Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Uzbekistan on the organized recruitment and involvement of citizens of the Republic of Uzbekistan for temporary labor activities on the territory of the Russian Federation // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201712270024?index=0&rangeSize=1>, accessed 05.14.2022. (In Russ.)

Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Tajikistan on the organized recruitment of citizens of the Republic of Tajikistan for temporary labor activities on the territory of the Russian Federation, 2017 // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202002260045>, accessed 05.14.2022. (In Russ.)

Agreement on Pension Provision for Workers of the Member States of the Eurasian Economic Union, 2019 // <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202101190008>, accessed 05.14.2022. (In Russ.)

World Bank database // <https://data.worldbank.org/>, accessed 21.04.2022. (In Eng.)

OECD database // <https://data.oecd.org/>, accessed 04.19.2022. (In Eng.)

UNCTAD database // <https://unctadstat.unctad.org/>, accessed 21.04.2022. (In Eng.)

Migration to advanced economies can boost economic growth // <https://www.imf.org/ru/News/Articles/2020/06/19/blog-weo-chapter4-migration-to-advanced-economy-can-raise-growth>, accessed 04.20.2022. (In Russ.)

On the demographic situation in the Commonwealth countries in 2020 // [http://www.cisstat.com/migration/demographic %20situation %20in %202020.pdf](http://www.cisstat.com/migration/demographic%20situation%20in%202020.pdf), accessed 20.04.2022. (In Russ.)

Selected indicators of the migration situation in the Russian Federation for January – December 2021 with distribution by country and region // <https://xn--b1aew.xn--plai/dejatelnost/statistics/migracionnaya/item/28104344/>, accessed 19.04.2022.

Labor market. Statistics of the Eurasian Economic Union. Eurasian Economic Commission // http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Documents/LabourMarketYearbook2016-2020.pdf, accessed 04.19.2022. (In Russ.)

External sector statistics. Bank of Russia // http://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/, accessed 21.04.2022. (In Russ.)

Statistical Committee of the CIS countries // <http://www.cisstat.com/>, accessed 20.04.2022. (In Russ.)

Statistical information on the migration situation. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. // <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics/migracionnaya>, accessed 04.20.2022.

Federal Customs Service of Russia // <https://customs.gov.ru/>, accessed 20.04.2022. (In Russ.)

McAuliffe M., Triandafyllidou A. (eds.), 2021. World Migration Report 2022. International Organization for Migration (IOM), Geneva // <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2022>, accessed 20.04.2022. (In Eng.)

United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2020). International Migration 2020 Highlights // <https://www.un.org/development/desa/pd/news/international-migration-2020>, accessed 04.20.2022. (In Eng.)

Ivakhnyuk I. V., 2008. Eurasian Migration System: Theory and Politics. Bulletin of RUDN University. Series: International relations. 2008. No. 2. Pp. 21–28. (In Russ.)

Kramarenko A. S., Kuznetsova Yu. Yu., 2022. Oil and gas policy of Russia and migration: impact on the socio-economic situation of the post-Soviet countries in the context of the 2020 coronavirus crisis // *Geoeconomics of energy*. No. 1 (17). Pp. 97–131. DOI: 10.48137/2687-0703_2022_17_1_97. (In Russ.)

Maksimov P. N., 2021. Abstracts of the report at the meeting of the statistics section of the CDU RAS on May 21, 2021 on the topic: "Determining the share of the oil and gas sector in the gross domestic product of the Russian Federation" // <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/1b5RpebS/Maximov-tezisy.pdf>, accessed 20.04.2022. (In Russ.)

Sadovskaya E., 2009. Kazakhstan in the Central Asian migration subsystem // *Post-Soviet transformations: reflection in migrations*. M.: Adamant. 412 p. (In Russ.)

Артём ПЫЛИН

ПОТЕНЦИАЛ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КАЗАХСТАНА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Дата поступления в редакцию: 30.05.2022.

Для цитирования: *Пылин А. Г.*, 2022. Потенциал приграничного сотрудничества России и Казахстана как фактор развития экономики регионов в современных условиях. – *Геоэкономика энергетики*. № 2 (18). С. 137–156. DOI: 10.48137/26870703_2022_18_2_137

В статье рассматриваются основные тенденции экономического развития приграничных регионов России и Казахстана в контексте их торгово-инвестиционного взаимодействия. Делается вывод о том, что приграничное российско-казахстанское сотрудничество пока не в полной мере способствует развитию и модернизации экономик регионов двух стран. Проведённый анализ показал, что половина приграничных с Казахстаном российских регионов и большинство пограничных с Россией казахстанских областей развивались медленнее, чем обе страны в целом. Такое отставание во многом обусловлено внутриматериковым положением данных регионов двух стран, которые находятся в удалении от крупных внутренних и внешних рынков сбыта, а также однотипным, преимущественно сырьевым характером их экономики. Автором предлагаются конкретные рекомендации по усилению торгово-экономического взаимодействия приграничных регионов двух стран с учётом влияния новых масштабных антироссийских санкций.

ПЫЛИН Артём Геннадьевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН, доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. **Адрес:** Российская Федерация, г. Москва, 117218, Нахимовский просп., д. 32. **E-mail:** artem-pylin@yandex.ru. **SPIN-код:** 3160-8023. **ORCID:** 0000–0002–1979–3624.

Ключевые слова: Россия, Казахстан, ЕАЭС, приграничные регионы, приграничное сотрудничество, торговля и инвестиции, экономика, санкции, релокация.

Особенности экономического развития приграничных регионов России и Казахстана в 2012–2019 гг.

Российско-казахстанское приграничье (РКП)* располагает значительным природным, человеческим и производственным потенциалом. Так, по состоянию на конец 2019 г., в регионе проживают около 30 млн человек, а совокупный ВРП (валовой региональный продукт) приграничья составляет 227 млрд долл. (данные за 2018 г.)**. Российская Федерация (РФ) и Республика Казахстан (РК) имеют протяжённую общую сухопутную границу (свыше 7,5 тыс. км) и большое число приграничных регионов. На российскую часть приходится около 70 % совокупного валового регионального продукта приграничья, а на казахстанскую – 30 %. При этом граница недостаточно обустроена с точки зрения количества и технической оснащённости пограничных пунктов пропуска, что сдерживает активное развитие взаимной торговли товарами и услугами.

Регионы РКП сильно различаются по объёмам экономики и по значению для национальных экономик двух стран. В 2018 г. совокупный объём российских регионов РКП составил 160,7 млрд долл., а казахстанских – 66,2 млрд долл. В казахстанских регионах данного приграничья формируется более 1/3 казахстанской экономики, тогда как в российских – лишь около 12 % экономики России. В российской части приграничья регионами с наиболее крупными экономиками являются Самарская, Челябинская, Тюменская, Новосибирская и Оренбургская области, на которые приходится почти 2/3 её совокупного ВРП.

В казахстанском секторе особенно выделяется Атырауская область, на которую приходится свыше 1/3 общего ВРП приграничных с Россией регионов, далее следуют Восточно-Казахстанская, Западно-Казахстанская, Павлодарская и Актюбинская области, на каждую из которых приходится 12–16 %. В целом экономический потенциал казахстанской части приграничья распределён по регионам более равномерно, чем российской (рис. 1).

* РКП составляют 12 российских (Алтайский край, Астраханская, Волгоградская, Курганская, Новосибирская, Омская, Оренбургская области, Республика Алтай, Самарская, Саратовская, Тюменская (без автономных округов) и Челябинская области) и 7 казахстанских (Актюбинская, Атырауская, Восточно-Казахстанская, Западно-Казахстанская, Костанайская, Павлодарская и Северо-Казахстанская области) регионов.

** Здесь и далее (если не указано иначе) расчёты автора – по данным национальных статистических служб Республики Казахстан и Российской Федерации.

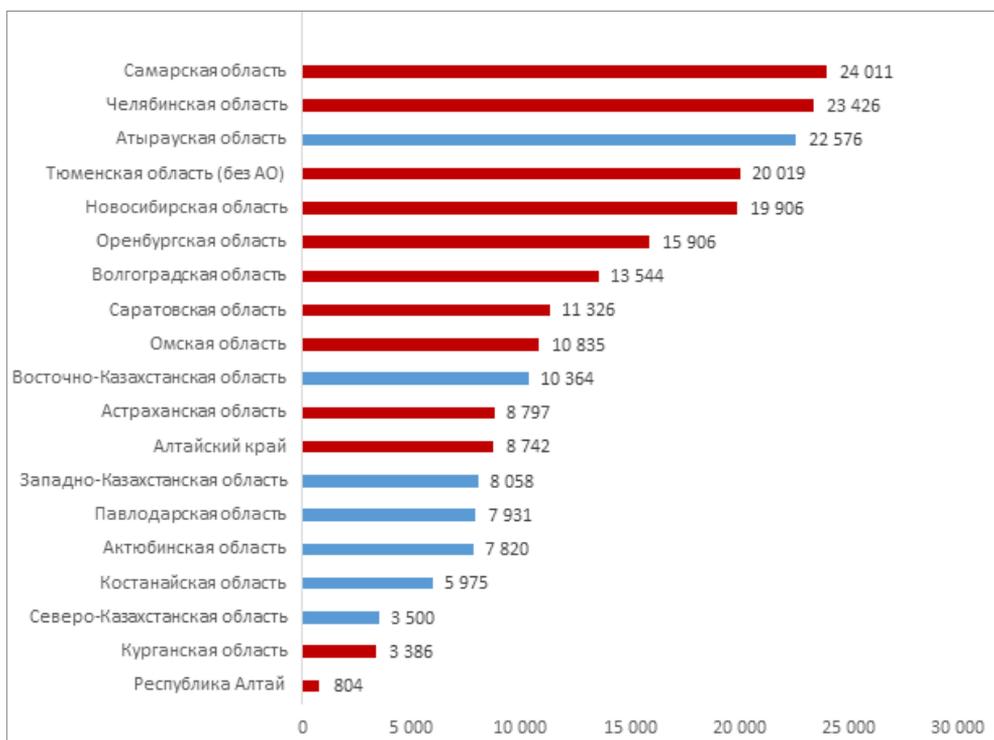

Рис. 1. Объём ВРП приграничных регионов России и Казахстана в 2018 г., млн долл.*

Источник: составлено и рассчитано по данным национальных статистических служб Казахстана, России и Статкомитета СНГ.

Экономическое развитие приграничных регионов двух стран во многом отражает проблемы их взаимного торгового и инвестиционного сотрудничества. Динамика экономики пограничных с Казахстаном регионов России была в целом на уровне среднероссийских. Их доли в общем ВРП РФ изменились незначительно. Заметно выше они были у Астраханской и Новосибирской областей, ниже — у Курганской, Волгоградской, Оренбургской и Омской областей (рис. 2). За 2012–2018 гг. доля приграничных с РК российских регионов в экономике страны снизилась на 0,4 п. п. — с 12,3 до 11,9 % (табл. 1).

* Стоимостные объёмы ВРП рассчитаны по среднегодовому курсу национальных валют двух стран к доллару США за 2018 г. По состоянию на конец марта 2021 г. данные Росстата по ВРП российских регионов за 2019 г. не публиковались.

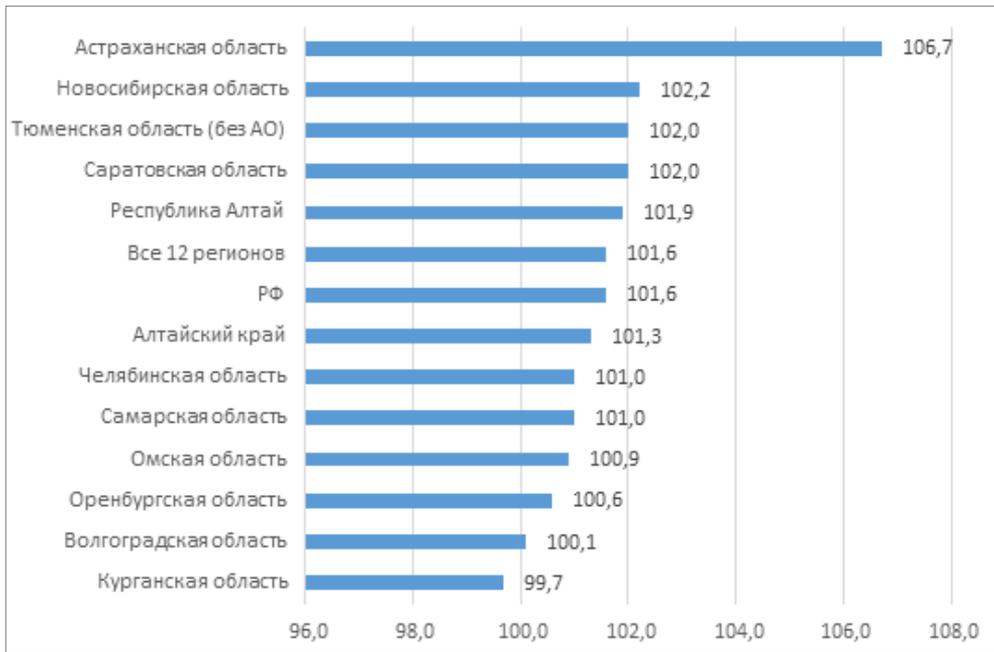

Рис. 2. Динамика индекса физического объема ВРП приграничных с Казахстаном областей РФ (в постоянных ценах) в 2012–2018 гг., в процентах

Источник: составлено и рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики РФ.

С другой стороны границы сокращение совокупной доли 7 приграничных регионов в общем ВРП Казахстана было заметно сильнее – на 2,0 п. п., с 39,1 % в 2012 г. до 37,1 % в 2018 г. Особенно сильно сокращение затронуло Актюбинскую и Западно-Казахстанскую области. Значительно быстрее средних по стране росли столичные Нур-Султан и Алматы, а среди приграничных с РФ регионов – лишь Атырауская область (табл. 1).

Таблица 1

Динамика ВРП российско-казахстанского приграничья, процент от страны

Регионы	2012	2015	2018
Россия	100,0	100,0	100,0
Алтайский край	0,7	0,7	0,6
Астраханская область	0,4	0,5	0,7
Волгоградская область	1,1	1,1	1,0

Продолжение таблицы 1 на следующей странице

Продолжение таблицы 1

Курганская область	0,3	0,3	0,3
Новосибирская область	1,5	1,6	1,5
Омская область	1,0	0,9	0,8
Оренбургская область	1,3	1,2	1,2
Республика Алтай	0,1	0,1	0,1
Самарская область	1,9	1,9	1,8
Саратовская область	1,0	1,0	0,8
Тюменская область (без АО)	1,5	1,4	1,5
Челябинская область	1,7	1,8	1,7
Все 12 регионов РФ	12,3	12,5	11,9
Казахстан	100,0	100,0	100,0
Актюбинская область	5,5	4,3	4,4
Атырауская область	10,8	10,3	12,6
Восточно-Казахстанская область	6,0	5,7	5,8
Западно-Казахстанская область	5,6	4,2	4,5
Костанайская область	3,8	3,4	3,3
Павлодарская область	5,0	4,2	4,4
Северо-Казахстанская область	2,3	2,0	2,0
Все 7 регионов РК	39,1	34,1	37,1

Источник: составлено и рассчитано по данным национальных статистических служб Казахстана и России.

Отраслевая структура валового регионального продукта РКП имеет свои особенности как в рамках своих национальных экономик, так и внутри самого приграничья. На фоне экономики РФ приграничные с Казахстаном российские регионы характеризуются более высоким удельным весом обрабатывающих производств и сельского хозяйства при меньшей доле сферы услуг (табл. 2).

Казахстанские приграничные области также выделяются на фоне страны более высоким удельным весом сельского хозяйства и промышленности при существенно меньшей доле услуг (табл. 3, рис. 3). В 2019 г. на приграничные с Россией казахстанские регионы приходилось 54,6 % промышленного производства и 45,6 % выпуска сельского хозяйства страны. Сравнительно более низкая доля услуг в данном (особенно казахстанском) приграничье обусловлена тем, что сервисные отрасли концентрируются преимущественно в крупных столичных агломерациях (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Казань и др.; Нур-Султан, Алматы и Шымкент), которые расположены за пределами рассматриваемой территории.

В российской части приграничья можно выделить несколько типов регионов по особенностям отраслевой структуры экономики:

- 1) *аграрно-сервисные* (Алтайский край и Республика Алтай);
- 2) *аграрно-промышленные* (Волгоградская, Курганская и Саратовская области);
- 3) *топливно-сырьевые* (Астраханская и Оренбургская области);
- 4) *регионы с развитой обрабатывающей промышленностью* (Омская и Челябинская области);
- 5) *промышленные* (Самарская и Тюменская области);
- 6) *сервисные* (Новосибирская область).

Таблица 2

Отраслевая структура валовой добавленной стоимости (в текущих основных ценах, в процентах к итогу) по отраслям экономики приграничных с Казахстаном регионов России, 2018 г.

Регионы РФ	Всего	Сельское хозяйство	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства	Обеспечение электроэнергией, газом и водой	Строительство	Услуги
Все субъекты РФ	100,0	4,3	14,8	18,0	3,7	5,6	53,6
Алтайский край	100,0	13,4	0,8	19,1	3,2	5,9	57,6
Астраханская область	100,0	5,1	52,8	2,9	2,3	4,9	32,0
Волгоградская область	100,0	10,5	6,4	27,7	3,2	6,1	46,1
Курганская область	100,0	9,5	0,8	23,2	8,2	3,8	54,5
Новосибирская область	100,0	3,7	4,0	13,8	3,1	3,7	71,7
Омская область	100,0	8,9	0,4	36,4	2,8	4,0	47,5
Оренбургская область	100,0	7,2	41,0	14,0	3,7	6,8	27,3
Республика Алтай	100,0	12,0	1,2	4,6	4,2	9,1	68,9
Самарская область	100,0	3,9	20,8	22,0	4,5	4,1	44,7
Саратовская область	100,0	10,5	3,9	20,9	9,8	5,7	49,2
Тюменская область (без АО)	100,0	3,0	20,3	18,2	2,8	7,6	48,1
Челябинская область	100,0	5,4	2,6	36,0	4,2	5,8	46,0
Все 12 регионов (среднее арифметическое значение)	100,0	7,8	12,9	19,9	4,3	5,6	49,5

Источник: составлено и рассчитано по данным Федеральной службы государственной статистики РФ

В казахстанской части приграничья регионы более однородны по отраслевой структуре экономики. Здесь во всех областях доля сферы услуг относительно невысока ввиду отсутствия крупных городов – миллионников (население административных центров составляет от 219 тыс. до 512 тыс. чел.).

Выделяются три основных типа регионов:

- *промышленные* (Атырауская, Западно-Казахстанская, Павлодарская и Актюбинская области);
- *аграрно-промышленные* (Костанайская и Восточно-Казахстанская области);
- *аграрные* (Северо-Казахстанская область).

Таблица 3

Структура ВРП по видам экономической деятельности приграничных с Россией регионов Казахстана в 2019 г., в процентах

Области Казахстана	Всего	Сельское хозяйство	Промышленность	Строительство	Услуги	Чистые налоги на продукты
Все регионы РК	100,0	4,5	27,6	5,5	55,5	7,0
Актюбинская	100,0	5,1	35,2	5,4	47,2	7,1
Атырауская	100,0	0,7	47,7	7,8	35,5	8,3
Восточно-Казахстанская	100,0	9,0	35,9	5,2	43,4	6,4
Западно-Казахстанская	100,0	3,3	47,5	5,1	34,9	9,2
Костанайская	100,0	9,8	29,5	5,3	49,0	6,4
Павлодарская	100,0	4,7	40,1	5,7	43,1	6,4
Северо-Казахстанская	100,0	25,5	12,7	4,8	50,6	6,4
Все 7 регионов (среднее арифметическое значение)	100,0	8,3	35,5	5,6	43,4	7,2

Источник: составлено и рассчитано по данным Бюро национальной статистики Республики Казахстан.

Отдельно следует отметить Атыраускую область, на которую приходится почти 1/4 промышленного производства и 1/5 всего строительства в Казахстане, прежде всего за счёт развития нефтедобычи и нефтепереработки (Атырауский НПЗ – один из трёх ведущих нефтеперерабатывающих заводов РК*), освоения крупных месторождений полезных ископаемых.

* Другие НПЗ – Павлодарский и Шымкентский. Совокупная мощность трёх казахстанских НПЗ по переработке нефти в 2019 г. составляла 16,6 млн т в год.

Рис. 3. Отраслевая структура ВРП приграничных с РФ регионов Казахстана в 2019 г., в процентах

Источник: составлено и рассчитано по данным Бюро национальной статистики Республики Казахстан.

Потенциальная ёмкость внутреннего рынка и конкурентоспособность РКП во многом определяются численностью населения, динамика которого носит неравномерный характер. По состоянию на конец 2019 г. здесь проживают около 30 млн человек (в том числе 24 млн человек по российскую сторону границы), что почти соответствует численности населения Узбекистана и Малайзии и заметно превышает население Австралии и Венесуэлы. За 2012–2019 гг. численность населения в российской части приграничья немного снизилась (на 0,9 %), а население казахстанского сектора заметно возросло (на 2,7 %). Российское население приграничья составляет около 17 % от всего населения РФ, тогда как казахстанское – 31 % населения РК (табл. 4).

Таблица 4

Численность населения приграничных регионов России и Казахстана (на конец года), тыс. человек

Регионы	2012	2015	2018	2019
Россия	143 347	146 545	146 781	146 749
Алтайский край	2 399	2 377	2 333	2 317
Астраханская область	1 014	1 019	1 014	1 006
Волгоградская область	2 583	2 546	2 508	2 491

Продолжение таблицы 4 на следующей странице

Продолжение таблицы 4

Курганская область	886	862	835	827
Новосибирская область	2 710	2 762	2 793	2 798
Омская область	1 974	1 978	1 944	1 927
Оренбургская область	2 016	1 995	1 963	1 957
Республика Алтай	210	215	219	220
Самарская область	3 213	3 206	3 183	3 179
Саратовская область	2 503	2 488	2 441	2 422
Тюменская область (без АО)	1 385	1 455	1 518	1 538
Челябинская область	3 485	3 501	3 476	3 466
Все 12 регионов	24 378	24 404	24 227	24 148
Все 12 регионов, %	17,0	16,7	16,5	16,5
Казахстан	16 910	17 670	18 396	18 632
Актюбинская область	796	835	870	882
Атырауская область	555	595	634	645
Восточно-Казахстанская область	1 394	1 396	1 379	1 370
Западно-Казахстанская область	618	637	652	657
Костанайская область	880	884	873	869
Павлодарская область	749	759	754	752
Северо-Казахстанская область	579	570	555	549
Все 7 регионов	5 571	4 278	5 715	5 723
Все 7 регионов, %	32,9	24,2	31,1	30,7

Источник: составлено и рассчитано по данным национальных статистических служб Казахстана и России.

Потенциал экономического сотрудничества двух государств также определяется крупнейшими городами приграничья, которые призваны выполнять роль полюсов экономического развития и концентрировать значительную часть взаимных торговых и финансовых потоков. В рамках рассматриваемого приграничья находятся сразу 5 российских городов-миллионников (Новосибирск, Челябинск, Самара, Омск и Волгоград), тогда как три крупнейших города Казахстана (Алматы, Нур-Султан, Шымкент) находятся за пределами северных приграничных регионов страны.

Регионы российско-казахстанского приграничья сильно различаются по уровню развития экономики. Приграничные регионы РК в среднем более развиты по сравнению с остальными территориями страны, главным образом за счёт трёх регионов (Атырауская, Западно-Казахстанская и Павлодарская области), где ВРП на душу населения существенно превышает общий казахстанский уровень. В то же время российские приграничные с РК регионы менее экономически развиты по сравнению с остальными субъектами, хотя большинство из них принадлежит к высокоиндустриальным районам России. Так, здесь отмечается только один регион (Тю-

менская область), где душевой ВРП заметно превышает общероссийский показатель (табл. 5).

В 2018 г. по объёму ВРП на душу населения с большим отрывом лидировала Атырауская область (36,0 тыс. долл.), далее следовали Тюменская, Западно-Казахстанская и Павлодарская области (11–13 тыс. долл.), а также Актыбинская, Астраханская и Оренбургская области (8–9 тыс. долл.). Это регионы преимущественно с развитой нефтяной, газовой и химической промышленностью. Наименьший уровень ВРП на человека (около 4 тыс. долл.) отмечается в трёх российских регионах (Алтайский край, Республика Алтай и Курганская область), специализирующихся в основном на сельском хозяйстве, услугах и обрабатывающей промышленности (рис. 4).

Отметим, что динамика подушевых значений валового регионального продукта, хотя и не демонстрировала прогресса, заметно различалась. Так, в 2012–2018 гг. российские регионы приграничья оставались примерно на одинаковом уровне (71 % от среднероссийского показателя), а казахстанские – показали заметное снижение (со 135 до 130 % от общего уровня РК), что во многом отражало рассмотренные ранее экономические тренды.

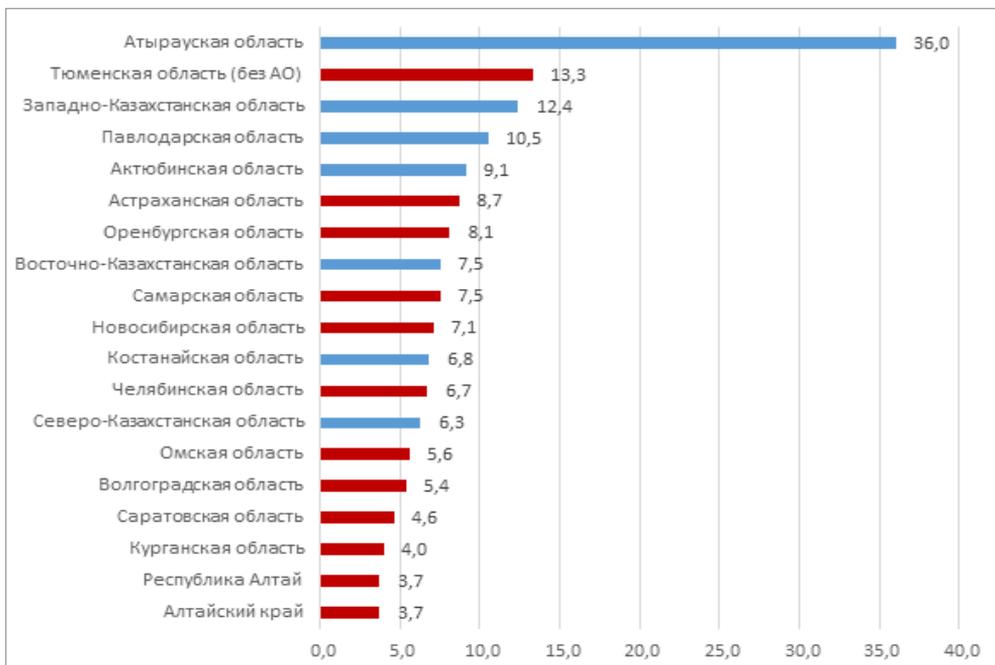

Рис. 4. ВРП на душу населения российско-казахстанского приграничья в 2018 г., тыс. долл.

Источник: составлено и рассчитано по данным национальных статистических служб Казахстана, России и Статкомитета СНГ.

Таблица 5

Динамика ВРП на душу населения в РКП, в процентах от страны

Регионы	2012	2015	2018
Россия	100,0	100,0	100,0
Алтайский край	44,0	45,6	40,6
Астраханская область	59,3	70,4	94,1
Волгоградская область	63,3	64,6	58,6
Курганская область	47,0	46,1	43,8
Новосибирская область	77,4	82,6	77,5
Омская область	71,4	69,6	60,3
Оренбургская область	89,3	86,4	87,8
Республика Алтай	41,7	43,8	40,0
Самарская область	83,7	87,8	81,9
Саратовская область	54,7	55,9	50,2
Тюменская область (без АО)	152,6	139,9	144,2
Челябинская область	69,3	77,0	73,1
Все 12 регионов (среднее арифметическое)	71,1	72,5	71,0
Казахстан	100,0	100,0	100,0
Актюбинская область	120,2	91,6	92,7
Атырауская область	356,3	307,7	368,5
Восточно-Казахстанская область	70,3	71,1	76,8
Западно-Казахстанская область	155,2	115,8	127,0
Костанайская область	70,8	67,0	70,0
Павлодарская область	110,1	98,4	107,6
Северо-Казахстанская область	63,3	63,0	64,4
Все 7 регионов (среднее арифметическое)	135,2	116,4	129,6

Источник: составлено и рассчитано по данным национальных статистических служб Казахстана и России.

Специфика интеграции приграничных регионов в глобальную экономику

Динамика развития региональной экономики в рамках российско-казахстанского приграничья во многом определяется степенью и характером интеграции данных регионов в международную торговлю товарами (рис. 5). Казахские регионы приграничья в большей степени ориентированы на внешние товарные рынки по сравнению с соседними российскими. В 2018 г. внешнеторговая квота казахских регионов приграничья составляла 74,3 % ВРП, тогда как российских – лишь 24,4 % ВРП. Более того, северные приграничные области Казахстана в большей степени ориентированы на

внешние рынки, чем страна в целом. В то же время российские приграничные с Казахстаном регионы в значительно меньшей степени ориентированы на международные товарные рынки по сравнению со страной в целом.

Среди российских регионов приграничья в наибольшей степени зависимыми от внешнеторговых связей являются промышленно развитые Челябинская (34,3 % ВРП), Самарская (31,2 % ВРП), Новосибирская (26,6 % ВРП) и Тюменская (26,4 % ВРП) области, а среди казахстанских – Атырауская (120,0 % ВВП), Западно-Казахстанская (86,1 % ВРП), Актюбинская (53,8 % ВРП) и Павлодарская (51,4 % ВРП) области, т. е. регионы с преимущественно развитой нефтяной, газовой и горнодобывающей промышленностью.

Такое положение во многом обусловлено структурными особенностями казахстанских регионов данного приграничья – преобладанием в них экспортно ориентированных добывающих отраслей и нефтехимии. В 2018 г. только на две казахстанские области приграничья (Атырауская и Западно-Казахстанская) приходилась почти половина всего экспорта РК, на две другие области (Актюбинская и Павлодарская) приходилось ещё по 5 % экспорта страны.

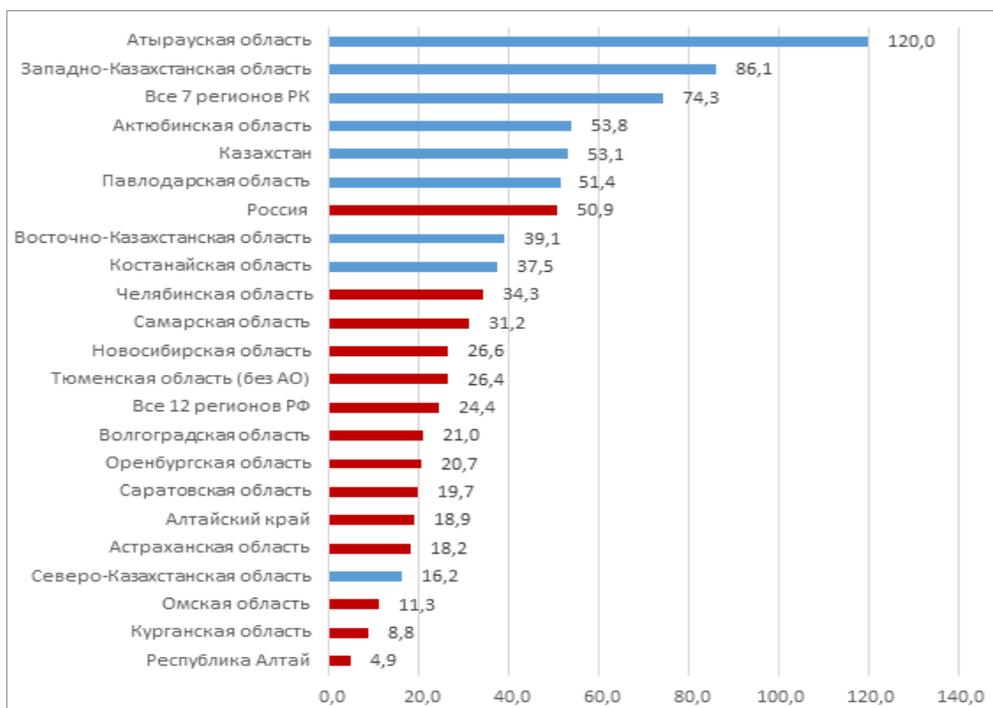

Рис. 5. Торговая открытость регионов российско-казахстанского приграничья в 2018 г., процент ВРП

Источник: составлено и рассчитано по данным национальных статистических служб Казахстана, России и Статкомитета СНГ.

В этой связи следует отметить особую роль России в экономическом развитии регионов Казахстана, которая определяется транзитом казахстанских товаров по российским нефтепроводам и железным дорогам. Так, например, свыше 90 % экспорта казахстанской нефти осуществляется через Каспийский трубопроводный консорциум (Тенгиз – Астрахань – Новороссийск, КТК) и нефтепровод Атырау – Самара, а также железнодорожным транспортом. В настоящее время пропускная способность КТК составляет 67 млн т в год (с перспективой увеличения до 80 млн т к 2024 г.), а мощности нефтепровода Атырау – Самара достигают 15–18 млн т в год.

Возможности транспортной инфраструктуры РФ по поставкам на внешние рынки значительной части казахстанского экспорта вносит весомый вклад в развитие этой внутриконтинентальной страны. При этом Россия также довольно широко использует транзитные коммуникации Казахстана для взаимодействия с Китаем и странами Центральной Азии. Так, например, нефтепровод Туймазы – Омск – Иркутск частично пролегает по казахстанской территории. Таким образом, комплементарность экономик Казахстана и России отмечается преимущественно в топливно-сырьевом секторе и связанном с ним транспорте.

По оценкам экспертов, приграничное сотрудничество двух стран во многом основывалось на взаимодействии официальных властей различного уровня при слабой вовлеченности в него местных и региональных сообществ [Вардомский, 2019], что определяло особенности инвестиционного сотрудничества [Россия и постсоветские страны, 2021].

Инвестиционная привлекательность стран и их приграничных территорий

В последние годы обе страны стремились существенно улучшить свою инвестиционную привлекательность в целях стимулирования притока капитала (в том числе иностранного), преодоления топливно-сырьевой зависимости, модернизации и диверсификации национальной экономики. В рейтинге Всемирного банка *Doing Business* страны достигли существенного продвижения и в настоящее время характеризуются схожими условиями ведения бизнеса. Так, в 2019 г. РК занимала 25-е место из 190 стран мира против 49-го места из 185 стран в 2012 г., а Россия – 28-е место против 112-го соответственно [Doing Business, 2013; Doing Business, 2020]. Условия ведения бизнеса в Казахстане характеризуются высоким обеспечением исполнения контрактов (4-е место из 190 стран), качественной защитой миноритарных инвесторов (7-е место), лёгким началом бизнеса (22-е место) и быстрой регистрацией собственности (24-е место); по другим показателям (международная торговля, получение электроснабжения и уплата налогов) сохраняются серьёзные проблемы. Инвестиционный климат в РФ отличается доступностью электроснабжения

(7-е место), удобством регистрации собственности (12-е место) и обеспечением исполнения контрактов (21-е место), а сложности сохраняются по таким показателям, как международная торговля, уплата налогов, защита миноритарных инвесторов и разрешение неплатёжеспособности*.

Отметим, что обе страны по-прежнему сохраняют крайне низкие места по условиям участия бизнеса в осуществлении внешнеэкономических связей. В результате бизнес, прежде всего частный и некрупный, сталкивается с серьёзными институциональными и административными барьерами на внешних рынках [Хейфец, 2011].

Россия и Казахстан по-прежнему заметно различаются по налоговым режимам, что во многом определяет их инвестиционную привлекательность и направленность потоков иностранного капитала. При одинаковых ставках корпоративного подоходного налога (налога на прибыль) в России значительно выше ставки НДС и НДФЛ. В результате общая ставка налогов и взносов (ТТСР)** в России заметно выше и составляет 46,2 %, а в Казахстане – 28,4 %. При этом в России немного легче платить налоги, чем в Казахстане (таблица 6).

Таблица 6

Общие ставки налогов в Казахстане и России в 2021 г., в процентах

Страны	Корпоративный подоходный налог (налог на прибыль)	Налог на доходы физических лиц	Налог на добавленную стоимость	Общая ставка налогов и взносов (ТТСР), %	Общий рейтинг по лёгкости уплаты налогов
Белоруссия	18	13	20	53.3	99
Казахстан	20	10	12	28.4	64
Россия	20	13/15 (резиденты), 30 (нерезиденты)	20	46.2	58

Источник: составлено автором по данным *Worldwide Tax Summaries Online. Interactive Map; Worldwide Tax Summaries Online. Overall ranking and data tables.*

* Указанные сведения относятся к ведению бизнеса в Москве, Санкт-Петербурге (РФ) и Алматы (РК).

** Общая ставка налогов и отчислений (Total tax and contribution rate, ТТСР) измеряет сумму налогов и обязательных отчислений, уплачиваемых предприятием на второй год работы, и выражается как доля от коммерческой прибыли. Общая сумма уплаченных налогов и отчислений представляет собой сумму всех налогов и взносов, подлежащих уплате после учёта допустимых вычетов и освобождений. Подробнее см.: *Paying Taxes methodology* // <https://www.doingbusiness.org/en/methodology/paying-taxes>.

Сравнительно более благоприятный налоговый режим в Казахстане, а также более низкие цены на электроэнергию и более низкая стоимость рабочей силы способствовали миграции российского малого и среднего бизнеса в приграничные с Россией области Казахстана. По официальным данным, в Казахстане функционирует 7791 предприятие с российским участием и 3325 совместных казахстанско-российских предприятий [Казахстанско-российские отношения..., 2021].

Инвестиционная привлекательность регионов во многом определяется динамикой поступающих капитальных вложений. В 2019 г. среди российских приграничных регионов наибольший объём инвестиций в основной капитал на душу населения отмечался в Тюменской (198 тыс. руб.), Оренбургской (108 тыс. руб.) и Астраханской (95 тыс. руб.) областях, а также в Республике Алтай (98 тыс. руб.), которые примерно соответствовали среднероссийским (132 тыс. руб.) значениям; во всех других субъектах РФ эти показатели были заметно ниже [Регионы России..., 2020]. Среди казахстанских приграничных регионов особенно выделяется Атырауская область, на которую в 2019 г. пришлось свыше 1/3 всех инвестиций в основной капитал республики [Регионы Казахстана..., 2020]. Иными словами, основной объём инвестиций в приграничье концентрируется преимущественно в регионах с развитой нефтегазовой промышленностью.

Возможности сотрудничества приграничных регионов двух стран в условиях антироссийских санкций

В докризисный (досанкционный) период взаимодополнение экономик Казахстана и России в наиболее высокой степени наблюдалось в топливно-сырьевом секторе и обслуживающем его транспорте, т. е. основывалось преимущественно на межотраслевых связях. Однако традиционные отрасли добывающей, металлургической промышленности и энергетики уже не могли обеспечить динамичное развитие приграничных регионов двух стран. Развитие национальных программ импортозамещения (прежде всего в традиционных отраслях экономики) во многом ограничивало сотрудничество приграничных регионов.

В условиях санкций первостепенной задачей является проведение согласованной модернизации экономик и опережающее развитие внутриотраслевых связей путём наращивания производственной кооперации в обрабатывающих отраслях промышленности и сфере услуг, а также формирования трансграничных цепочек добавленной стоимости. Основными драйверами развития должны стать высокотехнологичные производства и информационно-коммуникационная сфера, которые пока не находились в центре сотрудничества России и Казахстана.

На фоне разрыва производственных цепочек РФ с западными компаниями и странами из-за антироссийских санкций существенно возрастает необходимость активизации кооперационных связей России и Казахстана. В этой связи представляется важным рассмотреть возможности по привлечению альтернативных партнёров и поставщиков из Казахстана и других стран ЕАЭС в российские программы импортозамещения в сфере производства машин и оборудования, автомобилестроения, авиастроения, ИТ-индустрии, электроники и в других высокотехнологичных отраслях.

Казахстан, и особенно его приграничные с Россией регионы, могли быть также интересен с точки зрения релокации части российских производств и регистрации российского бизнеса на его территории в целях минимизации санкционных издержек. При этом некоторые российские производители уже заявляют о подобных намерениях. Так, в апреле 2022 г. российская компания *Ural Motorcycles*, занимающаяся выпуском тяжёлых мотоциклов с коляской, сообщила о переносе сборочного производства в Петропавловск (Северо-Казахстанская область). Релокация производства обусловлена нехваткой подпадающих под санкции комплектующих, а также запретом на импорт техники из России. Важно отметить, что основным рынком сбыта *Ural Motorcycles* являются США и другие западные страны [Гронский, 2022].

Для активизации взаимного торгового, инвестиционного и гуманитарного сотрудничества в рамках российско-казахстанского приграничья и, как следствие, развития экономик рассматриваемых регионов требуется модернизация и техническая оснащённость пограничных пунктов пропуска на границе двух стран. России и Казахстану необходимо упростить административные процедуры прохождения товаров на внешнем контуре границы для обеспечения интересов малого и среднего бизнеса, а также устранить сохраняющиеся нетарифные барьеры во взаимной торговле.

В условиях существенных ограничений на трансграничные транспортные перевозки российских грузов необходимо активизировать процесс по разработке и развитию альтернативных транспортных маршрутов и логистики, в том числе с учётом потенциала Транскаспийского международного транспортного маршрута (ТМТМ). В 2022 г. прогнозируется рост перевалки грузов в шесть раз, на уровне 3,2 млн т, что во многом связано с резко возросшим спросом на маршрут ТМТМ. План контейнерных перевозок также ориентирован на повышение до уровня 50 тысяч контейнеров в 20-футовом эквиваленте [Растущую значимость..., 2022].

Представителям органов власти РФ и РК следует также усилить взаимодействие на наднациональном (ЕАЭС, ЕЭК, ЕАБР), национальном, региональном и муниципальном уровнях по преодолению текущего экономического отставания регионов российско-казахстанского приграничья путём

проведения более скоординированной (согласованной) макроэкономической, промышленной и инвестиционной политики в целях формирования новой отраслевой специализации двух стран. На наднациональном уровне следует уделить особое внимание вопросам сопряжения интеграционных целей с решением проблем регионального развития стран – участниц ЕАЭС. Координация национальных стратегий государств-членов должна усиливаться координацией стратегий развития приграничных регионов, которые должны стать опорными базами сотрудничества стран и ядрами евразийской интеграции.

Список литературы

Федеральная службы государственной статистики России // <https://rosstat.gov.ru/>, дата обращения 29.03.2022.

Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию Республики Казахстан // <https://stat.gov.kz/>, дата обращения 29.03.2022.

Межгосударственный статистический комитет Содружества независимых государств // <http://www.cisstat.com/>, дата обращения 29.03.2022.

Вардомский Л. Б., 2019. Геоэкономические условия развития новых приграничных регионов России // Российское пограничье: проблемы развития в новых геополитических условиях / Под ред. В. А. Колосова и А. Б. Володина. М. С. 60–72.

Гронский Я., 2022. «Урал» перенесёт производство мотоциклов из России в Казахстан // <https://ekb.rbc.ru/ekb/freenews/62677ea39a7947db7d5180c2>, дата обращения 29.03.2022.

Казахстанско-российские отношения в торгово-экономической сфере, 2021 // https://kazembassy.ru/rus/sotrudnichestvo/dvustoronnee_sotrudnichestvo/ekonom_sotrudnichestvo/, дата обращения 29.03.2022.

Растущую значимость Транскаспийского международного транспортно-го маршрута обсудили в Турции // <https://middlecorridor.com/ru/press-tsentr/novosti/165-rastushchuyu-znachimost-transkaspiskogo-mezhdunarodnogo-transportnogo-marshruta-obsudili-v-turtsii>, дата обращения 29.03.2022.

Регионы Казахстана в 2019 году: Стат. ежегодник. Нур-Султан, 2020. С. 262–263.

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: Стат. сб. / Росстат. М., 2020. С. 517-518.

Россия и постсоветские страны: вопросы экономических отношений: Коллектив. моногр. / Отв. ред. А. Г. Пылин. М.: ИЭ РАН, 2021. 232 с.

Хейфец Б. А., 2011. Конкуренция за иностранные инвестиции в таможенном союзе Беларуси, Казахстана и России // Россия и современный мир. № 4 (73). С. 131–144.

Doing Business 2013: Smarter Regulations for Small and Medium-Size Enterprises / The World Bank. Washington, DC. October 23, 2012.

Doing Business 2020. Comparing Business Regulation in 190 Economies / The World Bank. Washington, DC. October 24, 2019.

Paying Taxes methodology // <https://www.doingbusiness.org/en/methodology/paying-taxes>, дата обращения 29.03.2022.

Worldwide Tax Summaries Online. Interactive Map <https://taxsummaries.pwc.com/interactive-map>, дата обращения 29.03.2022.

Worldwide Tax Summaries Online. Overall ranking and data tables <https://www.pwc.com/gx/en/services/tax/publications/paying-taxes-2020/overall-ranking-and-data-tables.html>, дата обращения 29.03.2022.

PYLIN Artem G., Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher
Institute of Economics Russian Academy of Sciences, Associate Profes-
sor Financial University under the Government of the Russian Federa-
tion.

Address: 32, Nakhimov Ave., Moscow, 117218, Russian Federation.

E-mail: artem-pylin@yandex.ru

SPIN-code: 3160-8023

ORCID: 0000-0002-1979-3624

THE POTENTIAL OF CROSS-BORDER COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND KAZAKHSTAN AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF THE REGIONAL ECONOMY IN THE CURRENT CONTEXT

DOI: 10.48137/26870703_2022_18_2_137

Received: 30.05.2022.

For citation: *Pylin A. G.*, 2022. The Potential of Cross-Border Cooperation
Between Russia and Kazakhstan As a Factor in the Development of the
Regional Economy in the Current Context. – *Geoeconomics of Energet-
ics*. № 2 (18). P. 137–156. DOI: 10.48137/26870703_2022_18_2_137

Keywords: Russia, Kazakhstan, EAEU, border regions, cross-border cooperation, trade
and investment, economy, sanctions, relocation.

Abstract

The author discusses the main trends in the economic development of the border regions of Russia and Kazakhstan in the context of trade and investment interaction between the two countries. Cross-border Russian-Kazakh cooperation has not yet fully contributed to the development and modernization of the economies of the regions of the two countries. Half of the Russian regions bordering the Republic of Kazakhstan and most of the Kazakh regions bordering the Russian Federation developed more slowly than both countries as a whole. Such a lag is largely due to the inland location of these regions of the two countries, which are located far from large domestic and foreign markets, another negative factor is their predominantly resource-based economy. The author offers specific recommendations for strengthening trade and economic cooperation between the border regions of the two countries, taking into account the impact of new large-scale anti-Russian sanctions.

References

Federal State Statistics Service of the Russian Federation // <https://rosstat.gov.ru>, accessed 29.03.2022. (In Russ.)

Bureau of National Statistics of the Agency for Strategic Planning of the Republic of Kazakhstan // <https://stat.gov.kz>, accessed 29.03.2022. (In Russ.)

Interstate Statistical Committee of the Commonwealth of Independent States // <http://www.cisstat.com>, accessed 29.03.2022. (In Russ.)

Vardomsky L. B., 2019. Geoeconomic Conditions for the Development of New Border Regions of Russia // *Russian Borderland: Problems of Development in New Geopolitical Conditions* / Ed. V. A. Kolosov and A. B. Volodin. M. Pp. 60–72. (In Russ.)

Gronsky Y., 2022. "Ural" will transfer the production of motorcycles from Russia to Kazakhstan // <https://ekb.rbc.ru/ekb/freenews/62677ea39a7947db7d5180c2>, accessed 29.03.2022. (In Russ.)

Kazakh-Russian relations in the trade and economic sphere, 2021 // https://kazembassy.ru/rus/sotrudnichestvo/dvustoronnee_sotrudnichestvo/ekonom_sotrudnichestvo/, accessed 29.03.2022. (In Russ.)

The growing importance of the Trans-Caspian International Transport Route was discussed in Turkey // <https://middlecorridor.com/ru/press-tsentr/novosti/165-rastushchuyu-znachimost-transkaspiskogo-mezhdunarodnogo-transportnogo-marshruta-obsudili-v-turtsii>, accessed 29.03.2022. (In Russ.)

Regions of Kazakhstan in 2019. Statistical Yearbook. Nur-Sultan, 2020. Pp. 262–263. (In Russ.)

Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2020: Stat. Sat. / Rosstat. M., 2020. Pp. 517–518. (In Russ.)

Russia and post-Soviet countries: questions of the economic relations: Collective monograph / Resp. ed. Pylin Artem G. M.: IE RAS, 2021. 232 p. (In Russ.)

Kheifets B. A., 2011. Competition for foreign investment in the customs union of Belarus, Kazakhstan and Russia // *Russia and the modern world*. No. 4 (73). Pp. 131–144. (In Russ.)

Doing Business 2013: Smarter Regulations for Small and Medium-Size Enterprises / The World Bank. Washington, DC. October 23, 2012. (In Eng.)

Doing Business 2020. Comparing Business Regulation in 190 Economies / The World Bank. Washington, DC. October 24, 2019. (In Eng.)

Paying Taxes methodology // <https://www.doingbusiness.org/en/methodology/paying-taxes>, accessed 29.03.2022. (In Eng.)

Worldwide Tax Summaries Online. Interactive Map // <https://taxsummaries.pwc.com/interactive-map>, accessed 29.03.2022. (In Eng.)

Worldwide Tax Summaries Online. Overall ranking and data tables // <https://www.pwc.com/gx/en/services/tax/publications/paying-taxes-2020/overall-ranking-and-data-tables.html>, accessed 29.03.2022. (In Eng.)

Аида АКМАТАЛИЕВА

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ НЕТАРИФНЫХ МЕР РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ В ОТНОШЕНИИ РОССИЙСКИХ ТОВАРОВ

Дата поступления в редакцию: 01.06.2022.

Для цитирования: *Акматалиева А. С., 2022. Особенности применения нетарифных мер регулирования внешней торговли в отношении российских товаров. – Геоэкономика энергетики. № 2 (18). С 157–170. DOI: 10.48137/26870703_2022_18_2_157*

В статье рассматриваются правовые аспекты применения нетарифных мер таможенного регулирования внешнеторговой деятельности. Исследуется базовый нормативный документ для стран – участниц ЕАЭС, который регулирует нетарифные меры таможенного регулирования. Подчёркивается, что введение запретов и ограничений доступности зарубежных рынков для российских товаров всегда негативно влияет на благосостояние и стран-экспортёров, и стран-импортёров. Проведён анализ перечня ограничительных мер, применяющихся странами в отношении российских товаров.

В статье анализируются динамика и виды мер нетарифного регулирования в отношении российских товаров. Проведённый анализ свидетельствует о том, что за 2014–2021 гг. нетарифные меры регулирования в отношении российских товаров продолжают расти и наибольшей популярностью среди запретов и ограничений пользуются антидемпинговые меры. В настоящее время механизм нетарифной политики в Российской Федерации постепенно адаптируется, реформируется и приспособливается к санкциям со стороны зарубежных стран.

АКМАТАЛИЕВА Аида Сатылгановна, кандидат экономических наук, доцент кафедры таможенного дела, Западный филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ЗФ РАНХиГС) **Адрес:** Российская Федерация, г. Калининград, 236016, ул. Артиллерийская, д. 62. **E-mail:** aas.250580@mail.ru. **SPIN-код:** 8829-4975.

Ключевые слова: таможенное регулирование, внешнеэкономическая деятельность, Всемирная торговая организация, Евразийский экономический союз, таможенно-тарифные меры, нетарифные меры, запреты и ограничения, торговые ограничения.

Выявлены проблемы в сфере применения нетарифных мер регулирования в рамках ЕАЭС. В результате проведённого анализа определены основные направления по выявлению и устранению ограничений, касающихся товаров российского производства. Подчёркивается, что важно поддерживать открытость торговых потоков и функционирование цепочек поставок, а также предотвращать принятие мер, создающих ненужные барьеры для торговли. Совершенствование нетарифного регулирования внешнеторговой деятельности должно основываться на приведении нормативно-правовой базы государств – членов ЕАЭС в соответствие с правилами и нормами ВТО.

Введение

С момента создания 1 января 2010 г. Таможенного союза между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан и Российской Федерацией меры нетарифного регулирования были и остаются базовой системой регулирования внешней торговли Таможенного союза.

В процессе унификации и гармонизации системы мер нетарифного регулирования были разработаны и утверждены единые подходы и принципы их применения, что нашло отражение в нормах правового обеспечения внешнеторговой деятельности сначала Таможенного союза, а позже и ЕАЭС. Положение о применении ограничений и Единый перечень товаров приобрели комплексный характер и включают систему мер по отношению к товарам, к которым могут применяться ограничения и запреты на вывоз или ввоз. С момента подписания договора о создании союза (Договор) [Договор о ЕАЭС, 2014] страны – участницы Таможенного союза в расширенном составе стали применять в торговле с другими странами ограничения и запреты к товарам из единого перечня.

Правовые аспекты применения нетарифных мер таможенного регулирования внешнеторговой деятельности

В настоящее время таможенное регулирование – это управление и контроль ВЭД (внешнеэкономическая деятельность), осуществляемые в целях пополнения бюджета страны и защиты прав отечественных предприятий и производителей. Целью таможенного регулирования являются обеспечение экономической безопасности и достижение стабильного экономического роста страны. Российская Федерация как член Евразийского экономического союза (ЕАЭС) имеет общее с союзом таможенное пространство. Поэтому юридическая основа таможенного регулирования в РФ – это Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ТК ЕАЭС) и Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (закон № 289-ФЗ)

[Федеральный закон № 289-ФЗ..., 2018]. Эти законодательные документы гармонизированы между собой и позволяют регламентировать все вопросы таможенного регулирования на территории союза и РФ. Кроме этого, именно вопросы таможенного регулирования стали катализатором объединения в союз стран-участниц.

Согласно ст. 32 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (договор о ЕАЭС) в ЕАЭС осуществляется единое таможенное регулирование в соответствии с ТК ЕАЭС и регулирующими таможенные правоотношения международными договорами и актами, составляющими право союза [Договор о Евразийском экономическом союзе, 2014].

Предмет таможенного регулирования представляет собой отношения, которые связаны с вывозом и ввозом товаров через таможенную границу. В данном процессе могут быть применены меры таможенно-тарифного и нетарифного регулирования. Они включают ограничения и запреты, связанные с защитой национального рынка от некачественных товаров, которые не соответствуют требованиям безопасности населения, а также от недобросовестной конкуренции.

Нетарифные меры регулирования представляют собой комплекс мер регулирования внешней торговли товарами, осуществляемых с помощью введения количественных и других ограничений и запретов экономического характера, установленных в соответствии с международными договорами государств – членов ЕАЭС, а также решениями Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) и национальными нормативно-правовыми актами.

Основные цели нетарифного таможенного регулирования – это в первую очередь ограничение экспорта и импорта товара, способного нанести вред здоровью населения и/или окружающей среде, поддержка отечественной промышленности и производства с помощью снижения объёма импорта товаров и продукции, защита национальных ценностей и культуры государства и т. д.

Базовым нормативным документом для стран – участниц ЕАЭС, который регулирует нетарифные меры таможенного регулирования, является Договор о ЕАЭС, в частности раздел IX ст. 46, 47 и приложение 7 к Договору о ЕАЭС «Протокол о мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран» [Протокол о мерах нетарифного регулирования..., 2014].

В странах – участницах ЕАЭС применяется единая система нетарифного таможенного регулирования и лицензирования. Все меры нетарифного таможенного регулирования, позволяющие контролировать импорт и экспорт товаров, такие как запреты, ограничения по количеству, исключительные права, используются в соответствии с принципами недискриминации и гласности. Решения о введении, применении или продлении мер нетарифного таможенного регулирования принимаются исключительно и

непосредственно ЕЭК, а предложения могут выдвигать и страны – участницы ЕАЭС, и непосредственно ЕЭК.

Также ещё одна важная и неотъемлемая часть нетарифного таможенного регулирования на таможенной территории ЕАЭС – это решение коллегии ЕЭК от 21.04.2015 № 30 «О мерах нетарифного регулирования», которым коллегией ЕЭК введено и утверждено два перечня товаров для таможенных целей. Во-первых, в приложении 1 представлены товары, которые запрещены к ввозу на территорию ЕАЭС, к примеру озоноразрушающие вещества, опасные отходы и др. Во-вторых, в приложении 2 представлены товары, для которых предусмотрен разрешительный порядок при ввозе или вывозе товаров, например драгоценные камни и металлы и т. д. [Решение коллегии Евразийской экономической комиссии..., 2015].

Динамика мер нетарифного регулирования в отношении российских товаров

Административные меры нетарифного регулирования весьма разнообразны. Весомое место среди этих мер занимают количественные ограничения. Введение запретов и ограничений на доступ российских товаров на зарубежные рынки всегда негативно влияет на благосостояние экономики страны.

Министерством экономического развития Российской Федерации совместно с другими министерствами и ведомствами проводится активная работа в части профилактики и устранения необоснованных ограничений конкурентоспособного российского экспорта.

На постоянной основе пересматриваются действующие антидемпинговые, компенсационные и специальные защитные меры, а также анализируются и те ограничения, которые были введены торговыми партнёрами РФ.

Весомое значение имеет такая проблема, как дискриминационный подход в отношении российских производителей на мировых рынках. Правительство оказывает поддержку среднему и малому бизнесу, ведёт двусторонние и многосторонние переговоры с торговыми партнёрами.

Одним из направлений в решении устранения ограничительных мер является принятие ответных мер в целях защиты российских производителей.

Следовательно, в 2020 г. торговые ограничения для предприятий-экспортёров были сняты или переведены на свободные рыночные цены 34 ограничительные меры.

Эксперты оценили сумму предотвращённого ущерба в 3,4 млрд долл. в год. На рисунке 1 представлена динамика количества устранённых или либерализованных мер и суммы предотвращённого ущерба в 2015–2020 гг. В таблице 1 приведён перечень ограничительных мер по состоянию на 1 декабря 2021 г., применяющихся странами в отношении российских товаров.

Рис. 1. Динамика количества устранённых или либерализованных мер и суммы предотвращённого ущерба в 2015–2020 гг.

Источник: составлено автором по данным Евразийской экономической комиссии.

Таблица 1

Перечень ограничительных мер по состоянию на 1 декабря 2021 г., применяющих странами в отношении российских товаров

Меры нетарифного регулирования	Страны, вводящие ограничения в отношении российских товаров
Антидемпинговые меры	Австралия, Бразилия, Великобритания, Египет, Европейский союз, Индия, Индонезия, Канада, Китай, Мексика, Пакистан, США, Таиланд, Турция, Украина
Специальные защитные меры	Великобритания, Вьетнам, ЕС, Индонезия, Марокко, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, США, Турция, Украина, Южноафриканский таможенный союз (ЮАТС)
Компенсационные меры	США
Антидемпинговые расследования	Бразилия, ЕС, Индия, США, Турция, Украина
Пересмотры антидемпинговых мер	Великобритания, ЕС, Индия, Китай, Мексика, США, Турция, Украина

Продолжение таблицы 1 на следующей странице

Продолжение таблицы 1

Специальные защитные расследования	Индия, Марокко, Перу, Украина
Соглашения о приостановлении анти-демпинговой процедуры	США
Компенсационные расследования	США
Специальные защитные меры	Египет, Индонезия, Турция, АФТС
Ограничения по номенклатуре	США
Специальные защитные расследования	ЮАТС
Дополнительные сборы	Абхазия
Импортные пошлины	Абхазия, Марокко
Санкционные меры	Австралия, Албания, ЕС, Исландия, Канада, Лихтенштейн, Норвегия, США, Украина, Швейцария, Черногория, Япония
Санитарные и фитосанитарные меры	Австралия, Белоруссия, Бразилия, Вьетнам, ЕС, Казахстан, Канада, Китай, Оман, Республика Корея, Украина, Япония
Акцизы (дифференцированные)	Азербайджан, Узбекистан
Технические меры	Алжир, Вьетнам, Монголия, Оман
Административные меры	Азербайджан, Алжир, Аргентина, Белоруссия, ЕС, Египет, Индонезия, Казахстан, Киргизия, Китай, Литва, Мексика, Молдавия, Нигерия, Норвегия, Республика Корея, США, Туркменистан, Турция, Узбекистан
Технические барьеры	Белоруссия, Бразилия, ЕС, Иран, Нигерия, Таиланд
Дополнительные пошлины	Алжир, Саудовская Аравия, Турция
Угрозы введения меры	Вьетнам, ЕС, Камбоджа, Лаос, Монголия, Мьянма, Нигерия
Тарифные квоты	ЕС, Индия, Япония
Запреты на импорт	ЕС, Индия, Индонезия, Казахстан, Монголия, Нигерия, Сингапур, Украина
Запреты на экспорт	Казахстан

Источник: составлено автором по данным Министерства экономического развития РФ и Федеральной службы государственной статистики РФ.

На рисунке 2 наглядно представлены меры, применяемые к товарам российского производства на 1 декабря 2021 г.

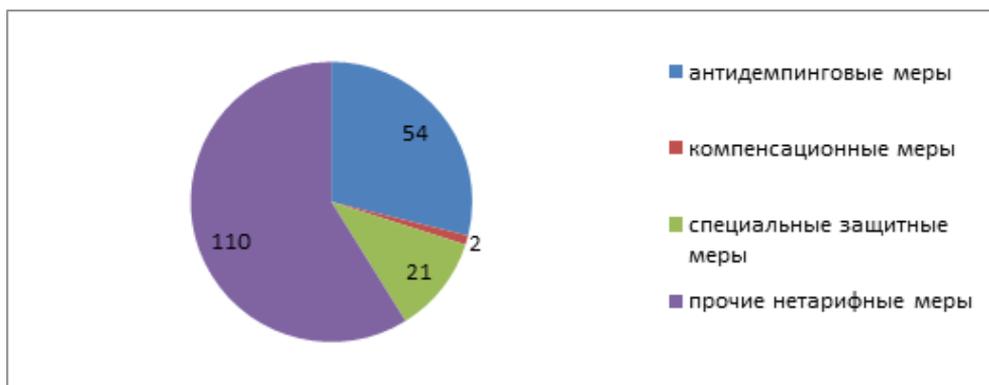

Рис. 2. Меры, применяемые к российским товарам на 1 декабря 2021 г., шт.

Источник: составлено автором по данным Министерства экономического развития РФ и Федеральной службы государственной статистики РФ.

Статистические показатели, размещённые на официальном сайте Министерства экономического развития Российской Федерации, позволяют рассмотреть динамику мер нетарифного регулирования в отношении российских товаров. В таблице 2 приведены статистические данные реестров ограничительных мер за 2014–2021 гг.

Таблица 2

Динамика применяемых к российским товарам нетарифных мер за 2014–2021 гг., шт.

Меры нетарифного регулирования	01.02.2014	01.12.2014	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2021 к 2014 г.
Всего	79	102	110	125	144	162	192	195	187	+108
Антидемпинговые меры	41	40	39	40	43	48	50	49	54	+13
Специальные защитные меры	5	9	15	17	12	19	26	22	21	+16
Компенсационные меры	–	–	1	1	1	1	1	1	2	+2
Прочие нетарифные меры	33	48	50	62	80	87	115	123	110	+77
Административные меры*	16	20	23	28	28	22	31	40	39	+23

Продолжение таблицы 2 на следующей странице

Продолжение таблицы 2

Технические барьеры	8	9	9	10	16	14	18	14	20	+12
Тарифные квоты	2	2	3	3	3	3	4	4	4	+2
Импортные квоты	—	3	1	1	2	3	3	3	2	+2
Дополнительные пошлины и сборы	1	1	—	—	—	5	6	10	4	+3
Акцизы на дискриминационной основе	3	5	4	5	7	5	4	3	3	—
Ограничение по номенклатуре	1	1	—	—	—	—	1	1	1	—
Запрет на импорт	2	4	3	4	6	8	9	12	9	+7
Санитарные и фитосанитарные меры	—	3	7	11	18	26	38	34	26	+26
Взимание импортной пошлины	—	—	—	—	—	1	1	2	2	+2
Угроза введения мер	—	5	5	5	8	7	7	8	7	+7

* С 2015 по 2017 г. в административные меры включены дополнительные сборы и ограничения по номенклатуре.

Источник: составлено автором по данным Министерства экономического развития РФ и Федеральной службы государственной статистики РФ.

Данные таблицы 2 свидетельствуют о том, что за 2014–2021 гг. нетарифные меры регулирования в отношении российских товаров продолжают расти.

По статистическим данным, в 2021 г. действовало 187 мер нетарифного регулирования. Если провести сравнительный анализ с 2014 г. (до введения санкций странами Запада, США и иными государствами), то в 2021 г. наблюдается значительный рост введения мер нетарифного регулирования. Абсолютный прирост в 2021 г. составил 108, что на 136,7 % больше, чем в 2014 г. Однако если сравнивать показатели 2021 г. по отношению к 2020 г., то меры нетарифного регулирования стали снижаться, но незначительно, всего на 4,1 %.

Рис. 3. Количество и виды нетарифного регулирования, действующие на мировых рынках в отношении товаров российского производства на 1 декабря 2021 г., шт.

Источник: составлено автором по данным Министерства экономического развития РФ и Федеральной службы государственной статистики РФ.

Наибольшей популярностью среди запретов и ограничений пользуются антидемпинговые меры, которых в 2021 г. 54, что на 10,2 % больше, чем в 2020 г., и на 31,7 % больше, чем в 2014 г.

По статистическим данным Министерства экономического развития Российской Федерации, количество административных мер в течение 7 лет (2014–2021 гг.) постоянно росло. В 2021 г. действовало 40 мер, что на 143,7 % больше, чем в 2014 г. Если сравнивать 2021 к 2020 г., то весомого снижения не наблюдается. Количество компенсационных пошлин за анализируемый период увеличилось на 1.

В настоящее время механизм нетарифной политики в Российской Федерации постепенно адаптируется, государство проводит определённые реформы и приспосабливается к санкциям со стороны зарубежных стран.

Важно поддерживать открытость торговых потоков и функционирование цепочек поставок, а также предотвращать принятие мер, создающих ненужные барьеры для торговли.

Проблемы в сфере применения нетарифных мер регулирования в рамках ЕАЭС

Важнейшим направлением развития евразийской интеграции является совершенствование правовых основ нетарифных мер регулирования в рамках ЕАЭС. Процесс развития законодательных актов на евразийском

пространстве непрерывно растёт, в результате чего возникают определённые проблемы.

Одной из основных проблем в сфере применения нетарифных мер регулирования в рамках ЕАЭС является отсутствие или несовершенство законодательства.

Во-первых, государства – члены ЕАЭС имеют право самостоятельно устанавливать нетарифные меры регулирования, что соответственно приводит к росту цен. Затем, в законодательстве имеется разная терминология, что вызывает трудности в работе.

Во-вторых, трудности вызывает неоднородность национальных стандартов, когда документы оформляются на местном языке, соответственно участники ВЭД несут дополнительные расходы.

Следовательно, необходимо совершенствовать правовые нормы в соответствии с экономическими интересами стран – участниц ЕАЭС.

Проблема наличия препятствий связана с отсутствием или несовершенством как права ЕАЭС, так и национальных законодательств государств – членов ЕАЭС (барьеры, изъятия и ограничения).

Одним из перспективных направлений совершенствования права в сфере применения мер нетарифного регулирования внешнеторговой деятельности в рамках ЕАЭС является устранение препятствий в функционировании внутренних рынков. Препятствиями являются ограничения, барьеры и изъятия.

Данные статистики на 1 января 2020 г. свидетельствуют о том, что зарегистрировано 67 препятствий, из них барьеров – 16, изъятий – 14, ограничений – 7.

Следующей проблемой в законодательстве является различный порядок действия актов ЕАЭС.

Одной из проблем развития внешнеэкономической деятельности для государств – участников ЕАЭС является введение различного рода санкций странами ЕС, США и другими странами в отношении России.

Заключение

Выявленные проблемы требуют определения перспектив развития нетарифного регулирования внешнеторговой деятельности.

Совершенствование правовых основ нетарифных мер регулирования является важнейшим направлением развития внешнеторговой деятельности. Процесс развития правовых основ состоит из ряда направлений, которые, в свою очередь, выявляют существующие проблемы, в том числе и в сфере нетарифного регулирования.

Направления развития нетарифного регулирования внешней торговли в мире связаны непосредственно с унификацией методологии в рамках ЕАЭС.

К важнейшим направлениям развития нетарифных мер регулирования в странах ЕАЭС, целью которых является интеграция и способность конкурировать на внешних рынках, относятся «продвижение механизмов повышения прозрачности и доступности, гармонизация нормативной базы государств – членов ЕАЭС, комплексные меры по развитию межгосударственной стандартизации».

Процедуры сбора и обработки информации по мерам нетарифного регулирования обеспечивают прозрачность и доступность их применения. В целях достижения результатов применения мер нетарифного регулирования внешнеторговой деятельности необходимо решать следующие задачи:

- 1) искоренения коррупции в таможенных органах;
- 2) развития интеграционных процессов в рамках ЕАЭС;
- 3) формирования механизмов повышения прозрачности и доступности в рамках реализации принятия решений по вопросам нетарифных мер регулирования;
- 4) роста конкуренции товаров российских производителей на мировом рынке;
- 5) совершенствования нетарифного регулирования в целях уменьшения нагрузок на участников внешней торговли.

Совершенствование нетарифного регулирования внешнеторговой деятельности должно основываться на приведении нормативно-правовой базы государств – членов ЕАЭС в соответствие с правилами и нормами ВТО.

Можно выделить следующие основные направления, позволяющие выявить и устранить ограничения в отношении товаров российского происхождения:

- не допускать установления необоснованных торговых барьеров для конкурентоспособного экспорта российских товаров;
- устранять дискриминационный подход к российским компаниям на внешних рынках;
- защищать интересы России с торговыми партнёрами на двустороннем и многостороннем уровнях, а также поддерживать средние и малые предприятия-экспортёры;
- содействовать российским производителям и экспортёрам в выявлении торговых барьеров;
- разъяснять отечественным производителям и экспортёрам положения многосторонних торговых соглашений, в том числе вопросы благоприятного доступа к российским товарам.

Список литературы

Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) // <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/.pdf>, дата обращения 05.04.2022.

Протокол о мерах нетарифного регулирования в отношении третьих стран (Приложение № 7 к Договору о Евразийском экономическом союзе) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/d83c9a12a15e85182edb29fe3284937fcb78fb85/, дата обращения 05.04.2022.

Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21.04.2015 № 30 «О мерах нетарифного регулирования» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_178556/, дата обращения 05.04.2022.

Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304093/, дата обращения 05.04.2022.

Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» с последующими изменениями и дополнениями // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45397/, дата обращения 05.04.2022.

Федеральный закон от 16.07.1999 № 165-ФЗ «О специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мерах при импорте товаров» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45398/, дата обращения 05.04.2022.

Евразийская экономическая комиссия // <http://www.eurasiancommission.org/>, дата обращения 05.04.2022.

Федеральная служба государственной статистики // <http://www.gks.ru>, дата обращения 05.04.2022.

Министерство экономического развития Российской Федерации // http://www.ved.gov.ru/rus_export/torg_exp/, дата обращения 05.04.2022.

AKMATALIEVA Aida S., Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Customs Affairs of the Western Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA).

Address: 62, Artillery str., Kaliningrad, 236016, Russian Federation.

E-mail: aas.250580@mail.ru

SPIN-code: 8829-4975

DOI: 10.48137/26870703_2022_18_2_157

FEATURES OF THE APPLICATION OF NON-TARIFF MEASURES TO REGULATE FOREIGN TRADE IN RELATION TO RUSSIAN GOODS

DOI: 10.48137/26870703_2022_18_2_157

Received: 01.06.2022

For citation: *Akmatalieva A. S.*, 2022. Features of the Application of Non-Tariff Measures to Regulate Foreign Trade in Relation to Russian Goods. – *Geoeconomics of Energetics*. № 2 (18). P. 157–170. DOI: 10.48137/2687-0703_2022_18_2_157

Keywords: customs regulation, foreign economic activity, the World Trade Organization, the Eurasian Economic Union, customs and tariff measures, non-tariff measures, prohibitions and restrictions, trade restrictions.

Abstract

The authors look into the legal aspects of non-tariff measures of foreign trade customs regulation. The subject of the study is the basic regulatory document for the EAEU member countries, which stipulates non-tariff measures of customs regulation. The author emphasizes the negative effects of bans and restrictions on the access of Russian goods to foreign markets. The article also includes a list of restrictive measures applied by various countries to Russian goods.

The author analyzes the dynamics and types of non-tariff regulation measures in relation to Russian goods. The analysis shows that in 2014–2021 the number of non-tariff regulatory measures aimed at Russian goods continued to grow and anti-dumping measures were the most common ones. Currently, the mechanism of non-tariff policy in the Russian Federation is gradually adapting to sanctions from foreign countries.

The author reveals the problems in the sphere of application of non-tariff regulatory measures within the framework of the EAEU. As a result of the analysis, the main directions for identifying and eliminating restrictions on Russian-made goods have been outlined. It is important to emphasize the necessity to maintain the openness of trade flows and the functioning of supply chains, as well as to prevent the adoption of measures that create unnecessary barriers to trade. Improvement of non-tariff regulation of foreign trade activities should be based on bringing the regulatory framework of the EAEU member states in line with the rules and norms of the WTO.

References

Treaty on the Eurasian Economic Union (signed in Astana on 29.05.2014) // <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/.pdf>, accessed 05.04.2022. (In Russ.)

Protocol on Non-Tariff Regulation Measures in Respect of Third Countries (Annex No. 7 to the Treaty on the Eurasian Economic Union) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/d83c9a12a15e85182edb29fe3284937fcb78fb85/, accessed 05.04.2022. (In Russ.)

Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission dated 21.04.2015 No. 30 «On measures of non-tariff regulation» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_178556/, accessed 05.04.2022. (In Russ.)

Federal Law of 03.08.2018 No. 289-FZ «On Customs Regulation in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304093/, accessed 05.04.2022. (In Russ.)

Federal Law of 08.12.2003 No. 164-FZ «On the Basics of State Regulation of Foreign Trade Activity» with subsequent amendments and additions // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45397/, accessed 05.04.2022. (In Russ.)

Federal Law of 16.07.1999 No. 165-FZ «On Special Protective, Anti-Dumping and Countervailing Measures in the Import of Goods» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45398/, accessed 05.04.2022. (In Russ.)

Eurasian Economic Commission // <http://www.eurasiancommission.org/>, accessed 05.04.2022. (In Russ.)

Federal State Statistics Service // <http://www.gks.ru>, accessed 05.04.2022. (In Russ.)

Ministry of Economic Development of the Russian Federation // http://www.ved.gov.ru/rus_export/torg_exp/, accessed 05.04.2022. (In Russ.)

CONTENTS

EDITORIAL	4
CURRENT TRENDS IN THE ENERGY SECTOR	
M. SALIKHOV, I. USHKOV, S. MITRAKHOVICH. <i>Increased Sanctions Against Russian Energy Market. Interviews</i>	6
ENERGY POLICY	
A. GROZIN. <i>China's Foreign Economic Policy in Central Asia: Achievements and Challenges in the Energy Sector.</i>	34
D. KHARITONOVA. <i>Mongolia's Energy Policy and Cooperation with Russia.</i>	62
GEOPOLITICS AND ENERGY MARKETS	
D. VYSHEGORODTSEV. <i>German Political Foundations as An Instrument of Germany's Energy Policy in Central-Eastern Europe.</i>	80
GLOBAL AND REGIONAL SYSTEMS	
I. KRISHTAL. <i>Labor Market in the CIS and Regional Migration: New Trends and Old Patterns</i>	120
INTERNATIONAL COOPERATION	
A. PYLIN. <i>The Potential of Cross-Border Cooperation Between Russia and Kazakhstan As a Factor in the Development of the Regional Economy in the Current Context</i>	137
INSTITUTIONS AND LEGAL REGULATION	
A. AKMATALIEVA. <i>Features of the Application of Non-Tariff Measures to Regulate Foreign Trade in Relation to Russian Goods</i>	157

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имён, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится заимствований, нарушающих чьи-либо авторские права, и данных, не подлежащих открытой публикации. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Редакция не ведёт переписку с авторами. Рукописи не возвращаются.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Геоэкономика энергетики» обязательна.

Научно-аналитический журнал «Геоэкономика энергетики»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-75848
выдано 13 июня 2019 года

Возрастная категория: 16+

Подписной индекс 33321 на полугодие
в интернет-каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

ISSN 2687-0703

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ГЕОЭКОНОМИКА ЭНЕРГЕТИКИ»
№ 2 (18) 2022

Издательство Института стран СНГ
Адрес издательства и редакции: г. Москва, ул. Б. Полянка, дом 7/10, стр. 3
Телефоны: (499) 799-81-49, (499) 799-81-62
E-mail: info@geoenergy-journal.ru
Сайт: <http://geoenergy-journal.ru>

Подписано в печать 30.06.2022
Формат 70×100 1/16. Печать офсетная.
Тираж по заказу.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ООО «ПРИНТИКА».
109542, г. Москва, Рязанский проспект, д. 91, корп. 1, пом. 11, к. 2, оф. 14-5.

